

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

И. МОЖЕЙКО

5000 ХРАМОВ НА БЕРЕГУ ИРАВАДИ

(Паганское царство)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1967

Ответственный редактор
Д. В. ДЕОПИК

Можейко И. В.

М74 5000 храмов на берегу Иравади (Паганское царство), Худож. И. В. Можейко, М., Главная редакция восточной литературы, Издательство «Наука», 1967.

Научно-популярная книга о Паганском государстве (XI—XIII вв.), одном из крупнейших государств Азии. В книге рассказывается об истории открытия и изучения Пагана, ранних государствах на территории Бирмы, политической истории, социально-экономических отношениях, религии, культуре и архитектуре Паганского государства. Книга иллюстрирована рисунками, картами, схемами и фотографиями.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление

Глава первая. Открытие Пагана.

Две тысячи больших слонов. Город становится легендой. Что увидел Сайме. Патер Санджермано, миссионер. «Хроника Стеклянного дворца». «Паган нас поразил». Грабитель с шестью помощниками. Губернатор пишет книгу. Разгадка тайны пью. «Низко кланяемся Вам». Они работают сегодня. Город царицы Пейктано. Паган оживает

Глава вторая. Древняя Бирма.

Путь на юг. Корабли причаливают к берегу. В долине Иравади. Суриявикрама и его родственники. Конец царства пью. В городе двенадцать ворот. Монский союз городов. Гигант Ламба и пастух. Страна за цепью гор. Одно из племен

Глава третья. История Паганского царства.

Бирманцы спускаются в долины. «Пьинбу обнес Паган стеной». Паган становится столицей Бирмы. Восстание монов. Годы расцвета. Смутное время. Период реформ. «Ничтожные цари». Битва на севере. Конец царства

Глава четвертая. Царь и его подданные.

Каруины и туики. Власть верховная. На царской службе. Армия. Социальная структура. Свобода не для каждого. Основа богатства. Строится храм. Пути торговые. Были ли деньги?

Глава пятая. Религия — буддизм.

Буддизм приходит в Бирму. Плохи ли ари? Монастыри и монахи. Монастырские университеты. Рождение литературы. Скульпторы и художники

Глава шестая. Храмы и пагоды.

Город. «Большой» храм Ананда. Еще о «больших» храмах. «Малые» храмы Пагана. Трагедия царя Манухи. Эволюция храмов. Рассказ о пагодах. Не только храмы и пагоды. Путь к вершинам. Авторы — бирманцы

Вступление

В самом центре Бирмы на берегу реки Иравади лежит мертвый город Паган. В течение двух с половиной веков (1044—1287 годы) Паган был столицей первого бирманского государства, одним из крупнейших городов средневекового мира. По имени его бирманская средневековая империя известна под названием Паганское царство.

Дорога к Пагану идет вдоль Иравади по плоской равнине среди невысоких крутых холмов, вершины которых украшены белыми пагодами. Равнина поросла кактусами, редким кустарником, и кое-где к самой дороге подступают рощи масличных пальм. Места здесь сухие, жаркие, воды мало, и потому крестьяне в основном выращивают не рис, как в южных областях страны, а арахис, перец и другие засухоустойчивые культуры. Неподалеку от города за холмами заканчивается сооружение большого ирригационного комплекса Чемоутау, водохранилище которого оросит многие тысячи акров пустыющих земель. На горизонте возвышается синяя величественная гора — потухший вулкан Поупа, испокон века священная гора для бирманцев. За рекой холмы подымаются грядами и, постепенно повышаясь, переходят в Чинские горы.

Вот в этом краю и был основан тысячу лет назад бирманцами, а вернее их предшественниками — народом пью, город Паган. Город быстро рос — он был очень удачно расположен. Паган контролировал долину Иравади. Здесь сходились торговые пути с севера страны, с юга — от приморских городов, с востока — из долины рек Ситтана и Сальвина, с запада — с Чинских гор. В Пагане пересекались пути из других стран.

Хотя Бирма отделена от Индии, Китая и государств Индокитайского полуострова горами и лесами, издавна через ее северные районы проходили пути из Индии в Китай, существовали дороги, связывавшие ее с государством Наньчжао на северо-западе, с Лаосом и Камбоджей. С юга через Бенгальский залив и Андаманское море проникали купцы из Южной Индии, Малайского архипелага, Цейлона. И почти все эти пути так или иначе не могли миновать Паган.

Если сегодня подъезжаешь к древнему городу, то сначала на горизонте в мареве возникают голубые игрушечные силуэты храмов и пагод. Кажется, они плывут над землей, над высушенной травой, кактусами, серыми песчаными проплешинами. Их становится все больше и больше, этих голубых храмов, они охватывают горизонт полукругом, и раньше, чем почувствуешь их красоту и величие, ощущаешь удивление от многочисленности их.

Ближе, когда можно уже различить очертания храмов и пагод, удивляешься их разнообразию, богатству выдумки бирманских зодчих, подчиненной тем не менее строгим и благородным канонам. Паган, несмотря на множество храмов и пагод, — это один памятник, памятник-город. Время уничтожило деревянные части домов и дворцов, стерло краску со стен, осыпало кое-где штукатурку. Если можно привести не совсем точное сравнение — сегодня мы видим остов Пагана, но остов этот удивителен и прекрасен.

По сведениям бирманского Археологического управления, в Пагане около пяти тысяч храмов и пагод. Некоторые из них стоят такими же, какими были построены в XII веке, от других остались только кучки щебня. Но так случилось с немногими. Сухой климат долины сохранил паганское чудо.

Судьба Пагана сложилась счастливее, чем судьба его брата — Ангкора, столицы соседнего кхмерского государства, поглощенного джунглями и забытого людьми. Никто никогда в Бирме не забывал о Пагане. Последующие столицы (Паган был оставлен жителями примерно в 1300 году) строились неподалеку, на берегах той же Иравади, и корабли, поднимающиеся по реке, неизбежно целый день плыли мимо бесконечного ряда выбегающих к реке храмов. Не только жители тех деревень, что разместили свои поля и выпасы между каменных громад, но и жители всей Бирмы издавна поклоняются Пагану, и с ходом времени он превратился в город почти легендарный. Народная память сохранила имена царей и героев Пагана, перенесла их в сказки и легенды. Чанзитта и Анората, как арабский халиф Гарун аль-Рашид, перешли из истории в фольклор.

Однако подобная известность Пагана и его почитание не распространялись за пределы Бирмы. И хотя английские путешественники начала XIX века сообщали о существовании громадного мертвого города в малоизвестной Бирме, сообщения их не стали предметом широкой гласности. Нельзя сказать, что Паган тщательно исследовали и во время британского колониального владычества вплоть до достижения Бирмой независимости в 1948 году.

Рассказывая о Пагане, о значении его в истории Бирмы, в развитии бирманской культуры, никак нельзя забывать о том, что многолетняя борьба Бирмы за национальную независимость сопровождалась лозунгами возрождения национальной культуры, языка, изучения бирманской истории, и в свете этого бирманские революционеры особое внимание обращали на Паганское государство — символ могущества Бирмы. Ведь естественное развитие бирманского общества было нарушено британской колонизацией (1885—1948 годы). Бирме были навязаны выгодные для Великобритании пути экономического и политического развития, противоречившие бирманской действительности. В политическом отношении в течение многих лет Бирма была одной из провинций Индии. Экономика ее развивалась однобоко, уродливо, и страна превратилась в сырьевой придаток Британской империи.

В современной Бирме изучению Паганского государства уделяется большое внимание. В Пагане работают археологи и историки, студенты художественных училищ проходят там практику, копируя бесценные фрески, филологи и литературоведы

расшифровывают древние надписи, разыскивают хроники, уходящие корнями в Паганский период, искусствоведы изучают многочисленные скульптуры, реставраторы трудятся в храмах, восстанавливая их прежний облик, спасая от разрушения.

Паган для бирманцев — не мертвое прошлое. Паган—символ бирманской государственности, источник бирманского фольклора, учебник для архитекторов и художников, предмет гордости каждого бирманца. Изучение Пагана, колыбели бирманской культуры и государственности, актуально не только потому, что открывает перед нами важную страницу истории человечества, но и потому, что способствует пониманию развития бирманского общества и национальной культуры, способствует дальнейшему сближению и культурному обогащению народов.

Значение Пагана трудно переоценить. Пять тысяч пагод и храмов, стоящих на берегу Иравади, представляют собой совершенно незабываемое зрелище и вызывают искреннее уважение к бирманскому народу, создавшему это «чудо света». Однако по сей день, несмотря на большое количество специальных статей, освещающих ту или иную сторону жизни Паганского государства, несмотря на существование монографий и учебников по истории Бирмы, нет еще ни одной работы, посвященной Паганскому государству, которая не ограничивалась бы политической историей его или описанием храмов и пагод. Попыткой дать общую картину Пагана и является эта книга.

Автору хотелось слить воедино то, что известно о Паганском государстве, начиная с записок путешественников и старинных хроник, кончая результатами археологических работ недавнего времени и данными расшифровки надписей, рассказать также и о государствах, которые предшествовали Пагану, — ведь он возник не на пустом месте, а родился на базе развитых, интереснейших и почти забытых цивилизаций монов и пью. Описывая храмы и пагоды, статуи и фрески Пагана, автор пользовался не только письменными источниками, но и собственными впечатлениями от посещений Пагана и других древних городов Бирмы.

Многое еще неизвестно о Паганском государстве — не все надписи найдены и прочитаны, не везде еще велись археологические раскопки, недостаточно знаем мы и об общественном строе государства, культуре его. Кое о чем приходится только догадываться. Но нельзя ждать, пока все встанет на свои места и все белые пятна будут заполнены.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Открытие Пагана

Две тысячи больших слонов. Город становится легендой. Что увидел Саймс. Патер Санджермано, миссионер. «Хроника Стеклянного дворца». «Паган нас поразил». Грабитель с шестью помощниками. Губернатор пишет книгу. Разгадка тайны пью. «Низко кланяемся Вам». Они работают сегодня. Город царицы Пейктано. Паган оживает.

Две тысячи больших слонов

«Забыл я рассказать о большой битве в царстве Вочиан, а рассказать о ней в этой книге следует, потому и опишем ее ясно, как она произошла.

...Царь Мьяна и Бангалы был сильный: много у него было и земель, и богатства, и народа; великому хану он не подчинился... Узнал царь Мьяна и Бангалы, что войско великого хана в Вочиане, и решил, что сможет идти на это множество людей, побьет их всех и великий хан вперед не захочет посылать туда войска...».

В камере генуэзской тюрьмы было двое. Пизанец Рустичелло записывал под диктовку неторопливый рассказ купца и путешественника Марко Поло о его долгих странствиях. Шел 1298 год.

«Стал этот царь делать вот какие великие приготовления: было у него, скажу вам по правде, две тысячи больших слонов; и на каждого слона приказал он приладить деревянный теремец, красивый и приспособленный к бою; в каждом теремце было по двенадцать воинов, в ином шестнадцать, а в ином и побольше; было у него шестьдесят конных, были и воины».

Переписчик Рустичелло скептически покачал головой. Марко Поло не знает удержу в своих рассказах. Ну где это видано, чтобы у царя было две тысячи слонов, да еще с теремцами на спинах? Но все равно — интересно узнать, чем же кончилась эта битва. И переписчик снова склоняется над листами пергамента.

В самом же деле венецианец рассказывал чистую правду. Чистую правду о последних днях восточного царства Паган (под названием Мянью оно было известно китайцам), о действительно происшедшей битве между китайцами и войсками паганского царя, известного в бирманских легендах под именем Тарукплуй, что значит «убежавший от китайцев».

Четыре маленькие главки в книге Марко Поло — это первые сведения в Европе о Паганском царстве. Еще не ушли из Пагана последние жители, не заросли травой и кактусами дорожки между храмами, не сгнили резные колонки царских дворцов, а читатели чудесной книги с удивлением и недоверием листали страницы с описанием страшной битвы.

Правда, никто, кроме самого Марко Поло, не мог бы точно указать путей к погибшему царству, и название его — Мянью — больше никогда не встретится в книгах. Поэтому в течение столетий никто не связывал царство Мянью с Бирмой. И только лет сто назад исследователи, старавшиеся проследить по карте путь Марко Поло, поняли, что он имел в виду, говоря о царстве Мянью.

Марко Поло сам вряд ли побывал в Пагане, но в походе китайцев против Мянью и в одной из битв, решивших судьбу царства, Марко Поло, вернее всего, участвовал. Он рассказывает о ней очень живо, точно, образно, и ни в чем его рассказ не противоречит тем данным, которыми сегодня располагают историки.

О Пагане Марко Поло знает только, что в нем было две башни — одна позолоченная, другая — посеребренная. В высоту они были десять шагов и столько же в окружности. Кругом были золоченые колокольчики; подует ветер — они позванивают. В Бирме и по сей день золотят пагоды и вершину их украшают звенящими колокольчиками. Серебряных, правда, пагод там не встречается.

Марко Поло присутствовал при агонии Паганского царства. К 1300 году последние жители покинули его и город умер. Остались только многочисленные пагоды и храмы, почитаемые жителями соседних деревень и изредка посещаемые паломниками. Долгий период смут, междоусобных войн, раздоров ослабил страну, и уж не только о Пагане, да и о самой Бирме до XVI века мало что было известно за ее пределами.

Город становится легендой

В XV веке европейские путешественники и миссионеры начали все чаще и чаще проникать в восточные государства, кто в поисках пряностей, кто стараясь найти легендарное христианское королевство Иоанна, кто пытаясь проповедовать христианство. Попадали они и в Бирму.

При дворах князей и царьков раздробленной Бирмы писались хроники. В них род правителя прослеживался к самому Будде, в них смешивались легенды и правда, и в них обязательно фигурировал Паган, также превращавшийся в легенду о славном прошлом, о времени, когда Бирма была едина и могуча.

Венецианский купец Николо де Конти, который провел в Азии двадцать пять лет, вернувшись домой в 1444 году, продиктовал свои воспоминания папскому секретарю. Он не только был в Бирме, но даже поднимался по Иравади до тогдашней столицы — Авы и неизбежно Должен был увидеть Паган. Но об оставленном жителями городе он не говорит ни слова. Не упоминает о Пагане ни русский путешественник Афанасий Никитин, посетивший Бирму вскоре после де Конти (*ошибка. Никитин в Бирме не был. — Прим. OCR*), ни Иеронимо де Санто Стефано, проживший в монской столице Пегу полтора года, ни крупнейший путешественник и авантюрист XVI века Лодовико ди Вартема, оставивший интересное описание Пегу и Малаки. Это не удивительно. Путешественники тех времен были в первую очередь разведчиками, и причем разведчиками торговыми. Они описывали только те города, страны и места, которые могли бы представить интерес для купцов. Паган такого интереса ни для кого не представлял.

В самой же Бирме интерес к Пагану неуклонно рос. Вызывался он не только памятью о славном прошлом, но и проблемами настоящего: первоочередными становились задачи объединения страны, и Паган — пример того, что может достигнуть единая, сильная Бирма.

Десятки хроник, посвященных в большей части славному Пагану и ставящих его в пример современникам, появляются в течение XVII—XVIII веков. Авторы их уже не ограничиваются описанием сказочных подвигов паганских царей. Они изучают более древние хроники, обращают внимание и на надписи на камнях, сохранившихся почти у каждой бирманской деревни.

Крупнейшей из бирманских исторических хроник стала хроника У Кала. Если обычно авторами хроник были монахи, что и сказывалось на содержании их трудов, то У Кала был светским человеком. Отец его, богач, был приближенным бирманского царя, сам У Кала тоже много лет провел при дворе и был образованным, знающим и передовым человеком своего времени. Хроника У Кала не только крупнейшее историческое сочинение Бирмы XVIII века, но и очень важный памятник литературы, язык и стиль которого долго служили образцом для такого рода сочинений. У Кала, прежде чем написать свой труд, прочел почти все, что было написано до него, причем он критически сравнивал сведения, приводимые в старых хрониках, не все брал на веру, старался избавиться от неправдоподобных легенд, которыми монахи обильно украшали свои труды. За хроникой У Кала последовало множество подражаний, дополнений. Таким образом, уже двести лет назад история Пагана, хоть и не всегда достоверная и точная, но в общих чертах правильная, была создана в Бирме. Бирманцы о Пагане не забывали.

Тем временем к бирманским берегам все чаще приставали иноземные корабли. Уже захвачены голландцами Ява и Суматра, утратили независимость Филиппины, англичане покорили большую часть Индии. В течение XVII—XVIII веков европейцы неоднократно пытались укрепиться и в Бирме, но попытки их кончались неудачно.

Больше других удача сопутствовала португальскому авантюристу де Бриту, который сумел захватить южнобирманский порт Сириам, объявить себя королем и продержаться вместе с отрядом португальских наемников двенадцать лет, но и он в 1613 году потерпел поражение и был казнен бирманцами.

Во второй половине XVIII века, при короле Алаунпая, Бирма снова стала единым, сильным государством, и европейцы не могли уже играть на противоречиях между отдельными князьями и царями страны. Но на пороге Бирмы уже появился сильный, жестокий враг, с которым бороться было куда труднее, чем с отдельными авантюристами. Этим врагом была Великобритания, одно за другим покорявшая государства и княжества раздробленной Индии.

Что увидел Саймс

В 1795 году губернатор Индии послал к бирманскому двору миссию во главе с Майклом Саймсом. Англичан беспокоило, что их соперники — французы ремонтировали свои суда в бирманском порту Мергуи. Кроме того, англичанам хотелось получить разрешение бирманского правительства на то, чтобы в столице Бирмы жил английский торговый резидент.

Корабль, на котором поднимались по Иравади англичане, медленно плыл среди рисовых полей, лесистых холмов, увенчанных белыми пагодами, мимо деревень и небольших сонных городков.

Руководитель миссии был незаурядным человеком. Он отличался любознательностью, образованностью и доброжелательным отношением к бирманцам. Целыми днями Саймс не покидал палубы корабля, стараясь не пропустить чего-нибудь интересного. Ведь никто в Европе не знает ничего достоверного ни о культуре этой страны, ни о памятниках ее искусства, ни о нравах и обычаях. Ежедневно в дневниках Саймса появлялись новые записи, которые через гол лягут в основу первой действительно интересной и достоверной европейской книги о Бирме. Но вряд ли бы эта книга представляла для нас такой интерес, если бы Сайме не посетил Паган.

Чудо, увиденное английским офицером, оказалось неожиданным. Низкий левый берег реки был усеян странными постройками, пагодами, храмами, — ничего подобного не приходилось видеть ни Саймсу, ни его спутникам. На берегу Саймса ждали роскошно одетые бирманские вельможи. По приказанию царя Бирмы навстречу английской миссии был выслан разукрашенный и покрытый тонкой резьбой царский корабль, на котором Саймсу и предстояло продолжить путешествие. Царь Бирмы сознательно послал своих приближенных и корабль именно в Паган. Здесь, где остро ощущалось величие и древность Бирмы, встреча эта была особенно торжественна и внушительна.

Сайме поднялся на берег. Он медленно шел от храма к храму по узким тропинкам, и город открывался перед ним, огромный, таинственный и прекрасный. Сайме заходил в полутемные храмы, и в высоких коридорах его встречали загадочной улыбкой позолоченные статуи Будды. Из-под слоя вековой пыли проглядывали линии и краски фресок, покрывающих, как ковер, стены и потолки храмов. Сайме поднимался на верхние террасы храмов Годопалин и Ананда и видел, как до самого горизонта, до дальних холмов, тянутся бесконечные храмы. Английский офицер был покорен городом. Впоследствии в своей книге он посвятит ему одну из лучших глав.

Книга Саймса, вышедшая через год в Лондоне, вызвала большой интерес. В ней рассказывалось об экзотической стране, причем о стране, которая уже не так и далека от английских владений. С удивлением читали европейцы и описание Пагана. Но рисунков в книге было немного, и Саймс сумел передать в ней только самую малую часть действительной красоты и величия мертвого города. Отныне Европа знала о существовании Пагана, но он еще не был открыт. Ни Саймс, ни его спутники не смогли сказать ничего о том, кем и когда был основан город, почему он погиб. Саймс сообщил, что город был оставлен жителями по божественному предопределению. И все.

Последовавшие за Саймсом английские офицеры, чиновники и миссионеры, которые видели Паган, но предвзято относились к самим бирманцам, сделали из существования города весьма различные выводы. Некий Хавелок, участник англо-бирманской войны 1824—1825 годов, начисто отверг его ценность как памятника искусства. «Здесь есть мало того, чем можно было бы восторгаться, — писал он, — нечему поклоняться, нет ничего, что указывало бы на вкус или изобретательность народа, с которым путешественник уже столкнулся в Рангуне». Другой англичанин, Одхэм, уверяет в своих записках, что бирманцы, будучи народом невежественным, такого прекрасного города построить не могли. Это сделал за них кто-то другой. Кто? — этот вопрос Одхэм решить не смог.

Рассуждения Подобного рода никак не способствовали открытию Пагана. Их авторы о Пагане ровным счетом ничего не знали. Да и не могли знать, пока оставались непереуведенными бирманские хроники.

Патер Санджермано, миссионер

Патер Санджермано, итальянец, католический миссионер, приехал в Бирму в 1783 году. Обосновался он в Рангуне, теперь столице Бирмы, а тогда небольшом городке в дельте Иравади. Санджермано повезло больше, чем другим миссионерам. Обычно они не приживались в буддийской стране, жители которой не проявляли никакой готовности сменить веру, и покидали Бирму, не приобретя лавров. Итальянский же патер прожил в Рангуне двадцать пять лет, хорошо изучил бирманский язык, завел полезные знакомства и сведений о Бирме собрал больше любого из своих предшественников.

Вернувшись в 1808 году в Ватикан, патер Санджермано представил начальству настолько интересный и обширный отчет о Бирме, что через несколько лет он был издан и немедленно переведен на многие языки, в первую очередь на английский.

«Бирманская империя» патера Санджермано стала настольной книгой для тех, кто намеревался эту империю покорить. В книге есть большая историческая часть. Патер приводит вначале известную в Бирме легенду о решетке, которое выпало у нерадивой хозяйки, покатило по улице и вызвало такой переполох, что Бирма разделилась на три царства. Затем он глубокомысленно утверждает, что бирманцы по происхождению — татары, пришедшие с китайско-монгольскими войсками во время войны Пагана с Китаем, той самой, очевидцем которой, как мы знаем, был Марко Поло. Сведения эти не выдерживают никакой критики и свидетельствуют об определенной ограниченности миссионера. Но помимо этих сведений в «Бирманской империи» Санджермано была еще одна глава, где патер не придумал ни строчки, глава эта — перевод одной из бирманских хроник о Пагане. Из нее читатели узнали о том, что существовало Паганское государство, столицей которого был город Паган, узнали имена его царей и названия крупнейших храмов.

«Хроника Стеклянного дворца»

Санджермано не подозревал, что в то время, когда он заканчивал свой труд, на севере Бирмы, в столице ее Амарапуре, были собраны новые сведения о Пагане.

В начале прошлого века король Бирмы Бодопая, властный и гордый правитель, решил составить регистр доходов страны для того, чтобы установить размеры налогов. Для этого были опрошены все старосты деревень, специальные чиновники обследовали все провинции страны, и отчеты об этой работе были записаны на пальмовых листьях и помещены в дворцовой библиотеке. Во время обследования поднялся вопрос — все ли многочисленные монастыри Бирмы законно собирают налоги со своих земель?

Ответить на него было нелегко — ведь земли монастырям дарились царями и знатю в течение сотен лет, и порой никаких документов на право владения не сохранилось. Однако еще со времен Паганского государства сведения о дарениях высекались на камнях, и камни эти устанавливались у монастырей. Царь Бодопая, отлично зная об этом, приказал свезти камни с надписями к себе в столицу для проверки. И со всех концов страны потянулись в Амарапuru подводы, груженные плоскими, похожими на могильные, камнями. В столице их вкапывали в землю на специально отведенной площади.

Каких только камней не появилось на площади! Совсем древние, с полустертymi надписями, которых никто уже не мог разобрать, с надписями, соскобленными и высеченными вновь, с надписями, грубо стесанными зубилом (впоследствии выяснилось, что это делали рабы, стараясь уничтожить свои имена в списках рабов, пожертвованных

монастырям и пагодам). По надписям можно было изучить историю бирманского языка — от лаконичных, коротких фраз с неустановившимся еще правописанием первых лет Пагана до изысканных надписей XIII—XV веков. Всего камней с надписями было около семисот. Оказалось, что не все надписи имеют отношение к монастырским землям. Тут были и тексты эдиктов паганских царей, и перечни затрат на строительство храмов, и завещания богачей. И когда через несколько лет бирманский царь приказал нескольким придворным и историкам написать новую, большую хронику, в которой история страны излагалась бы подробно, в героическом духе и могла бы служить не только летописью событий, но и прославляла бы царскую власть, историки вспомнили об этих надписях.

Бирманские ученые — писали хронику самые образованные люди страны — собирались в «Стеклянном дворце» — одном из павильонов царского дворца, и хроника, написанная ими, известна под названием «Хроника Стеклянного дворца». Они старались тщательно исполнить указ царя, который пожелал, чтобы новая хроника была «поучением для царя, описанием дел государственных и религиозных и не должна включать противоречивых сведений или лжи... Она должна быть сверена с другими хрониками и надписями для того, чтобы достичь правды в свете здравого смысла и старых книг».

С самого начала работы ученые предположили, что некоторые из дат, приведенные в ранних исторических трудах и даже в великой хронике У Кала, не верны, потому что их брали из других хроник и не имели возможности сверить даты по таким достоверным источникам, как надписи на камнях. Теперь такая возможность была. И хотя к моменту составления «Хроники Стеклянного дворца» никто не помнил, откуда была привезена та или иная надпись (если на ней не было это указано), хотя некоторые из надписей никто не мог прочесть и разобрать, сведения, почерпнутые из них, оказались очень важными. В «Хронике Стеклянного дворца» правильно указаны годы основания и падения Паганского государства, даты правления большинства царей и даты некоторых важных событий жизни государства. Разумеется, в хронике силен и сказочный элемент. Особенно это касается частей, посвященных допаганским временам. Есть несообразности и противоречия и в описании Паганского периода. Составители хроник сами искренне верили, что дракон Нага мог существовать в Пагане и Даже быть отцом одного из паганских царей. Но если не обращать внимания на сказочные детали, то и сегодня хроника поражает своей достоверностью, осведомленностью о событиях семисотлетней давности.

Впоследствии, уже в середине прошлого века, была написана при бирманском дворе еще одна хроника — «Большая хроника». В части, посвященной Пагану, она повторяла «Хронику Стеклянного дворца», но еще большее место уделяла подвигам царей и героев, могуществу Бирмы. Современный бирманский историк Тин Он справедливо пишет о последних бирманских хрониках: «С их грандиозными описаниями славы и достижений прошлого эти хроники могут рассматриваться как сознательная попытка царя и министров поднять дух двора и народа, которые перенесли ужасное потрясение в результате разрушительной войны. Рассматривая эти работы в сравнении с действительной исторической обстановкой, нетрудно понять их помпезный и почти вызывающий тон. Вообще эти хроники — пример бирманского написания истории по заказу».

И все-таки, при всех недостатках, бирманские хроники очень многое дали будущим исследователям. Ни одна другая страна Юго-Восточной Азии не имела такой обширной исторической литературы.

«Паган нас поразило»

В первой половине прошлого века в Европе сильно возрос интерес к Бирме. Причиной послужили действия англичан. В 1824 году они высадили в Рангуне экспедиционный корпус, после почти года войны разбили бирманскую армию и по условиям мирного договора отняли у Бирмы часть ее южных земель. Вторая англо-бирманская

война 1852 года тоже закончилась поражением Бирмы. После нее Бирма потеряла выход к морю. Именно эти войны имел в виду Тин Он, когда писал, что хроники были «сознательной попыткой поднять дух двора и народа, которые перенесли ужасное потрясение в результате разрушительной войны».

Ранее почти неизвестная, Бирма стала предметом горячих обсуждений в европейских странах. И если английские газеты и журналы старались показать бирманцев дикарями и жестокими варварами, которых надо покорить ради их же блага, то газеты и журналы других стран и особенно России и Франции рассказывали своим читателям о Бирме с сочувствием, подчеркивали трудолюбие, древнюю культуру бирманского народа. Вторая половина XIX века была трагической для стран Юго-Восточной Азии. Одно за другим теряли независимость ее государства — Вьетнам, Камбоджа, Лаос; Малайя. Подобная участь была уготована и Бирме. Англия готовилась к новой войне. Ясно было, что рано или поздно она предпримет попытку окончательно покорить Бирму, превратить ее в колонию. Посольства и миссии, отправлявшиеся тогда из южной, «Британской», Бирмы на север, ко двору последних бирманских царей, напоминали военные экспедиции. Тон английских нот и меморандумов становился все более ультимативным. Но Бирма еще держалась. Умный царь Миндон, предпоследний правитель независимой Бирмы, вел гибкую политику, старался привлечь на свою сторону другие европейские страны, принимал все меры, чтобы не дать англичанам предлога для начала войны. Да и англичане не очень спешили: у них руки были заняты в других местах — в Индии, в Африке. Наступил недолгий период видимого спокойствия и непрочного мира.

В 1855 году к бирманскому двору отправилось очередное английское посольство. Во главе его стоял Артур Фейр — человек, с которым нам еще придется встретиться на страницах этой книги. В составе посольства находился молодой сапер Генри Юл, впоследствии кадровый колониальный чиновник. Но Юл был не только чиновником и не только офицером-сапером. Он был склонен к изучению памятников старины, неплохо разбирался в истории, и к старости он создал крупнейшее исследование о Марко Поло.

Когда корабль, на котором ехало посольство, причалил к руинам Пагана (члены посольства были о нем наслышаны, однако мало кто их видел), Юл был болен лихорадкой и лежал в каюте. С трудом он выбрался на палубу и тут же забыл о болезни.

«Паган нас всех поразил, — напишет он впоследствии. — Ни один из прежних путешественников в Аву не подготовил нас к созерцанию руин, настолько интересных и необыкновенных».

Из трех дней, проведенных в мертвом городе, Генри Юл один день пролежал в приступе лихорадки, один день был занят делами по посольству. И все-таки он успел снять планы девяти храмов, описать несколько других и более десятка храмов зарисовать. Описания и рисунки, сделанные Юлом, не потеряли ценности и сегодня.

После выхода в свет книги Юла Паган приобретает уже широкую известность. О нем пишет каждый чиновник, разведчик или путешественник, попавший в Бирму.

В 1885 году, когда на престоле был новый бирманский царь Тибо, королева Виктория опубликовала манифест, в котором говорилось, что жестокие поступки бирманского царя вызвали осуждение в цивилизованной душе британской королевы и она приказывает своим войскам вступить в бирманскую столицу и взять под охрану жизнь бирманцев. К тому времени, когда манифест был опубликован, английские части, поднявшись на пароходах по Иравади, уже вошли в Мандалай — столицу Бирмы. Бирма потеряла независимость.

Отныне Паган — собственность Великобритании. Доступ в совершенно неисследованный мертвый город, бережно хранимый бирманцами, был открыт для любого туриста, солдата или чиновника. И если солдаты предпочитали грабить жилые дома, охотясь за золотом и драгоценностями, то путешественники, претендовавшие на образованность, офицеры, высшие чиновники вывозили из Бирмы произведения искусства

— статуи будд, чинте — львов-хранителей, образцы резьбы по дереву, расписные коврики, старинные серебряные сосуды. Британская империя находилась на пути к вершине могущества, и аромат дальних покоренных стран веял над Альбионом. Модно было украсить свой ланкаширский дом диковинными статуэтками из Индии или Бирмы.

Паган еще не начали изучать, но уже всю грабили. История сохранила имена немногих из этих грабителей. Но об одном стоит рассказать не только потому, что он нанес Пагану наибольший ущерб, но и потому, что он был типичен — таких грабителей было много и различались они скорее масштабами действия, нежели отношением к бирманским древностям.

Грабитель с шестью помощниками

Семьдесят лет назад в Бирму приехал немецкий археолог Томанн. Он был тепло встречен колониальными властями, хотя бы потому, что в то время в этой среде было принято тепло относиться к «белым людям». Жизнь чиновников в колониях была скучна, часто недостаточно комфортабельна, и клуб, в котором изо дня в день встречались надоевшие друг другу люди и играли в надоевший теннис или бридж, приедался до остервенения.

Разумеется, Томанну было разрешено отправиться в Паган и проводить там археологические работы, тем более что плановых исследований сами англичане в Пагане почти не вели. Томанна сопровождали шесть помощников, также носивших звание археологов. Группа обосновалась в Пагане и несколько дней грабила город по пустыкам. Складывались в ящики статуэтки, votivные таблички, небольшие произведения искусства. Но Томанну хотелось крупных дел.

И вот археологи проникли в небольшой храм на самой окраине Пагана. Стены его и потолок были покрыты изумительными фресками. Сухой воздух долины сберег их в неприкосновенности. Сюда и перебралась экспедиция. Технология работы была несложной. Стену храма оклеивали газетами — археологи были запасливыми и привезли с собой несколько толстых кип немецких газет, затем пилой или топором из стены вырезали кусок штукатурки, покрытой живописью, выносили на улицу и клали в ящик. Когда ящик наполнялся, принимались за другой. Работа была немалой и требовала времени и настойчивости.

Бирманцы, жившие неподалеку, встревожились, отправились к английскому районному комиссару. Тот их принял. Комиссар был возмущен. В конце концов Паган — британская собственность. Одно дело вывозить статуэтки, но никто не предполагал, что Томанн возжелает вывезти целый храм. Пока комиссар собирался сурово покарать грабителя, Томаин, предупрежденный друзьями, успел погрузить на корабль большинство ящиков, а те фрески, что были вынесены наружу, но еще не упакованы, он просто раздробил на мелкие кусочки, чтобы замести следы. И уехал безнаказанным. Говорят, фрески эти видели перед войной в Гамбургском музее. Что с ними стало потом, никто не знает. Сам же Томанн выпустил по возвращении роскошно иллюстрированную книгу о Пагане. Ничего нового она в дело изучения Пагана не вносила, но была иллюстрирована прекрасными цветными репродукциями украденных фресок.

Мне рассказывал в Пагане хранитель местного музея, что еще лет пятьдесят назад город был прямо-таки усеян статуэтками и статуями, votivными табличками, керамикой. Со временем все эти ценности перекочевали к туристам. Да и сейчас иногда можно прочесть в бирманской газете лаконичную заметку о том, что такого-то числа такой-то турист был задержан на таможне при попытке провезти за границу произведения древнего бирманского искусства.

Губернатор пишет книгу

Итак, Бирма стала колонией. Английские власти сочли, что наступило время написать ее официальную историю, в том числе и историю Пагана. Автором этой истории стал крупный английский чиновник и незаурядный ученый Артур Фейр.

Артур Фейр родился в 1812 году в семье, издавна связанной с колониальными кругами. Брат его дослужился до генеральского чина. С детства Фейр был приписан к одному из индийских полков, в котором и начал служить в 1828 году. В 1835 году, через десять лет после окончания первой англо-бирманской войны, его перевели в южный бирманский порт Моулмейн, оказавшийся к тому времени в руках англичан, а в 1837 году Фейр переехал в Аракан, юго-западную провинцию Бирмы. В Аракане он уже стал районным офицером и к 1849 году был назначен комиссаром всей провинции. В свободное от комиссарских занятий время Фейр занимался изучением бирманской истории. За годы, проведенные в стране, Фейр многое узнал. Он не чурался бирманцев, не избегал знакомств, усердно посещал пагоды, беседовал с настоятелями монастырей и вельможами гибнущей бирманской империи. Несколько раз он возглавлял миссии и посольства к бирманскому двору, а в 1862 году был назначен верховным комиссаром всей Британской Бирмы. Через пять лет Фейр ушел в отставку, но не почил на лаврах. Отставной комиссар много путешествовал по Африке и Азии и написал ряд книг. Скончался он в 1885 году.

Фейр был самой подходящей фигурой для написания первой английской истории Бирмы. Он был одним из тех, кто делал британскую политику в Бирме, кто полностью понимал действительные причины оккупации страны и необходимость оправдать эту оккупацию. Он понимал также, что для того, чтобы управлять народом, надо как можно больше знать о нем, и знание истории Бирмы было совсем не лишним для английских чиновников. Жизнь Фейра показывает, что он был более чем кто бы то ни было знаком с Бирмой, поездил по ней, имел доступ ко всем документам и трофеям, лично общался с бирманской аристократией, с бирманскими учеными.

Фейр был выдержан, пунктуален и методичен, являя собой образец идеального колониального служаки. И эти его качества проявились в его исторических работах, в первую очередь в «Истории Бирмы», вышедшей в Лондоне в 1883 году, за два года до полной оккупации страны. Серьезность работы, явная осведомленность автора и подчеркивание доброжелательного отношения к бирманцам создали книге широкую известность. «История Бирмы» Фейра стала классическим трудом. Даже в XX веке книги о Бирме в своей исторической части основывались на труде Фейра. Родилась легенда о Фейре — друге бирманцев. Совсем недавно английский историк Тинкер говорил, что Фейр «писал с бирманской точки зрения, так что его история Бирмы не стала историей Бирмы с точки зрения англичанина или историей европейских контактов с Бирмой, но отчетом о возвышении и падении монархии в Бирме в большой степени так, как это описано в бирманских хрониках».

История Паганского государства занимает треть «Истории» Фейра. Это — почерпнутое из бирманских хроник описание битв и походов, дворцовых переворотов и заговоров. Тот же Тинкер, который весьма сочувственно относится к Фейру, признает, что, «очевидно, у Фейра не хватило уверенности в себе для того, чтобы оторваться от истории типа „Вильгельм Завоеватель“». Много места Фейр отводит проблеме возникновения первых бирманских государств. Если в своих специальных статьях, написанных за двадцать лет до «Истории», Фейр говорил, что бирманцы сформировались как народность в Центральной Азии, что они появились в Бирме, обладая собственной культурой, то в официальной истории он пишет: «Традицию приписывать построение первых городов и создание бирманской монархии индийским поселенцам, принцам ли Кшатрия или кому бы то ни было можно считать правильной... Арийские иммигранты научили бирманцев простейшим ремеслам, как, например, прядению и ткачеству... что было исключительно важным для грубого народа».

Получалось, что бирманцы не умели не только строить городов, но и не знали даже самых простых ремесел. Бирма всем обязана пришельцам. Эту мысль развил и довел до логического завершения ученик и последователь Фейра английский ученый Харви, «История Бирмы» которого появилась уже в начале нашего века. Ему принадлежат слова: «Есть что-то печальное в бирманской истории. Она так хорошо началась и так печально кончилась. Раса не смогла прогрессировать». По Харви, Паганское государство — вершина развития Бирмы. После Пагана — сплошное отступление. Паган создан индийскими колонистами. Не стало их — прекратился и прогресс. А если так, то единственное спасение для Бирмы заключалось в новой колонизации, в английской. И Харви объясняет свою точку зрения весьма откровенно. «Расовый характер не может развиваться, пока правительство нестабильно. Понимая свою неустойчивость, правители Бирмы слишком часто обращались к террору и шпионажу, что подрывало народный характер... В народе существовало извечно стремление к такой власти, которая залечит раны и освободит энергию народа, так долго растрачиваемую впустую. Британская империя пришла, чтобы дать Бирме это единство». Эти слова были опубликованы не в специальной научной статье, они появились в учебнике истории, по которому историю Бирмы изучали студенты в течение многих лет. Если не ошибаюсь, последнее массовое издание этой книги вышло в 1947 году.

Итак, в официальной английской колониальной историографии признается величие Паганского государства, перечисляются взятые из хроник цари и их деяния, но с оговоркой — Паган создан не бирманцами, а колонизаторами древних времен, и вообще Бирме необходим хозяин. Кстати, уже упоминавшийся здесь грабитель Томанн в своем труде «Паган» тоже пишет, что Паган был создан арийцами, пришедшими с запада: самим бирманцам такое не под силу. Действительному изучению Паганского государства эти работы не помогали.

Разгадка тайны пью

Фейр, Харви и другие официальные ученые, к счастью, были не единственными людьми, интересовавшимися Паганом и историей древней Бирмы. Одновременно и параллельно с ними в Бирме трудились немногочисленные бирманские и английские историки, лингвисты и археологи, много сделавшие для изучения ее истории. Получался парадокс: в исторических журналах, ведомостях Индийского археологического общества, а также созданного в конце прошлого века Археологического общества Бирмы появились небольшие статьи, подписанные Дюрузелем, Благденом, То Сейн Ко. В статьях этих разбирались надписи, описывались неизвестные пагоды и храмы, совершались действительные открытия. Но статьи эти были известны очень узкому кругу историков и да широкого читателя никак не доходили.

Работы же, в которых авторы переписывали, и не всегда удачно, бирманские хроники, созданные сотни лет назад, публиковались большими тиражами, были доступны для каждого, кто интересовался Востоком, становились бестселлерами — ведь недавно покоренная Бирма была еще у всех на устах. И подогретый красивыми балладами Киплинга, в которых тонкие бирманки любят отважных солдат, прошедших дорогой на Мандалай, английский обыватель чувствовал себя героем, создателем Великой империи. Бирма, оказывается, нуждалась в покорении для собственного ее блага, она была волнующей темой для разговоров и интересным объектом для вечернего чтения.

Одни историки собирали факты, другие не обращали на них ровным счетом никакого внимания.

Но нас больше интересует деятельность «собирателей». Что же нового внесли они в изучение Паганского государства?

Благден, То Сейн Ко и Дюрузель — три крупнейших историка Бирмы начала этого века — не ставили перед собой больших задач. Ни один из них не написал труда,

подводящего итоги своей многолетней деятельности. Эти ученые проложили путь, по которому пошли потом другие историки, в основном бирманцы, работающие и сегодня.

То Сейн Ко можно считать первым бирманским археологом. Он, будучи суперинтендантом Археологического управления Бирмы, провел несколько экспедиций на юг Бирмы, в те места, где еще задолго до основания Пагана существовали города, построенные монами. Работал То Сейн Ко и в Пагане и в Северной Бирме. В то время, когда Фейр писал о том, что бирманцы всему обязаны индийским колонистам, То Сейн Ко обращал серьезное внимание на север — ведь именно оттуда пришли бирманцы. Он советовал искать истоки их культуры в Тибете, Южном Китае. Он же писал о самобытности монской культуры — культуры Южной Бирмы первых веков нашей эры. А ведь тогда считалось, что южное побережье тоже было колонизировано древними индийцами.

Отто Благден редко покидал кабинет, свой письменный стол. Благден был эпиграфистом. Он расшифровывал найденные надписи, изучал историю бирманского языка. Как-то ему попала надпись на неизвестном науке языке. Надпись была явно очень древней, по манере написания букв можно было уверенно сказать, что она выбита на камне полтора тысячелетия назад. Расшифровать ее и похожие на нее надписи, которые изредка находили в Средней Бирме, в районе города Пром, долго не удавалось. Ученый предположил, что перед ним надпись исчезнувшего народа пью, который, если верить старинным китайским летописям и народным бирманским легендам, населял долину реки Иравади еще до прихода бирманцев.

Благдену и другим ученым, заинтересовавшимся этой проблемой, улыбнулось счастье. В Пагане был найден камень, с четырех сторон покрытый текстами на четырех разных языках. Надпись была датирована, и в переводе на наше летосчисление дата ее была — 1113 год. По хроникам было известно, что в этот год или годом раньше умер третий по счету царь Пагана — Тилуин Ман.

Благден обратился сначала к той стороне надписи, что не представляла труда для расшифровки. Это был старобирманский язык, с которым ученый был знаком по многим расшифрованным текстам. Уже прочтение бирманского «лица» надписи, известной в науке под названием надписи «Мьязеди», привело к интересному открытию. Оказывается, составлена она была по приказанию принца Раджжумара. Принц поведал в ней потомкам о том, как заболел его отец царь Тилуин Ман. Пришел тогда к нему принц и сказал, что он совершил добрые дела в честь своего отца. «Хорошо сделано», — ответил умирающий царь.

Надпись довольно необычна. Текстов подобного рода от Паганского периода больше до нас не дошло. Но важна она не только тем, что из нее стало известно имя старшего сына бирманского царя. В ней сообщались годы правления этого царя. Надпись говорит, что вступил царь на престол в 1084 году (в переводе на наше летосчисление). Хроники же уверяли, хотя их данные нельзя было проверить, что предшественник Тилуин Мана, Солю (или Ман Лулан), царствовал семь лет. А первый царь Пагана, Анируда, — 33 года. И основал он Паганское царство в 1044 году. Если провести несложные арифметические подсчеты, то окажется, что данные надписи, а они, без сомнения, бесспорны, точно подтверждают версию хроник. Да, первый царь Пагана, Анируда, вступил на престол в 1044 году. Таким образом была проверена дата основания Паганского царства.

Прочтя бирманскую сторону надписи, Благден обратился к другим сторонам камня. Два языка он сразу узнал. Это был язык священных буддийских текстов пали и древнемонский язык — язык народа, издавна населявшего юг Бирмы. Больше того, оказалось, что содержание надписей на пали и монском языках идентично содержанию старобирманского текста. Оставалась четвертая сторона. Она была написана на том же языке, как и доселе не разгаданные надписи парода пью. Теперь, имея под рукой сразу три одинаковых текста и полагая, что текст на языке пью говорит о том же, Благден мог смело

приниматься за расшифровку. Он отлично справился со своей задачей. После окончания работы в его распоряжении оказался небольшой словарь языка пью, что, с одной стороны, позволило ученым прочесть другие надписи, найденные в долине Иравади, а с другой — установить, что язык пью принадлежит к тибето-бирманской группе языков, то есть родственен бирманскому. На основе этого было сделано справедливое предположение, что пью — предшественники бирманцев в долине Иравади — были близким к бирманцам народом, и исчезновение их впоследствии с исторической арены (а надпись Мьязеди — последний по времени письменный памятник на языке пью) объясняется, вернее всего, тем, что они слились с бирманцами.

Много лет отдал изучению бирманских надписей и Шарль Дюрузель, который ряд надписей опубликовал, а также собрал воедино все известные к 1920 году надписи и издал список их с указанием места находки, времени написания и краткого содержания. Он же составил список архитектурных памятников Бирмы, в котором были обозначены все интересные бирманские пагоды и храмы с их кратким описанием. Дюрузель провел несколько археологических экспедиций, и материалы их послужили источником для многих позднейших исторических работ, посвященных древней Бирме.

«Низко кланяемся вам»

В изучении любого неизвестного прежде памятника цивилизации наука неизбежно проходит и через период простого описательства и через период скрупулезного собирательства фактов. Наконец, наступает такое время, когда объем известного ученым материала позволяет перейти к обобщению фактов, к написанию настоящей научной истории. Так было и с Паганом. Первые работы, посвященные различным сторонам жизни Паганского государства, появились между двумя мировыми войнами, когда к изучению этого государства приступили такие ученые, как бирманцы Пе Маун Тин, Мья и англичанин Люс. Вернее, последнего трудно назвать английским историком. Гордон Люс всю свою жизнь посвятил Бирме, изучению ее, воспитанию молодого поколения бирманцев.

В 1912 году в Рангунский университет приехал молодой преподаватель английской литературы. Он был начинающим поэтом и неплохим гимнастом — только что он выпустил в Кембридже небольшую книжку стихов и завоевал звание чемпиона своего университета по гимнастике.

С первых же дней в Бирме молодой преподаватель невзлюбил тоскливую рутину английских клубов, скуку и застойность колониальной чиновничьей жизни. Все свое свободное время он отдавал студентам, многие из которых были старше его, и вскоре обзавелся многочисленными друзьями. Особенно он подружился с профессором Пе Маун Тин, знатоком языка пали и историком. Люс зачастил к профессору. Причиной тому были не только научные и литературные дискуссии, но и дочь профессора Ма Тхи Тхи. Вскоре Гордон Люс совершил непростительный поступок с точки зрения колониального общества. Он сделал предложение дочери бирманца, женился на ней и переехал на окраину Рангуна, в небогатый домик в бирманском районе.

Через несколько лет Пе Маун Тин предложил Люсу перевести совместно на английский язык «Хронику Стеклянного дворца». Люс согласился и не только создал замечательный литературный перевод хроники, но и написал серьезный комментарий к этому труду.

Работа над бирманскими хрониками, знакомство с надписями, поездки в Паган определили дальнейшую судьбу молодого ученого. Он нашел свое призвание в бирманской истории. Начав с перевода хроник и поэтических произведений старой Бирмы, он обратился потом к непосредственному изучению памятников Пагана и написал две, ставшие классическими, статьи о храмах Пагана. Эти статьи — одновременно и научные исследования и поэмы в прозе, прославляющие Паган. В этих статьях Люс

впервые обратил внимание на то, что в паганском зодчестве широко употреблялась арка, неизвестная в архитектуре Индии и Юго-Восточной Азии средних веков, определил некоторые важные закономерности в развитии архитектуры Пагана, отметил его характерные черты.

Каких только сторон жизни Пагана не касается Люс в своих работах! Совместно с Пе Маун Тингом и самостоятельно он написал целый ряд статей, посвященных бирманским надписям, экономике Пагана, социальному составу его населения, географии Паганского государства. Он перевел на новобирманский язык, опубликовал и прокомментировал несколько важнейших документов Паганского периода, наконец, проследил пути прихода бирманцев в Бирму. Люс участвовал в нескольких экспедициях в горы Бирмы, где он исследовал языки горных племен для того, чтобы определить пути их миграции, их историю.

Вся деятельность была подготовкой к большой работе Люса — монографии, которая будет называться «Древняя Бирма» и над которой ученый работает уже двадцать лет. Книга не вышла до сих пор потому, что Люсом движет страсть к совершенству. Каждый новый факт, новое открытие заставляет его возвращаться к своей теме.

Пятьдесят лет преподавал Люс в Рангунском университете, воспитал несколько поколений бирманских историков — вряд ли в современной Бирме есть хоть один историк, который не учился у Люса или хотя бы на трудах Люса. А рядом с домом ученого в течение многих лет находилась школа для трудновоспитуемых детей. Бессменными директорами, воспитателями этой школы были Люс и его жена. Семидесятилетний историк с мировым именем давал уроки маленьким бирманцам, занимался с ними гимнастикой.

В день семидесятилетия Гордона Люса в 1958 году вышел номер журнала «Новый свет Бирмы», посвященный ученому. В нем многочисленные ученики и друзья Люса писали: «Вы, Великий Учитель, не жалели своих сил в течение пятидесяти лет, и благодаря Вашему самоотверженному труду рубин нашей цивилизации был поднят из грязи и забвения и вновь заблестел. Отмечая наш громадный долг перед Вами, мы, по национальному бирманскому обычаю, низко кланяемся Вам в самой, сердечной благодарности».

Они работают сегодня

Работу бирманских историков прервала вторая мировая война. Для всех, в том числе и для самих англичан, оказалась совершенно неожиданной полная неподготовленность британской армии к войне. В течение нескольких недель японские дивизии оккупировали всю страну, отбросив за Иравади, в горы, на границу с Индией английские войска.

Рангун был разгромлен налетами японской авиации. Сгорел уникальный царский дворец в Мандалае, погибли и другие памятники культуры. Но еще большие беды принесла японская оккупация. Были уничтожены важнейшие документы и почти все материалы археологических экспедиций, расколоты на куски древние монские статуи в Рангунском университете. Однако работникам Археологического управления удалось спасти некоторые ценности и книги. Ночью, перед самым вступлением японских войск в Рангун, книги были вывезены из города и замурованы в одной из пагод, где и находились все время оккупации.

Разумеется, до окончания войны никаких работ по изучению Пагана не велось. Некоторые ученые успели эвакуироваться в Индию, другие скрывались в деревнях, бедствовали. Кое-кто присоединился к Антифашистской лиге народной свободы — организации, поставившей своей целью освобождение Бирмы не только от японских оккупантов, но и вообще от иностранного ига. Бурными были и первые годы после войны. Возвращение англичан, нежелание английского правительства предоставить Бирме

независимость, борьба за достижение ее — все это отодвинуло изучение истории на второй план.

И только после 1948 года, после того как британский флаг у дворца генерал-губернатора уступил место национальному бирманскому флагу, возобновилась работа в Университете, Археологическом управлении и Исследовательском обществе Бирмы. Но теперь бирманскую историческую науку вместе с немногими оставшимися в Бирме английскими учеными — Люсом и Ферниволлом — возглавили их ученики — молодые ученые Бирмы, Это профессор Рангунского университета Тан Тун, доктор Ба Шин Ба Тан, Ни Ни, Аун То и др.

Если в первые годы после достижения Бирмой независимости работать историкам приходилось в труднейших условиях, когда не было ни средств на ведение работ, ни достаточного числа специалистов, то понемногу жизнь в стране налаживалась, рос интерес к бирманской истории, появлялись все новые и новые труды по истории Бирмы, по истории Паганского государства. В последние годы расширяется помощь бирманским историкам и археологам со стороны государства. Сегодня археологические и консервационные работы в Бирме и в первую очередь в Пагане ведутся достаточно широко, на современном научном уровне.

Пожалуй, крупнейшим знатоком Пагана среди ученых среднего поколения, пришедших в науку сразу после войны, можно считать профессора Рангунского университета Тан Туна. Он прочел и обработал невероятное количество надписей — ведь в Бирме ежегодно находят новые и новые. И на основе их изучения Тан Тун написал несколько больших статей: «История Бирмы 1000— 1300 годов», «Религия в Бирме (1000—1300 годы)», «Право в Пагане» и др. Доктор Ба Шин создал первый серьезный и полный учебник по истории Бирмы на бирманском языке. Теперь студенты и школьники Бирмы изучают историю своей страны по национальным книгам. Перу Ба Шина принадлежит также интересная книга об одном из небольших паганских храмов, который он исследовал комплексно — и фрески, и надписи, и особенности архитектуры здания. Несколько книг о Пагане написали на бирманском языке и другие молодые ученые. Из их работ наиболее интересна книга Теин Мауна — «Культура Пагана».

Много нового и в работе Археологического управления Бирмы. Об одном из эпизодов его деятельности мне хочется рассказать.

Город царицы Пейктано

Археологическое управление Бирмы занимает одноэтажный дом на окраине Рангуна, в зеленом районе особняков и коттеджей, недалеко от озера Кокаин. Правда, дом Управления кажется маленьким только с фасада. Когда войдешь в него, понимаешь, что он протянулся довольно далеко в глубь сада, где в длинных пристройках разместились библиотека и склады, в которых хранятся материалы археологических экспедиций последних лет. Там длинные полки уставлены разбитыми и уже склеенными горшками и погребальными урнами, статуэтками, орудиями труда бирманцев, монов и пью. Начальник управления, нестарый еще худощавый бирманец Аун То, работает в небольшом кабинете, стены которого сплошь увешаны картами аэрофотосъемки, оттисками надписей, фотографиями неинтересных для непосвященного глаза холмов, скрывающих в самом деле руины древних построек.

Недавно закончены продолжавшиеся пять лет раскопки города Пейктано, одного из первых городов на территории Бирмы, основанного народом пью. Аун То занимается классификацией, обработкой собранного материала, готовится к новым экспедициям. Если он не очень занят, можно попросить его рассказать о том, как был открыт город Пейктано.

...В хронике городка Таундвинджи, лежащего в нескольких километрах от Иравади, рассказана следующая легенда:

В городе Тагаун на севере Бирмы царствовал злой царь. У него родились два сына, но оба оказались слепыми. Царь разгневался, приказал жене построить плотик и отправить слепых мальчиков вниз по Иравади.

Подчинилась мужу царица, посадила сыновей на плотик, дала им с собой пищи и оттолкнула плотик от берега. Через несколько дней мальчики обнаружили, что кто-то крадет у них еду. Они решили подстеречь вора, и это им удалось. Вором, вернее, воровкой, оказалась ведьма по имени Сандамукхи. Ведьме стало стыдно, когда ее поймали на месте преступления. Она покаялась перед братьями и обещала, как бы в компенсацию нанесенного ущерба, избавить их от слепоты.

Как сказала, так и сделала. Вылечила братьев, они высадились на берег и стали царями народа пью, обитавшего в этих местах. Прошло несколько лет. Один из братьев умер, у второго родился сын, который стал царем города Тарекитара. (Руины этого города сохранились и поныне. Теперь ученые не сомневаются, что именно там находилась столица государства пью, по крайней мере до VIII века).

Тем временем родилась дочь и у ведьмы Сандамукхи. Девушку, которую звали Пейктано, удочерил отшельник. Он обращался с ней весьма жестоко и заставлял черпать воду из реки кувшинами из необожженной глины. Кувшины размокали и разваливались. Бог Вишну сжалился над девушкой и принес ей в дар сто тысяч хорошо обожженных горшков, которыми воду было вычерпывать несравненно удобнее. На этом бог Вишну не остановился. Он создал город и подарил его девушке. Город, где царствовала Пейктано, был назван по ее имени. Народ был счастлив, что у него такая красивая и трудолюбивая царица, и все кончилось бы хорошо, если бы не сын слепого принца, царь Тарекитары. Он решил завоевать соседнее царство и пошел на царицу войной.

Снова на помощь пришел бог Вишну. На этот раз он подарил волшебный барабан. Била царица в барабан — и испуганные солдаты противника в беспорядке отступали. И все-таки царь Тарекитары перехитрил соседку. Прокрался он ночью в ее лагерь, сломал барабан, лишил царицу волшебной силы, взял штурмом город Пейктано, присоединил его к своим владениям, а в царицу, как и положено, влюбился. Женился на ней, и стали они царствовать над объединенным народом пью.

Может быть, Аун То и не обратил бы внимания на эту легенду, если бы не небольшая заметка в отчетах Археологического управления за 1905 год, в которой говорилось о попытке раскопок неподалеку от города Таундвинджи, в том месте, где, по народным преданиям, стоял город Пейктано. Раскопки оказались неудачными. Были обнаружены только многочисленные фрагменты горшков из обожженной глины, а черепки мало интересовали археологов начала века. Они разыскивали клады, статуи, надписи....

Упоминание о глиняных горшках, найденных при раскопках, странным образом перекликалось с содержанием легенды, со ста тысячами хорошо обожженных горшков, подаренных девушке богом Вишну, чтобы удобнее черпать воду. Наверно, предположил Аун То, местные жители, находя в поле черепки, удивлялись их обилию и решили, что они — подарок бога.

Если в 1905 году о народе пью ученым было почти ничего не известно и даже язык пью был загадкой, то к настоящему времени пью — уже не легенда. Это они владели центральной Бирмой до прихода бирманцев, и столицей их был город Тарекитара, тот самый, царь которого пошел войной на Пейктано. Руины Тарекитары расположены неподалеку от легендарного Пейктано.

И вот в 1959 году экспедиция бирманского Археологического управления во главе с Аун То отправилась в город Таундвинджи. Оттуда к Иравади ведет дорога, проходящая в нескольких километрах от предполагаемого местонахождения Пейктано.

Найти город оказалось нетрудно. Крестьяне соседних деревень называли это место городом Вишну и считали его священным.

Долина, на которой археологи искали город, поросла невысокими сухими кустами, искалеченными жарой деревцами и зарослями витых кактусов. Протекающие здесь небольшие речки пересыхают к лету. Тишина, только звенят, взлетая на башни термитников, кузнечики да позвякивают колокольчики на шеях горбатых коров, что пасутся в кустарнике.

Вдруг между двух деревьев археологи заметили возвышение. Под сухими листьями скрывался остаток стены, превратившейся в невысокий вал ниже человеческого роста. Ученые повернули вдоль нее. Кое-где повышаясь, иногда пропадая совсем, стена тянулась на три километра, потом завернула почти под прямым углом и еще через километр привела к озеру. Это явно была городская стена. И исчезнувший город, обнесенный ею, как видно, занимал весьма большую площадь. Внутри стены была обнаружена еще одна кирпичная, ограда, которая окружала несколько холмиков из битого кирпича. Здесь когда-то был центр города с богатыми зданиями и храмами. В центре города археологи и разбили лагерь.

В течение первого сезона было заложено; несколько пробных раскопов. Один — на месте самого большого холма. Другой — недалеко от внутренней стены, там, где нашли больше всего глиняных черепков. Уже эти пробные раскопы дали достаточно интересных материалов, чтобы стоило вернуться в Пейктано в следующем году. Раскопки все ширились. Уже показались из земли очертания длинного строения с многочисленными комнатами круглого здания — очевидно, храма. Скопление черепков у стены скрывало под собой кладбище. Оказалось, что древние пью помещали прах умерших в глиняные; урны различного размера, чаще всего похожие на наши большие крынки для молока. Вот откуда могли появиться в легенде сто тысяч глиняных горшков бога Вишну! После пяти лет работы раскопки в Пейктано завершены. Легенда о двух городах-соперниках оказалась в основе своей правильной. Еще одна страница бирманской истории стала известна.

А что дальше? Дальше, говорит Аун То, на очереди стоят восемнадцать городов — это и Паган, работы в котором непочатый край, и Тарекитара — другая столица пью, и город Халин в Северной Бирме, их последняя столица. Ждут исследователя и разбросанные по южному побережью города монов и города в Аракане. На все пока не хватает ни средств, ни специалистов. Но первый опыт больших современно поставленных раскопок в Пейктано оказался очень удачным. В этих экспедициях были найдены важные материалы по истории материальной культуры Бирмы и подготовлены кадры археологов.

Паган оживает

В самом Пагане сегодня помещается музей, реставрационные мастерские, отделение Археологического управления. Бирманцы тщательно охраняют город.

Правда, железная дорога еще сюда не подведена, но до Пагана можно доехать и по шоссе и на самолете - недавно на окраине города, у последних пагод его, сооружена посадочная площадка. Раз в неделю на нее опускаются небольшие двухмоторные самолеты, привозящие немногочисленных пока туристов, ученых, журналистов, художников, студентов.

В храмах Пагана можно встретить и буддийских паломников. Ведь такие храмы, как Ананда, почитаются буддистами Бирмы как святые места. А в Бирме буддизм исповедует подавляющее большинство населения. Религиозное рвение буддистов порой усложняет работу историков и археологов. Несколько лет назад под давлением буддистов тогдашнее правительство У Ну распорядилось побелить некоторые храмы, подновить их. В результате побелки были замазаны ценные фрески,

В Паганском музее собраны исключительной ценности произведения бирманского искусства и предметы быта древних бирманцев. Вокруг музея, под навесами, стоят рядами

статуи будд и камни с надписями. Здание музея тесновато, и правительством принято постановление о строительстве нового помещения.

В различных частях необозримого города работают бригады каменщиков под руководством реставраторов. Те из храмов, что находятся в угрожающем состоянии, укрепляются. Для консервации и реставрации храмов в Пагане используют старый кирпич, груды которого в изобилии лежат между храмов и пагод.

По мертвому городу проложены дороги. Дороги идут среди живых изгородей из кактусов, а за изгородями расположены поля и выпасы деревень, окруживших Паган и вклинившихся в него. По дорожкам между храмами шагают в школу ребяташки, проезжают повозки, запряженные волами, проходят за покупками в ближайший магазинчик женщины...

Здесь тихо, удивительно тихо. И к вечеру, когда совсем пустеют тропинки и большие храмы тают в теплом воздухе, окруженные, как наседки цыплятами, храмами поменьше, пагодами и пагодками, легко представить себе, каким был этот город семьсот лет назад, легко вызвать к жизни древние тени.

...Проплешины полей и пустырей заполняются невысокими деревянными домами. Дома подняты на столбах над землей, чтобы не забрались змеи и скорпионы. Дверей нет, и видно, как внутри при свете лампы укладываются спать обитатели древнего Пагана. Узкие улочки ведут к площадям. На каждой — храм или пагода, вокруг которых по праздникам проходят торжественные процессии. Иногда встретится длинная ограда монастыря, окруженного пальмами. При монастырях школы, где обучаются грамоте и премудростям буддийских священных книг — питак — многочисленные послушники из Бирмы и других буддийских стран. На площади побольше Других рядом с огромным храмом Годопалин раскинулся на несколько кварталов царский дворец. Он деревянный, как и остальные дома в городе, но крыши его башен поднимаются на несколько этажей и толстые колонны охраняют вход во внутренние дворы и залы. Во дворце можно заблудиться — столько в нем комнат, залов, переходов — еще бы, в нем живет и царь, и его двор, и гарем, и слуги — несколько сот человек.

С реки доносятся голоса — причаливают корабли, пришедшие с юга и с севера, груженные заморскими товарами — шелком и фарфором из Китая, пряностями, оружием, рабами из Индии и Цейлона, Ангкора. На улицах скрипят подводы — везут кирпич и лес для строительства, рис и овощи для пропитания сотен тысяч жителей...

Но наваждение рассеивается, и снова ты стоишь среди мертвого города и только храмы — свидетели славы и могущества.

* * *

Теперь мы знаем о том, как люди познакомились с Паганом, как изучали его. Та сумма знаний, которой сегодня располагает историческая наука, накапливалась десятилетиями, по крохам. Бирманские хронисты записывали народные сказания о Пагане, путешественники рассказывали о загадочных храмах, ученые расшифровывали надписи на камнях, археологи открывали забытые города древней Бирмы — и все они вложили свою лепту в открытие чудесного города.

Располагая результатами труда сотен людей, мы можем представить себе, как возникли первые города и государства в Бирме, как был основан Паган, как жили в нем люди, как и в честь чего были построены его храмы, что они из себя представляют.

Об этом и будет рассказано в следующих главах.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Древняя Бирма

Путь на юг. Корабли причаливают к берегу. В долине Иравади. Суриявикрама и его родственники. Конец царства пью. В городе двенадцать ворот. Монский союз городов. Гигант Ламба и пастух. Страна за цепью гор. Одно из племен.

Путь на юг

В бирманских учебниках географии Бирму иногда изображают в виде кисти руки, пальцы которой обращены вниз, к югу. Каждый палец — это горная цепь, бегущая к морю от «ладони» — Гималаев. Горные цепи понижаются к югу, переходя в гряды невысоких холмов. Между «пальцами» расположены долины рек. Главная, самая большая и полноводная река Бирмы — Иравади с притоком Чиндвин. Долины двух других крупных рек — Ситтана и Сальвина — расположены восточнее. Реки берут начало среди поросших лесами гор, протекают по сухим степям и, прежде чем достичь океана, минуют болота и влажные джунгли Нижней Бирмы.

История бирманских племен и народов связана с историей их продвижения к югу. Племена приходили в Бирму в основном с севера — с Гималаев, Тибетского нагорья и гор Южного Китая. Они спускались в теплые речные долины, осваивали их, но часто, под давлением новых пришельцев, отступали дальше к океану или отходили на восток и на запад, в горы. И сейчас некоторые племена качинов переселяются в долины юга страны.

На юге пути миграции племен упирались в Бенгальский залив и Андаманское море. Дальше дороги не было. Поэтому в Бирме (а в ней обитает несколько десятков народов и племен) нетрудно заметить, что чем южнее живет племя, тем раньше оно пришло в страну. На самом юге живут моны, поселения которых существовали в Бирме уже на рубеже нашей эры. Центральные долины заселены в основном бирманцами и племенами, появившимися в стране в те же века, что и бирманцы. Шаны и качины — более поздние пришельцы. Область их обитания — северо-запад страны. В Бирме и сегодня можно найти представителей почти всех племен и народов, населявших долину Иравади в тот или иной исторический период.

Когда же появились в Бирме первые люди?

Стоянки ранних обитателей Бирмы и орудия их труда были впервые обнаружены экспедицией геолога Никольса в 1900 году. Впоследствии более подробные и достоверные исследования провели в долине Иравади Т. Моррис и Де Терра. Их экспедиции обнаружили следы палеолитической культуры на большом расстоянии — от Пагана на севере до города Тагмьо на юге. Все найденные орудия были сделаны из гальки.

Кости животных, раскопанные Моррисом на местах стоянок древнего человека, подтвердили мнение ученых: о древности первых поселений в Бирме.

С течением времени люди осваивали новые районы. Неолитические стоянки в Бирме уже более многочисленны и не ограничиваются долиной Иравади, а находятся в самых различных районах страны. Орудия бирманского неолита схожи с неолитическими орудиями, найденными в других странах Индокитайского полуострова. Во Вьетнаме, в Южном Китае и Бирме ученые находят однотипные топоры с плечиками или топоры, овальные в сечении. Развитие всего этого района шло по схожим, путям.

Задолго до нашей эры в Бирме начало развиваться земледелие и рисоводство, условия для которого были особенно благоприятны в долинах Иравади и Сальвина. Землю обрабатывали женщины, а мужчины занимались, охотой, рыболовством и собирательством. Подобное разделение труда сохранилось и сегодня у жителей южно-бирманского архипелага Мергуи.

От верхнего неолита население Бирмы постепенно перешло к эпохе бронзы. Находки этой эпохи пока малочисленны. В Бирме найдено около двух десятков бронзовых предметов, большинство из них в Шанских княжествах, в области, тяготеющей к Таиланду и Лаосу.

Скудность находок бронзовых предметов нетрудно объяснить. Металл быстрее разрушается, чем камень. Кроме того, нельзя забывать, что бронзовые предметы не выходили из употребления и после окончания бронзового века. Ими пользовались, пока они полностью не срабатывались, иногда их перековывали в другие вещи.

Бронзовый век в Бирме окончился где-то на рубеже нашей эры. К этому времени между жителями речных долин Бирмы и обитателями Восточного Индокитая сложились прочные торговые и культурные связи. Существовали такие связи и с населением долин Ганга и Брахмапутры в Индии. Об этом говорит, например, то, что близ города Таэтмьо в Южной Бирме был найден топор, не типичный для Индокитайского полуострова. Зато подобные топоры обычны для индийской области Манипур.

Примерно две тысячи лет назад в Бирме сложилась своя, автохтонная культура, и население первых государств на ее территории перешло к использованию железных орудий. Правда, произошло это не во всех областях Бирмы одновременно. Еще долгое время железный век в долинах сосуществовал с бронзовым и даже каменным веком в горных районах страны.

В первые века нашей эры закончилось в основном заселение страны. Племена тибето-бирманской группы (не сами бирманцы, но родственные по языку племена) и моны заняли удобные речные долины, оттеснив к югу или в горы редкое первоначальное население тех мест. Именно к этому времени относятся первые письменные документы, в которых упоминаются народы, обитавшие в Бирме. Эти документы появились в Китае. Китайские летописи говорят о походе в Северную Бирму, предпринятом Чжугэ Лянем в 227 году до нашей эры. До сих пор на северных границах Бирмы бытуют легенды, связанные с именем китайского полководца и войнами с Китаем в древние времена.

Судя по китайским летописям, север Бирмы в III веке до нашей эры был поделен на несколько независимых или полузависимых княжеств. Крупнейшим из них было княжество Меньху, оно семь раз поднимало восстание против китайцев.

Начиная со II века нашей эры в Китае начали появляться посольства с Запада — возможно, из Римской империи. Путь некоторых из этих посольств проходил по Северо-Индии и затем, очевидно, пересекал север Бирмы. Хотя тому и не сохранилось письменных свидетельств, очевидно, какие-то сведения о древней Бирме достигали и Европы. Посольства шли по путям, давно известным торговцам, караваны которых регулярно ходили из Индии в Китай и обратно.

Походы китайцев на Северную Бирму были удачными для завоевателей. Известно, что они основали там «префектуру» По-нань, состоящую из шести районов. Рассказывая об этих местах, китайский историк Фань И писал в хронике династии Восточных Хань (25—220 годы), что «южные варвары живут разбросанно среди гор и управляются малыми царями. Они знают, как красить ткани и выращивать зерно, они делают также белые ткани, добывают медь, железо, свинец, золото, олово и серебро. У них водятся павлины, носороги, слоны, тапиры и (разумеется, раз уж страна далекая и малоизвестная. — И. М.) двухголовый священный олень». В III—IV веках торговые пути через Северную Бирму заглохли, пришли в упадок. «Префектуры» были упразднены, китайские войска отошли на север, и летописи перестали упоминать о «южных варварах».

На северных границах Бирмы усилилось тайское государство Наньчжао — грозный соперник древнего Китая, своеобразный «буфер» между Китаем и Бирмой. Непосредственные связи с Китаем были прерваны на несколько столетий.

Однако еще до этого, в период развития торговли, в период, когда китайские войска стояли в Юннани и Северной Бирме, в Бирму пришли тибето-бирманские племена пью, которым впоследствии суждено было сыграть важную роль в истории страны. Пью осели в среднем течении реки Иравади, оттеснив к югу дикарей «бесатаи», таинственные племена, о которых говорится в трудах античных писателей, в «Перипле Эритрейского моря», в работах Птолемея. «Бесатаи» были якобы каннибалами, народом воинственным и опасным для путешественников.

К югу от земель, занятых пью, обитали моны, которые достигли особого развития в южных областях Бирмы, где основали прибрежные города-государства. Дальнейшая история древней Бирмы, вплоть до основания Пагана, связана с историей именно этих двух народов — пью и монов.

Корабли причаливают к берегу

Очевидно, государства монов поддерживали торговые связи с соседями с самого начала своего существования. Ведь в первые века нашей эры Индийский океан не был безлюден, неосвоен и незнаком мореплавателям. Цепь портов тянулась по берегам Индии, Бирмы, Индонезии и Южного Китая. После того как индийские, кхмерские и индонезийские моряки изучили периодичность муссонов, они отлично использовали ветры для регулярных плаваний через Индийский океан. Причем известно, что мореходы государства Фунань, занимавшего современную Камбоджу, имели в своем распоряжении большие многопалубные океанские суда, способные принимать на борт до шестисот пассажиров.

И сейчас археологи находят при раскопках в Индонезии и Индокитае вещи, изготовленные в Индии, Персии и даже в древнем Риме, — торговые пути были надежными, проверенными и привычными для тысяч купцов и моряков. Монские государства на побережье оказались на большом торговом пути. К их поселениям причаливали океанские корабли, на берег сходили люди в странных одеждах, говорящие на непонятном языке. Товары, которые сгружали с кораблей и предлагали в обмен на местные продукты, были вначале незнакомы, но всегда соблазнительны.

Купцы иногда селились в монских городах и деревнях, и монская знать племени почитала за честь породниться с богатыми пришельцами, перенимала их религию, манеры, культуру. Надо сказать, что подобное явление характерно не только для Южной Бирмы. Даже в большей степени подвергались чужеземному, в первую очередь индийскому влиянию и прибрежные районы теперешнего Таиланда, Камбоджи и Малайи. В этих местах найдены санскритские надписи, относящиеся к II—III векам, множество предметов индийского происхождения. Государства, возникавшие восточнее Индии, переняли многое от индийских государств как в области устройства, так и в культуре, религии и т. д. Эти государства историками даже принято называть «индианизированными».

Индийское влияние в Биоме не было таким заметным и не оставило таких глубоких следов, как, например, в Камбодже. Очевидно, Бирма не представляла большого интереса как торговый партнер. Там нет ни перца, ни корицы, ни гвоздики, мало и других товаров, которые интересовали индийских и китайских торговцев. Китайская хроника того времени, говоря о живущих в долине Иравади пью, сообщает: «Они торгуют с соседними племенами шкурами речных свиней (пресноводные дельфины Иравади. — И. М.), одеждой, глазурованными и неглазурованными горшками». До какой-то степени эти данные могут относиться и к монам. Большинство кораблей, курсировавших между Индией и Малайским архипелагом, пересекало Бенгальский залив, пользуясь муссоном, напрямик по самому короткому пути, не заворачивая к берегам Бирмы. Но все-таки торговые связи существовали, в основном, очевидно, посреднические. Те корабли, что следовали вдоль побережья, нередко заходили в монские порты. В портах, на крайнем юге современной Бирмы, на границе с теперешним Таиландом, происходила перевалка грузов, которые следовали потом через перешеек Кра сухим путем.

Города Южной Бирмы в начале нашей эры были невелики (раскопки показали, что вряд ли площадь самых больших из них превышала половину квадратного километра) и иноземных торговых гостей там было сравнительно немного, но все-таки эти районы Бирмы были экономически самыми развитыми и теснее других связанными с внешним миром. Об этом говорит и такая деталь: индийцы и кхмеры (камбоджийцы) называли

монов «рман». Даже после того как монские города потеряли независимость и вошли в состав Паганского государства, соседи продолжали называть всю Бирму Раманнадесой, что значит «страна монов».

Монские города первых веков нашей эры протянулись тонкой цепочкой по самому побережью. Единого государства у монов не было, так как не было необходимости в первую очередь создавать и поддерживать крупные ирригационные системы, требующие организованного участия большого количества людей.

Первое крупное единое государство в Бирме возникло севернее, в засушливых районах Средней Бирмы, в долине Иравади. И создателями его явились пью — народ тибето-бирманской группы, достигший Бирмы на рубеже нашей эры.

В долине Иравади

До нас дошло только одно изображение людей народа пью. Оно было обнаружено на обломке стелы, найденной в бывшей столице пью — Тарекитаре. Черты лица пью, без сомнения, монголоидные, что, как и язык их, подтверждает версию ученых, что пью были тибето-бирманским племенем. Государство пью, известное также под названием Шрикшетра, впервые упоминается в китайских летописях IV века. В дальнейшем сведения об этом государстве встречаются довольно часто, и по ним нетрудно установить некоторые вехи его истории¹.

О границах государства пью можно судить как по остаткам городов, так и по упоминаниям о пью в бирманских надписях, хрониках и легендах. К настоящему времени известно, что у пью было по крайней мере три больших города, два из которых весьма велики даже по сегодняшним масштабам. Это Тарекитара (Хмоза), Халинджи и Пейктано. Все три города расположены в долине Иравади — Тарекитара на самом берегу реки в районе современного города Пром, Пейктано в ста километрах севернее, в тридцати километрах от Иравади, и, наконец, Халинджи — в Северной Бирме, вдали от остальных центров цивилизации пью, в двадцати километрах от нынешнего города Швебо и в двухстах пятидесяти по прямой от Пейктано (при путешествии по реке — пятьсот километров).

Такая разбросанность центров государства пью давно уже привела ученых к гипотезе о том, что города эти существовали не одновременно, и позднейшей столицей являлся Халинджи, куда центр государства был перенесен примерно в VIII веке. Эта точка зрения основана на результатах археологических раскопок, ибо найденные в Халинджи предметы, датировка которых оказалась возможна, относятся не далее как к VIII веку, тогда как находки VII и даже VI веков — не редкость как в Тарекитаре, так и в Пейктано.

Другие имеющиеся в нашем распоряжении источники — надписи и хроники — позволяют делать различные предположения о том, где находились некоторые другие пункты в государстве пью. В Пагане были обнаружены две надписи на языке пью. Одна из них — известная четырехязычная надпись Мьязеди — относится к XII веку, непосредственно к Паганскому периоду, другая надпись не датирована. На их основании можно утверждать, что Паган лежал в границах государства пью. В хрониках и государственных анналах шанских государств имеется целый ряд указаний на то, что местность, которую впоследствии заняли шаны, была подвластна в древние времена Шрикшетре. Бирманские хроники упоминают также о западных поселениях, которые находились под властью пью. Очевидно, в это государство «входил район, где теперь

¹ Государство пью известно не только по китайским, но и по, арабским источникам. Пью называли себя «тиркул», и в китайских хрониках они именуется «ту-ли-чу», или «жители страны пиао». В арабской исторической работе IX века есть упоминание о «государствах тирсул, муша и майд», которые граничат с Китаем и с которым они воюют. Надо напомнить, что непосредственно с Китаем государство пью не соседствовало, ибо между ними находилось государство Наньчжао, но в трудах арабских историков часто не различаются Китай и Наньчжао.

расположен город Пьинман, ибо во всех без исключения легендах и хрониках Пьинманы говорится о том, что раньше этими местами владели пью. Подобные упоминания есть и в хрониках области Тагетью.

Одна надпись найдена на юго-западе, в Аракане, что говорит о наличии связей между этими государствами, Разделенными полосой невысоких Чинских и Араканских гор.

Если обвести на карте Бирмы районы, так или иначе связанные с пью, окажется, что государство пью Шрикшетра господствовало в большей части Бирмы, за исключением северных гор, населенных независимыми племенами, юга страны, где находились монские города, и пограничных холмов, частично еще не заселенных, частично труднодоступных даже в позднейшие времена. Но основные центры пью всегда находились в долине Иравади и контролировали важнейшую водную артерию Бирмы. Что касается структуры государства, его социально-экономического строя, то мы знаем о древних пью немного. Основными источниками могут служить свидетельства китайских историков и некоторые данные археологических работ.

Самыми ранними датированными находками в городах пью были так называемые золотые листы из Маун-нгана (деревни, находившейся в двенадцати километрах от Тарекитары). Это надписи на пали, написанные алфавитом пью и содержащие буддийские тексты. Ученые единодушно датируют надписи V—VI веками. Другая подобная находка была сделана в пагоде Бободжи в самой Тарекитаре — это осколок каменной надписи тоже религиозного характера и тоже на пали алфавитом пью. Датируется она VI веком. И, наконец, был найден хорошо сохранившийся манускрипт на двадцати нумерованных золотых листах, по содержанию и датировке совпадающий с предыдущими находками.

Подавляющее большинство позднейших надписей найдено в Тарекитаре. В Халинджи обнаружены две надписи и в Пейктано одна. Надписи VI—VII веков в большинстве своем написаны на пали, священном языке буддийских текстов.

Единственное исключение из общего правила — короткие надписи на могильных урнах. Они дали больше материала для исследователей, чем все остальные надписи государства пью, вместе взятые. Они дали возможность установить некоторые даты в истории древней Бирмы.

Суриявикрама и его родственники

Надписей всего четыре. Они сделаны на каменных погребальных урнах, найденных в Тарекитаре. Вот их перевод:

Надпись первая

Год тридцать пятый, умерли родственники Суриявикрамы.

Надпись вторая

Год пятидесятый, месяц пятый, царь Суриявикрама умер в возрасте шестидесяти четырех лет.

Надпись третья

Год пятьдесят седьмой, второй месяц, двадцать четвертый день, царь Харивикрама умер в возрасте сорока одного года, семи месяцев и девяти дней.

Надпись четвертая

Год восьмидесятый, второй месяц, четвертый день. Царь Шивавикрама умер в возрасте сорока четырех лет, Девяти месяцев и двадцати дней.

Какие выводы были сделаны исследователями из этих находок?

Если предположить, что в урнах были захоронены правители Тарекитары (существенных возражений против этого не выдвинуто никем), то тогда мы узнаем, что в промежутке между 35-м и 80-м годами некоей, пока неизвестной эры в Тарекитаре

правила династия по имени Викрама (распространенное индийское династическое имя) — цари с индийскими именами Сурьявикрама, Харивикрама и Шивавикрама. На основании этого многие ученые полагают, что государством пью правили иноземные, индийские цари.

Но если это так, то сразу возникают сомнения, зачем индийским царям, людям совсем других обычаев веры и языка, придерживаться обрядов подвластного им народа? Захоронение в урнах — обычай, характерный для всех пью — и для знати и для бедняков. Археологи нашли тысячи, десятки тысяч урн от самых простых, глиняных, без узоров, до изысканных, каменных, царских. Таких урн в Индии нет. Но даже если допустить, что индийский властитель настолько воспринял обычаи пью, что приказал похоронить себя так, как это было принято в Тарекитаре, остается другое возражение. Очень маловероятно, чтобы индийские цари приняли обряд захоронения пью, но еще менее вероятно, чтобы они приказали выбить на урне надпись на языке пью. История почти не знает примеров, чтобы язык подвластного народа быстро стал языком иноземного двора, иноземных властителей. Ведь куда естественнее было бы выбить надпись на санскрите, на пали или, наконец, на родном своем языке. Тем более что письменность на языке пью находилась еще в самом зачатке и почти все известные надписи пью тех времен выполнены на пали.

Но почему же династия царей пью носит имя индийское — Викрама?

Вместе с купцами, буддийскими монахами из Индии в страны Юго-Восточной Азии проникал не только буддизм, но и выработанные там столетиями концепции царской власти, древние сборники законов, рассказывавшие о том, как управлять государством и каким оно должно быть. Эти концепции оказывали большое влияние на местные царские династии. Они не только помогали крепче взять в руки свой народ, но и были освящены вековым авторитетом развитых, сильных соседей. И вот цари пью и других народов Юго-Восточной Азии принимают династические индийские имена, устанавливают новые порядки. Вчерашний вождь племени называет себя царем и принимает индийское имя. Получает индийское имя и династия — дети его и внуки.

Этот обычай сохранился и позднее, когда государства Юго-Восточной Азии выросли в могучие державы. Индийские имена носили и цари кхмеров Камбоджи, индийское торжественное имя давалось при вступлении на престол и царям Пагана. Даже в XIII—XIV веках каждый бирманский царь имел сложное индийское имя, которое должно было подчеркивать преемственность его власти от основателей буддийской религии. Но объяснялось это чисто политическими и идеологическими соображениями, а никак не тем, что в жилах царей Бирмы текла индийская кровь.

Вернемся к государству пью. Когда же правила там династия Викрама? Даты, приведенные на урнах, еще мало о чем говорят. С какого года нашей эры вести летосчисление пью, мы еще не знаем. 35-й год эры пью может оказаться и пятисотым и тысячным годом нашей эры. В зависимости от этого сильно меняются наши представления о последовательности событий в царстве пью.

Историк Благден предположил, что именно пью ввели в обиход так называемую «бирманскую эру». Эта эра и сегодня принята в Бирме. Если открыть любой бирманский календарь, то можно увидеть, что сейчас, в 1967 году по нашему летосчислению, в Бирме наступает 1329 год, то есть начало бирманской эры падает на 638 год. Происхождение бирманской эры до сих пор не совсем ясно. Начало ее приходится на то время, когда на территории Бирмы существовали государства пью и монов, причем государство пью находилось на вершине своего могущества.

Какое же событие могло показаться обитателям Бирмы в 638 году настолько важным, чтобы они начали с него отсчет лет? Благден выдвинул гипотезу: событием этим было занятие престола новой династией. Гипотеза эта не так уж и удивительна, подобные примеры были в истории восточных стран.

Впоследствии династия Викрама кончилась, само государство, в котором она царствовала, погибло, даже память о нем пропала, но летосчисление осталось и сохранилось в Бирме до сегодняшнего дня.

В пользу этой гипотезы говорили и анализ надписи и данные археологии. Надписи на каменных урнах явно значительно старше, чем известная надпись Мьязеди (XII век), — написание букв архаичнее, грубее, проще. Некоторые из букв, изображенных на этих урнах, ко времени создания Мьязеди уже вышли из употребления. В то же время специалистам нетрудно было установить, что урны изготовлены не раньше чем в VI веке. Ко времени открытия урн, по данным археологических раскопок, проведенных в Тарекитаре, можно было видеть, что в городе не оказалось ни одного предмета моложе VIII века. Следовательно, к этому времени город был уже оставлен жителями и никаких царей там не могло быть.

Таким образом, урны датируются периодом VI— VIII веков, как раз на середину которого и попадает 638 год. Подавляющее большинство ученых разделяет сейчас точку зрения Благодена и соглашается с тем, что 638 год — первый год эры, принятой в государстве пью.

Попробуем и мы согласиться с выводами ученых. Тогда мы не только можем говорить о том, что в Тарекитаре правила династия Викрама, но даже знаем годы правления ее царей в переводе на наше летосчисление:

предки или родственники Суриявикрамы — 638—673 годы

Суриявикрама — 673—688 годы

Харивикрама — 688—695 годы

Сихавикрама — 695—718 годы.

Через несколько лет после находок урн в Тарекитаре была обнаружена надпись, в которой встречается одно из имен, упоминавшихся в надписях на урнах. Надпись эта интересна еще и потому, что вызывает в памяти известную нам легенду о царице Пейктано и ее сопернике из Тарекитары.

Надпись выбита на постаменте каменной статуи, и в ней рассказывается о том, что эта статуя создана на общие средства неким Джаясандраварманом и его братом Харивикрамой. Далее в ней говорится, что в один день были созданы два города, в одном правил Харивикрама, а в другом Джаясандраварман и был у них общий наставник, который уговорил их любить друг друга. Очевидно, до этого они друг друга не очень любили. В конце надписи выражена надежда, что дружба между соседними городами пью продлится на вечные времена и будет поддерживаться также наследниками братьев.

В этой части Бирмы в VII веке существовало только два города — Тарекитара и Пейктано. Оба принадлежали пью и находились неподалеку один от другого. Только Тарекитара стоял на берегу Иравади, а Пейктано — в отдалении от реки, на водоразделе долины Иравади и соседней речной долины. Логично предположить, что в надписи говорится о царях этих городов. Если же допустить, что совместное возведение статуи значило или Их примирение после войны, или переход одного в вассальную зависимость к другому, то тогда легенда о двух городах и царице Пейктано приобретает еще больший интерес, потому что и в этой части получает реальную подоплеку.

Как долго существовали две династии, какая из них в конце концов взяла верх, сказать трудно, но в любом случае известно, что еще по крайней мере в течение тридцати лет династия Викрама правила в Тарекитаре.

Дальнейшие сведения о государстве пью можно почерпнуть из хроники китайской династии Тан, правившей в 618—907 годы. Эти сведения связаны с событиями на северных границах государства пью, трагическим образом повлиявшими на жизнь государства.

Конец царства пью

В 755 году властитель Наньчжао Колофен заключил союз с Тибетом и начал войну против китайской династии Танов. В этой войне объединенные войска Наньчжао и Тибета нанесли Танам два серьезных поражения и укрепили независимость Наньчжао от Китая. Упрочив свое положение, Колофен стал хозяином весьма значительной территории и обратил внимание на Индию, на расширение с ней торговых отношений. Он был заинтересован в том, чтобы открыть забытые торговые пути.

Между владениями Наньчжао и Индией, как мы знаем, лежало государство пью.

Вот что пишет о последовавших событиях хроника Танов: «Наньчжао силой своей военной мощи взяло пью под контроль». Замечание весьма лаконичное и оставляет широкую свободу для догадок. Государство пью, хоть и попавшее под контроль Колофена, по-видимому, сохраняло независимость, хотя бы формальную, потому что та же хроника несколькими строками ниже сообщает, что Колофен возродил торговые пути в Индию и шли эти пути «через столицу пью» в Манипур.

Значит, столица существовала. Но где же она была? Если она оставалась в Тарекитаре, в Нижней Бирме, то купцам для того, чтобы попасть из владений Наньчжао в Манипур и Северную Индию, надо было делать крюк в несколько сот километров, что весьма маловероятно. Логичнее предположить, что к середине VIII века столицей пью стал город Халинджи в Северной Бирме, Тарекитара же потеряла свое значение, оказавшись в стороне от основных торговых путей того времени. Существует несколько свидетельств в пользу такого предположения.

Историк Тан Тун, изучая бирманские хроники, нашел в них упоминание о том, что в давние времена пью покинули свою столицу, потому что на нее совершали набеги племена сокро (нынешние карены). Известная нам хроника династии Тан говорит о том, что вблизи столицы пью находятся песчаные холмы и дорога к ней ведет через сухую степь. Вблизи Тарекитары ни того, ни другого нет. Халинджи же находился в сухой зоне, и песчаные холмы можно обнаружить неподалеку от него. И, наконец, еще одно доказательство «от противного»: ни в Тарекитаре, ни в Пейктано не найдено ни одного предмета китайского происхождения, что было бы странным, если бы эти города существовали в те времена, когда Колофен открыл торговый путь и многочисленные купцы останавливались в столице пью. В Халинджи же еще раскопок практически не производилось, хотя одна деталь позволяет утверждать, что китайское влияние там было сильнее, чем в Тарекитаре. Халинджи в плане — правильный прямоугольник, в центре его находится обнесенный квадратной стеной царский дворец. Такой план роднит Халинджи с городами Китая, под культурным влиянием которого находились обитатели Наньчжао. Остальные города пью имеют неправильную, овальную форму.

Можно также предположить, что Тарекитара была оставлена в 718 году или вскоре после этого, потому что в 719 году умер последний из царей династии Викрама, урна которого обнаружена в Тарекитаре. Ведь если бы династия продолжала править в городе, урны последующих властителей пью вернее всего были бы найдены там же.

Итак, в первой половине VIII века центр государства пью либо из-за набегов соседних племен, либо под давлением монов, либо по неизвестным нам причинам внутреннего порядка был перенесен на север, «под крыло» сильного соседа — Наньчжао. Во второй половине VIII века государство пью продолжало существовать, ибо известно, что внук араканского короля Дхармавиджай взял в жены дочь царя пью.

Внук Колофена заключил в 794 году мир с Танами и по просьбе китайского губернатора Сычуани послал группу музыкантов к китайскому двору. В группе были музыканты и из страны пью. После явной удачи этой миссии царь пью сам послал в 802 году к китайскому двору посольство, в состав которого входил родственник царя и группа из тридцати пяти музыкантов. Музыканты произвели при дворе фурор, и двор до такой степени увлекся музыкой «пиао», что поэты того времени стали укорять императора и его окружение за то, что они занимаются развлечениями, слушают чужеземную музыку в дни, когда положение в стране настолько плохо, что империя может рухнуть в любой момент.

Китайские историки и писатели наконец-то увидели пью, смогли расспросить гостей о жизни в их государстве. Сведений набралось так много, что в хронику Танов была включена целая глава об этом государстве. Кстати, в ней приводится подробное описание музыки пью и их музыкальных инструментов.

Однако государству пью недолго оставалось быть самостоятельным. В 832 году, как сообщает хроника Танов, «войска Наньчжао разгромили и сровняли с землей столицу пью и взяли в плен оставшихся в живых три тысячи человек, переселили их как рабов в Чентунг (Юннань Фу, восточная столица Наньчжао. — И. М.) и велели им самим добывать себе пропитание. Они питаются рыбой и насекомыми. Они — остатки своего народа».

Вид города Халинджи говорит о том, что хроника Танов не ошибается. В отличие от Тарекитары, в которой сохранилось несколько пагод, остатки крепостных стен, Халинджи был полностью разрушен. В нем не сохранилось в целости ни одной пагоды или отрезка стены — он сровнен с землей. Все в этом городе говорит о внезапном и трагическом его конце. Очевидно, разгром столицы пью положил конец их независимости. Больше мы не встречаем ни одного упоминания о пью как о самостоятельном государстве.

В городе двенадцать ворот

Китайские хроники довольно подробно описывают жизнь в государстве пью. Если собрать их сведения воедино, то окажется, что царство это простиралось на 3000 ли с востока на запад и на 5000 ли с севера на юг. Очевидно, эти расстояния несколько преувеличены, потому что при переводе в квадратные километры получается, что площадь государства была больше площади современной Бирмы, тем не менее ясно, что государство пью занимало значительную площадь. Подвластны ему, по словам хроник были восемнадцать королевств, в основном на юге. В число королевств китайские хронисты включали Палембанг, Яву и Тьямпу. Очевидно, эти сведения были сообщены китайцам самими пью, желавшими подчеркнуть свою мощь, однако преувеличения подобного рода свидетельствуют, что государство было не из маленьких. Будь оно незначительным, китайские хронисты никогда бы не поверили подобным вымыслам.

«Титул царя — махараджа, — рассказывают о пью хроники. — Когда он отправляется в путешествие, то выезжает на носилках, плетенных из золотых полос. А когда путешествует далеко — едет на слоне. У него много жен и наложниц. Постоянное число их — сто. Стена города облицована плитками зеленой глазури (эти плитки обнаружены как в Тарекитаре, так и в Халинджи. — И. М.) и длина ее — дневной переход. Откосы рва устланы кирпичом. В городе обитает несколько тысяч семей. Там же более ста буддийских монастырей, комнаты в них украшены золотом и серебром, полы крашеные и покрыты коврами. Таков же дворец царя... В обычае пью любить все живое и воздерживаться от убийства. Их земля родит сою, рис, просо, но конопля и пшеница там не растут. Они наказывают преступников пятьюдесятью ударами бамбука и ослепляют их. Если преступление повторится, преступника снова бьют бамбуком. За легкие преступления наказание не превышает трех ударов бамбука. Убийц казнят... По достижении семи лет мальчикам и девочкам бреют головы и отдают в монастырь, где они учатся и постигают буддийские законы. Если к двадцати годам они не хотят посвятить свою жизнь служению Будде, то снова отращивают волосы и возвращаются к мирской жизни.

Одежда их из хлопка, они оборачивают ее вокруг тела. Они не носят шелковых одежд, потому что производство шелка связано с убийством живого существа... Они ценят скромность и порядочность... Они немногословны... Среди них много предсказателей и астрологов. В городе двенадцать ворот и пагоды по четырем углам. Все люди живут внутри стены. Они кроют крыши свинцом и оловом и употребляют в строительстве

дерево. Они здороваются за руку и наклоняют голову в знак уважения. Они знакомы с астрономией и знают буддийские законы. Они носят головные уборы, украшенные золотыми цветами... В королевском дворце два колокола — один серебряный, другой — золотой. Когда враг близко, они курят благовония и бьют в эти колокола. В городе стоит большая белая статуя ростом в девяносто локтей. Те, кто судится, становятся перед ней на колени и сами решают честно, кто прав, а кто виноват. Сахарный тростник растет там в ногу толщиной. Деньги их — серебряные и золотые. У них нет масла, и они жгут воск с благовониями. Они торгуют с соседними странами шкурами «речных свиней», одеждой и глиняными горшками. Женщины ходят с веерами. А те, ранг которых высок, выходят из дома в сопровождении пяти-шести служанок — и все с веерами».

В тех же китайских источниках подробно описаны музыкальные инструменты пью, их музыка и танцы. На основе этих описаний можно определить материалы, которые употреблялись при изготовлении музыкальных инструментов. Применялось восемь различных металлов: серебро, золото, олово, железо, медь, бронза, свинец, сплав золота с серебром. Использовались также раковины, бамбук, кожа, слоновая кость, струны из жил, дерево, ткани.

Если обратиться к данным археологических раскопок, окажется, что при раскопках городов пью обнаружено золото — золотые листы, золотые статуэтки Будд; серебро — серебряные монеты, статуи, сосуды и украшения; бронза и свинец — украшения и статуэтки. Наконец, многочисленны находки железных изделий — железными скобами крепились деревянные части зданий. Кроме того, найдены украшения из сплава золота и серебра, а также куски медной проволоки. Такой широкий круг металлов говорит не только о высоком уровне экономического развития государства пью, но и о связях его с другими странами. Если олово, серебро, свинец добывались на месте, то медь и железо, вернее всего, ввозились в Бирму из других стран.

Большого мастерства достигли не только металлоры пью, но и камнерезы. Барельефы и каменные статуи до сих пор поражают высокой степенью совершенства. Кстати, одна из статуэток, найденных в Тарекитаре, отлита из стекла — это самое старое стеклянное изделие, найденное в Бирме. Множество украшений изготовлялось из драгоценных и полудрагоценных камней. Копи, в которых добывались эти камни, разрабатываются в Бирме и по сей день.

Многочисленная и разнообразная керамика, обнаруженная при раскопках, особенно при недавних раскопках в Пейктано, сведения о том, что пью торговали гончарными изделиями с другими странами, — все это свидетельствует о высоком уровне гончарного производства. Об этом же говорит и то, что пью покрывали даже стены своих городов облитыми глазурью керамическими плитками. Пью были сведущими в некоторых науках в первую очередь в астрономии и медицине.

Из китайских хроник можно заключить, что сельское хозяйство в Шрикшетре было хорошо развито, причем выращивались не только рис, но и бобовые, сахарный тростник и хлопок. До наших дней сохранились ирригационные системы пью, впоследствии частично использованные бирманцами.

Значительно меньше можно сказать об общественном и государственном устройстве государства пью, так как никаких документов об этом не сохранилось. Но все же можно думать, что имущественное расслоение у пью зашло довольно далеко. Это видно из описания жизни царя пью, богатых женщин, из того, как украшали храмы и дворцы.

Как и в Пагане, в городах пью было много буддийских храмов и пагод. Буддизм, без сомнения, оказывал очень важное влияние на пью, и в этом Паганское царство может считаться преемником государства пью. Храмы и пагоды, интересные сами по себе, представляют собой часто прототипы зданий Паганского периода. Они сооружались из обожженного кирпича и покрывались известковой штукатуркой. Но сохранилось до наших дней очень немного. Виной тому время, нашествия и войны.

Из трех известных нам городов пью два — Халинджи и Пейктано — несут следы внезапной и разрушительной гибели. Только Тарекитара была оставлена жителями не сразу и даже после переноса столицы в Халинджи продолжала некоторое время существовать. Но климат в Тарекитаре влажнее, чем в Пагане, остатки города поглощены лесом, почти все пагоды и храмы превратились в бесформенные груды кирпича, так что представить себе первоначальный вид их часто уже невозможно.

Тарекитара была самым крупным из городов пью. Культурный слой, обнаруженный при раскопках, достигает значительной толщины — город существовал в течение столетий. С юга и востока он окружен двойными стенами и валами. С севера его стерегли три ряда стен. С запада — одна стена и ров. Диаметр Тарекитары достигает пяти километров. Так что китайские хронисты были правы, говоря о величине его — «дневной переход». Южный и восточный подходы к городу охранялись фортами, развалины которых сохранились.

Легенда так объясняет форму города. В день основания Тарекитары духи и боги собрались, чтобы достойно отметить знаменательное событие. Вызвали и самого большого дракона. Он свернулся кольцом, и это кольцо стало линией, вдоль которой построили городскую стену. Существование таких больших драконов сомнительно, и поэтому проще предположить, что стеной обнесли уже сложившийся город, не разрушая существовавших улиц, кварталов и даже рисовых полей.

Аэрофотографии города, при помощи которых удалось составить его план, указывают на то, что город не был полностью застроен — внутри его стен помещались не только дома, но и водоемы, рисовые поля, сады — это позволяло выдерживать длительную осаду. Начавшиеся в 1966 году раскопки в Тарекитаре уже дали первые результаты. Обнаружены одни городские ворота и остатки крепостных стен. Городские ворота достигали семи метров в ширину, что позволяло проходить в город слонам и большим колесницам. У ворот найден столб с надписью на пали алфавитом пью. У основания столба лежало несколько небольших золотых дисков, возможно монет. Из последних находок в государстве пью интересны две статуи, сделанные в традициях махаянистской формы буддизма, что доказывает, что в Тарекитаре различные формы буддизма мирно уживались.

Монский союз городов

Государство пью, разгромленное сильным северным соседом, перестало существовать в IX веке. Но гибель его почти не отразилась на Южной Бирме, на прибрежных монских городах-государствах. Находясь на выгодных торговых путях, они продолжали процветать и расти. Ранее уже говорилось, что города эти возникли на морских путях, соединяющих Индию со странами Дальнего Востока. Теперь пришло время рассказать о них подробнее — ведь после падения государства пью монские города стали основным крупным государственным образованием в Бирме, именно к ним, к югу, переместился культурный и экономический центр страны. Городам этим суждено будет не только сохранить самостоятельность вплоть до XI века, до образования Паганского царства, но и стать впоследствии важной составной частью этой державы.

Этнографы и лингвисты знают о существовании племен монов на территории Сиам и Нижней Бирмы на рубеже нашей эры. Вскоре после начала нашей эры пути развития монов Сиам и Бирмы разошлись. Между ними лежали владения шанских племен. Если в Сиаме моны создали могучее государство Дваравати, то моны в Бирме, поселившись по морскому побережью, основали ряд городов, каждый из которых существовал самостоятельно. Китайские источники упоминают в их числе государства Ми-чень Лу-ю, Кунь-Лан, Мо-типо (III— IV века). Эти государства лежат юго-восточнее земель пью. Бирманские же хроники, описывая древнюю Бирму, говорят о том, что между

устьями рек Ситтана и Сальвина находилось восемь государств, которые воевали друг с другом.

И в самом деле, в тех местах сохранились развалины нескольких небольших городов, к сожалению пока неисследованных. Крупнейшими монскими центрами можно считать портовые города Татон, Тайкалу и старый Пегу. Стены монских крепостей существуют также у прибрежных деревень Хоток, Мутхин, Лейкпон и др. К какой из них относятся названия государств из китайских летописей, угадать трудно. Это объясняется и неизбежным искажением названий при двойном переводе — на китайский и с китайского — и тем, что с гибелью городов часто забывались и их имена.

Города монов, значительно более многочисленные, чем города пью, сильно уступали последним в размерах. Одной из причин этому было то, что они не включали в черту стен ни резервуаров, ни рисовых полей. В плане они были чаще всего четырехугольными, и площадь их редко превышала один-два километра.

Памятников монской архитектуры обнаружено немного. Климат Южной Бирмы куда более влажен и губителен для строений, чем в среднем течении Иравади. Кроме того, моны чаще всего строили свои храмы из легко поддающегося обработке, но недолговечного латерита. Все данные, находящиеся в распоряжении ученых, указывают на то, что политическая жизнь монских городов была бурной. Правители были вынуждены вести непрерывную борьбу с окружающими племенами, а также, возможно, и с пью, с владениями которых монские города граничили на севере. В VII—VIII веках территория монских государств расширяется, моны занимают долину Ситтана и дельту Иравади. Крупнейшим из городов становится старый Пегу. В 805 году, как сообщает хроника Танской династии, при китайском дворе впервые появилось посольство из монского государства Ми-чень, и его царь получил признание Китая. Падение в 832 году столицы города Халинджи не прошло незамеченным в монских городах. Волна армий Наньчао докатилась и до их земель. Известно, что в 835 году из государства Ми-чень воины Наньчао увели несколько тысяч пленных и переселили их в верховья Иравади, где они мыли золото. Однако дальнейшее продвижение на юг было приостановлено объединенными остальными монскими городами. И уже к началу X века моны сами начали экспансию на север, занимая и разгромленных пью, распространяя свое влияние по Иравади и Ситтану. Когда в долине Иравади появились бирманцы, они встретили там монов.

Торговые интересы, а также необходимость обороны от общих врагов привели к созданию в X веке монского союза с центром в Татоне, одном из двух крупнейших монских городов.

Гигант Ламба и пастух

В X веке государства монов достигли вершины своего могущества. Многочисленные корабли приставали к их берегам, торговцы из различных стран селились в их портах. Археологические находки в Татоне и Пегу подтверждают это. В обоих городах найдены остатки кораблей, якоря, железные скобы и множество предметов импорта. В отличие от государства пью в Татоне и Пегу буддийских памятников VII—VIII веков обнаружено не так много. Зато там, как и у монов Сиама, найдено множество предметов индуистских культов.

В хрониках монов говорится о борьбе религий в монских городах и о некоем Тамуе — короле-отступнике. К концу IX века буддизм все-таки взял верх в монских городах, причем не везде произошло это мирным путем. Религиозные войны такого рода не характерны для государств Юго-Восточной Азии, почти в каждом из которых сосуществовали различные религии. Однако под оболочкой религиозных войн могли скрываться междоусобицы и столкновения за преимущественное влияние на торговом пути Индия — Китай.

В связи с усилением кхмеров Камбоджи государство монов в Сиаме — Дваравати потеряло к X веку самостоятельность и признало власть Камбоджи. Угроза потери самостоятельности нависла и над монами Южной Бирмы. Ангкорский (кхмерский) царь Яшоварман I претендовал на власть над всем Индокитайским полуостровом вплоть до Бенгальского залива. Не исключено, что Монские города Бирмы в той или иной мере признавали сюзеренитет Ангкора, но вряд ли эти взаимоотношения были более чем формальными. По крайней мере никаких материальных тому доказательств не сохранилось. Известно только, что, когда в X веке на Татон и Пегу напали войска Чолов, тамильских властителей юго-востока полуострова Декан, кхмерские цари не оказали монам никакой помощи.

Воспоминание об этой войне сохранилось в монской легенде о герое Кун Ата. Легенда рассказывает о том, что на землю монов пришла индийская армия, и индийцы заявили: «Мы победим и вернем себе страну монов». Они под водительством короля Ламбы, человека громадного роста и силы, пришли на многочисленных кораблях и окружили Пегу. Потом прислали письмо монскому царю, в котором говорилось: «Найди такого богатыря, чтобы мог побороть нашего царя». Монский царь долго не мог отыскать добровольца помериться силой с Ламбой. Как-то один охотник увидел в лесу молодого пастуха, который согласился на поединок, победил индийского царя, захватил в плен семь больших кораблей и три с половиной тысячи индийских воинов. Несмотря на что в легенде центральное место занимает рассказ о перипетиях поединка, для нас интересно упоминание о флоте завоевателей. Без сомнения, основой легенды послужила морская битва.

К XI веку монские города окончательно объединились под властью Татона в единое государство Раманнадеса. Однако даже в объединенной Раманнадесе (а это подтверждается хрониками и легендами) Пегу и другие города продолжали сохранять известную долю самостоятельности и даже иногда воевали друг с другом.

И все-таки в X—XI веках монский союз был крупнейшим государственным объединением на территории Бирмы, крупнейшим, хотя и не единственным.

Страна за цепью гор

На юго-западе Бирмы, за цепью Чинских гор, расположена область, называемая Аракан. Это узкая полоса лесов и полей, прижатая горами и холмами к побережью Бенгальского залива. Населяют ее племена, родственными бирманцам, вытеснившие первоначальных жителей эти! мест на запад — в Индию и на юг — на острова Бенгальского залива.

Аракан был тесно связан с Индией, и государства, появившиеся там в V—VI веках, испытывали сильное индийское влияние. На монетах, сохранившихся с тех времен, вычеканены индианизированные имена многочисленных араканских царей и монеты украшены индуистскими символами. В X—XII веках в Аракан проникло из Индии мусульманство. В основном его распространяли моряки-мусульмане, терпевшие кораблекрушения у изрезанных, обильных рифами и мелями араканских берегов.

Араканские хроники рассказывают о войнах со вторгавшимися в их земли войсками пью. В одном из сражений, в котором пью потерпели поражение, было убито 80 тысяч пришельцев. Хроники относят это сражение к X веку, когда царства пью уже не существовало. Хроники почти никогда не переносят событий в более поздние времена. Обычно они если уж и ошибаются, то только приписывая событиям большую давность. Поэтому всего вероятнее, это или воспоминания о войнах с Паганским государством, в самом деле происходивших в последующие столетия, или о том, как в Аракане появились его теперешние обитатели, родственные пью и бирманцам, и как они воевали с коренными обитателями страны. В пользу такого предположения говорит и то, в Аракане

после X века наступил столетний период междоусобиц, в течение которого потерпевшие поражение цари спасались бегством или в Индию, или в Паган.

Горы севера, востока и запада Бирмы были населены многочисленными племенами. Эти племена все находились в движении, продвигаясь в основном к югу.

Племена бирманского севера были, по сообщениям китайских хроник, весьма воинственны. Их охотно зачисляли в свою армию правители Наньчжао. Среди них были, как говорят хроники, босоногие сунь-чуань, которые носили бамбуковые шлемы и кожаные пояса; вань-ман, вооруженные луками с отравленными стрелами; высокие отважные прю, одетые в синие хлопчатые штаны; родственные им ван-чу, ловкие копьеметальщики, которые надевали шлемы, украшенные хвостами яков, и ездили на неоседланных конях; племена мангов в сине-зеленых штанах и шелковых красных тюрбанах и многие другие. Сегодня уже нельзя выяснить, какие из племен Бирмы, имели в виду китайские авторы, но в любом случае можно сказать, что горы и долины Северной Бирмы были далеко не; пустынными.

В горах добывалось золото и драгоценные камни. Золотоискатели сдавали песок чиновникам, за что их освобождали от налогов и военной службы. В долинах горцы пасли многочисленные стада лошадей и длиннорогих быков. Северная Бирма торговала с Наньчжао дичью, арахисом, арбузами, кожей носорогов, слоновьи бивнями, воском, лубом, ценными породами дерева. Очевидно, в этих районах было слабо развито сельское хозяйство. Господствовали здесь скотоводство, охота и собирательство.

Среди племен, которые обитали в Северной Бирме в VIII—IX веках, упоминаются и племена мранма, или собственно бирманцев. В эти годы они продвигались к долине Иравади.

К X веку государство Наньчжао, которое контролировало Северную Бирму, пришло в упадок. Его войскам все труднее было поддерживать господство в труднодоступных горных районах. Племена горцев вышли из-под власти северного соседа. В самой Бирме, в долине Иравади также не существовало единого хозяина — государство пью было уничтожено Наньчжао. Монские города не смогли стать его наследником, и поэтому продвижение бирманских племен речные долины не встретило организованного сопротивления. Мранма вступили в Бирму.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

История Паганского царства

Бирманцы спускаются в долины. «Пьинбу обнес Паган стеной». Паган становится столицей Бирмы. Восстание монов. Годы расцвета. Смутное время. Период реформ «Ничтожные цари». Битва на севере. Конец царства.

Бирманцы спускаются в долины

Китайцы знали древних бирманцев под именем «западные цянью». Это племя населяло во втором тысячелетии до нашей эры долину реки Тао-хе, недалеко от современного китайского города Ланьчжоу. В истории китайской династии Хань говорится о цянях, как о пастушеских племенах, враждовавших с китайцами. Китайцы часто совершали на них набеги, отнимали скот, уводили пленных.

Спасаясь от сильных соседей, цяны покинули долину Тао-хе и отступили в северо-восточный Тибет. Но и это не избавило их от нападений китайцев. Пришлось снова оставлять обжитые места и уходить к югу. В результате цяны попали в Сычуань и стали вассалами Наньчжао, которое покорило все племена Сычуани восточного Тибета и севера Бирмы.

К VII веку цяны уже более известны под именем мранма. Этим именем они сами себя называли. Имя мранма сохранилось и впоследствии, и от него происходит название страны, которую им суждено было заселить, — Бирма. Если верить хроникам, мранма в числе других подвластных Наньчжао племен были в составе их войск, когда те захватили столицу пью и напали на государства монов на юге Бирмы. Таким образом, мранма познакомились с долиной Иравади, но прошло еще лет, прежде чем они смогли освободиться от власти Наньчжао.

С середины IX века отдельные роды мранма начали покидать горы и спускаться в бирманские долины. Путь нелегким. Горный народ, привыкший к жизни в сухих прохладных районах, селился в речных долинах, в местах с резкими перепадами температуры и влажности, в краях, где господствовали муссонные ливни и раскаленные ветры сухих месяцев. Казалось бы, куда проще остаться в горах, таких привычных и прохладных. Но бирманцев манила свобода. А уход в жаркие долины был единственным способом вырваться из-под власти Наньчжао, господство которого не распространялось за пределы гор. Об этом мранма, не так давно прошедшие через всю Бирму, отлично знали. Солдаты Наньчжао не любили долин. Они боялись жары, насекомых, болезней. Фань Чжо, составитель «Ман Шу», пишет о местах, на границе которых оканчивалась постоянная власть Наньчжао, о пограничных крепостях, расположенных на переходе к бирманским долинам: «Вся область заражена малярией. Земля плоская, как точильный камень. Зимой трава и деревья не шелохнутся. Чиновники Наньчжао боятся малярии и других болезней. Некоторые солдаты покидают свои посты и проживают в других местах, не являясь на службу. Властители Наньчжао специально отбирают самых проверенных слуг для того, чтобы селить их в крепостях для контроля над пятью областями и десятью племенами».

Итак, Наньчжао не смогло колонизовать жаркие долины Бирмы. Однако армия Наньчжао все-таки прошла по этим долинам, разрушая города и угоня жителей в рабство. Сила народов, населявших долину Иравади, была подорвана. За короткий срок мранма заняли не только теперешний округ Чаусе, но и области в округе Минбу, на правом берегу Иравади. Районы эти были населены другими племенами, которые, без сомнения, оказывали сопротивление, но сопротивление пришельцам не было достаточно организованным.

Кто же жил в этой долине, перед тем как ее заняли бирманцы? Надписи, многочисленные в Чаусе (только к Паганскому периоду относятся сорок четыре расшифрованные учеными надписи), говорят о густом населении этой плодородной долины.

Здесь жили моны. Память о них сохранилась в названиях деревень, таких, как «Главная монская деревня». Сохранилась монская надпись, относящаяся к правлению паганского царя Тилуин Мана, в которой настоятель монастыря пишет, что построил большой дом и сообщил об этом царю.

Кроме монов в этой местности жило тибето-бирманское племя саков. О нем остались упоминания в надписях и в названии одной из вершины горы Туран — «Правящая саками». Больше того, титул высокого советника паганского двора читается как Маха-сак-ити, что означает «Поражающий саков». Очевидно, отношения с саками были враждебными.

Другим крупным племенем, с которым мранма пришлось столкнуться, были сокро. Их чаще всего отождествляют с каренами. Профессор Люс полагает, что они занимали область Минбу, ибо в дальнейшем, в надписях Паганского периода, неоднократно встречаются упоминания о «рабах сокро из Сагу» (Сагу — район Минбу). Наконец, в надписях говорится о племени лава, чья деревня находилась в долине Минбу, о сьямах (шанах) и других племенах. Некоторые из этих племен отступили в горы, другие слились с бирманцами; наконец, были и такие, что остались жить с мранма бок о бок, сохраняя свой язык и обычаи.

Общепринятым в Пагане названием для мест первоначального поселения бирманцев — долины Чаусе было «Чай та рва» («одиннадцать деревень») или «Чай та каруин» («одиннадцать каруинов»). Каруины можно условно считать родовыми или племенными центрами бирманцев, они имели укрепленные «столицы» и включали несколько небольших деревень. Недавно при помощи аэрофотосъемки удалось обнаружить остатки этих укрепленных «столиц» в четырех из одиннадцати каруинов. Местонахождение каруинов проверено по надписям. Названия их частично бирманские, частично добирманского происхождения.

Помимо каруинов долины Чаусе еще несколько таких же пунктов было в соседних районах по обоим берегам Иравади. Всего же каруинов насчитывалось девятнадцать.

Прошло не менее ста лет со времени появления мранма в долине Иравади, и земли каруинов стали для бирманцев тесны. Ирригационные системы, созданные их предшественниками и расширенные бирманцами, уже не удовлетворяли потребностям населения, возросшего не только в результате естественного увеличения, но и в связи с приходом с севера новых родов мранма.

«Пьинбу обнес Паган стеной»

Бирманцы к X веку уже «старожилы» долины Иравади. Они, без сомнения, сталкиваются и с монами и с пью — народами, стоящими выше их на лестнице общественного развития. Они знакомятся с буддизмом, окрашенным, правда, анимистическими верованиями, в первую очередь с культом змея Нага. Следы этого культа останутся и в паганские времена.

В 1000 году бирманский князь Сорахан построил буддийскую молельню на горе Туран около Пагана. Он первый из бирманских вождей, о котором говорят не только хроники, но и паганская надпись. Значит, на рубеже X и XI веков бирманцы взяли в руки власть в городе Паган, находившемся в нескольких десятках километров от каруинов — мест их первоначального поселения.

Когда был основан сам город Паган и кто были его основатели, сказать нельзя. Может быть, пью, которые контролировали долину Иравади до начала IX века, может быть, моны, селившиеся в этих местах, может, какое-нибудь из небольших племен. Во всяком случае бирманские хроники относят основание «Нового Пагана» к 850 году, когда царь Пьинбу (о нем не сохранилось никаких сведений в надписях) обнес город стеной. Хотя бирманские хроники пишут и о «Старом Пагане» и даже приводят ряд его правителей, «Старый Паган» — изобретение хронистов, которым очень хотелось проследить возникновение славного города ко временам легендарным, к самому Будде.

В любом случае Паган был известен за пределами Бирмы ранее 1050 года. К этому году относится надпись, найденная в государстве Тьямпа. В ней говорится о рабах из Пукама (так город называли сами бирманцы и их соседи).

Захват власти в Пагане знаменовал собой начало экспансии бирманцев, которые за сто с лишним лет акклиматизировались в сухих тропиках Средней Бирмы и переняли культурные достижения более развитых соседей. Бирманцы шли по пути создания централизованного государства. Их толкала на это необходимость поддерживать и развивать сложные ирригационные сооружения, а также угроза нападений со стороны соседей. Очевидно, к XI веку Паган уже известен во всей Бирме, и к нему протягиваются торговые пути из монских городов, Аракана и даже Индии.

Среди бирманских вождей начинается борьба за власть в Пагане. Ведь тот, кто владеет этим городом, приобретает авторитет и титул верховного вождя всех бирманцев. Достоверных документов об этом не сохранилось. За сведениями приходится обращаться к бирманским хроникам, в которых события, непосредственно предшествовавшие образованию Паганского царства, описаны довольно подробно, и, очевидно, в общих чертах рассказу хроник можно доверять.

Хроники говорят, что князь Сорахан поклонялся змею Нага и даже поставил в своем саду его изображение; Один из его прислужников по имени Чаунпью, воспользовавшись отсутствием князя, лишил его трона, но не стал убивать двух его сыновей, а воспитал их во дворце. Когда молодые князья выросли, они построили монастырь и пригласили узурпатора посетить его. Тот пришел. Князья силой заставили его постричься в монахи, а сами заняли престол. Через несколько лет один из братьев умер, а второй, Сокка-те, продолжал править Паганом. Тем временем подрос сын заключенного в монастырь Чаунпью, которого звали Анирудой. Анируда вызвал Сокка-те на поединок, убил его и возвратил трон своему роду. Это случилось в 1044 году.

Паган становится столицей Бирмы

Традиционная дата основания Паганского царства — 1044 год. Фактически же государство было создано несколькими годами позже. К 1044 году бирманцы владели только небольшим участком долины Иравади.

Границы Пагана проходили на севере в районе современного города Мандалай, на западе по нижнему течению реки Чиндвин, а на юге вряд ли намного южнее самого Пагана. К концу царствования Анируды (1044—1077), основателя Паганского царства, относятся votивные таблички с его именем, найденные в самых различных уголках Бирмы. По местонахождению их мы можем судить о распространении власти Пагана. Самая северная точка, где найдена такая табличка, — река Швели (24 градуса северной широты), самая южная — Тванте в дельте Иравади. Расстояние по прямой — около тысячи километров.

Быстрота, с которой союз бирманских племен превратился в могучее Паганское царство, всегда поражала исследователей. В 1044 году Анируда занял престол в Пагане, а через двадцать лет была покорена уже почти вся территория современной Бирмы. Сам Паган стал огромным по тем временам городом. Началось строительство первых гигантских пагод и храмов.

Что же произошло за эти двадцать лет существования царства?

Если верить хроникам, то вплоть до 1057 года, то есть в течение тринадцати лет, никаких крупных событий в жизни царства не происходило. Анируда правил Паганом и не претендовал на большее. И вдруг в 1057 году бирманцы пошли походом на монский город Татон и покорили его. Хроники рассказывают, что при дворе Анируды появился монский буддийский монах по имени Шин Арахан (историческое лицо, статуя его сохранилась в храме Ананда) и склонил Анируду и его Двор к переходу в «чистый» буддизм Хинаяна (Теравада). До этого в Паганском царстве, по свидетельству хроник, процветали ари — проповедники жестокого культа. Они угнетали народ, пьянствовали и развратничали. Наконец, как гласит «Хроника Стеклянного дворца»: «Царь Аноратаминсо (Анируда), исполненный благочестия и мудрости, отверг ересь ари и последовал по стопам Шина Арахана, известного под именем Ахамма-Даса».

Анируда изгнал ари, причем сделал это с помощью многочисленных приверженцев Шина Арахана, пришедших на его клич из Татона. Затем по совету монаха Анируда обратился к татонскому царю Макуте с просьбой передать ему часть имевшихся у монов буддийских священных текстов. Макута отказался и притом в настолько грубой форме, что разгневанный Анируда отправился во славу религии в поход и во славу же религии покорил Татон. Он взял в плен Макуту, захватил огромную добычу, большое число рабов и привез трофеи в Паган. Добыча включала и пять слонов, груженных рукописями священных книг.

В описании подвигов Анируды во славу религии придворные хронисты несколько непоследовательны, ибо уж если бирманскому царю были нужны только священные рукописи, не надо было для этого уводить в рабство все население монской столицы, своих единоверцев. Как следует из надписей и археологических материалов,

действительные цели походов Анируды были иными. После основания Пагана Иравади как торговая и стратегическая магистраль приобрела особое значение. Однако господство над ее средним течением еще не значило, что вся река открыта для бирманцев. Если даже и имелась возможность поддерживать связи с югом, то только через посредников, через богатые монские поселения дельты Иравади.

Очевидно, одного большого похода на юг не было — была серия военных экспедиций, и после каждой из них за Паганом закреплялся отрезок Иравади. Дойдя до побережья и покорив часть монских городов, Анируда встал перед проблемой покорения более значительных форпостов монов — Пегу и Татона. Моны Татона отказались прийти на помощь Пегу, который отбивался от набегов с востока горных племен. Бирманцы воспользовались распрями между монскими городами, и, когда царь Пегу обратился за помощью к Анируде, тот с готовностью заключил союз с Пегу для помощи в отражении их нападений. Когда горцы отступили, моны обнаружили, что войска «спасителей» не намерены покидать их города. Так Пегу потерял независимость. Теперь очередь была за изолированным Татоном. Как пишет Люс, Паган выступил в этой военной кампании в роли «льва, который, будучи призван разнять двух шакалов, сожрал их обоих». Историю же со священными рукописями и религиозным рвением бирманского царя ввели в обиход придворные хронисты.

Открытие путей на юг вскоре после завоевания Татона привело к установлению связей с Цейлоном, центром буддизма Хиньяна. Эти связи не прерывались почти весь Паганский период. За время царствования Анируды нам известны три миссии, которые тот посылал на Цейлон. Первая упоминается в «Хронике Стеклянного дворца» (миссия просила у цейлонского царя зуб Будды) и еще две миссии — в цейлонской же хронике

В то время на Цейлоне складывалась сложная обстановка. Король Цейлона Виджайя Ваху (1059—1104) был поглощен войной с империей Чолов. Он прислал в Татон корабль с просьбой о помощи. Но к тому времени, когда корабль достиг Раманнадесы, ее как государства уже не существовало, она вошла в состав Паганского царства. Тогда цейлонцы обратились за помощью к Анируде (это произошло между 1060 и 1063 годами).

Помощи Анируда не послал, войска были нужны ему самому. Но отношения между царствами из-за этого не испортились. Меньше чем через десять лет, в 1071 году, в Бирму прибыло новое посольство с Цейлона с просьбой о посылке монахов и буддийских рукописей для поддержания подорванной войнами религии. Просьба была удовлетворена.

Вероятнее всего, к этому же времени относится и установление связей с Южной Индией, по крайней мере продолжение тех связей, что поддерживали монские города, наследником которых выступал Паган.

Но с покорением Татона юг еще не полностью подчинился Пагану. В эти годы происходили волнения в районе Прома — бывшей столице пью. По свидетельству хроник, Анируде неожиданно пришлось отправиться походом на Тарекитару и сжечь ее, опасаясь, что «бунтовщики займут ее в будущем».

Неизвестно, кто были эти «бунтовщики». В тех местах еще жили остатки пью, моны и представители других племен.

На юге оставался независимым и Аракан. Лроники говорят о походе туда Анируды, но у исследователей нет единого мнения по этому вопросу. Ни в надписях, найденных в Пагане, ни в араканских надписях не говорится о том, что Аракан стал провинцией Паганского царства. В нем продолжали сменяться цари, иногда они присоединялись к врагам Пагана, иногда выступали на его стороне.

Но и не покорив Аракана, Паган принимал определенное участие в его внутренней жизни, выступая в качестве «сильного друга» тех, кого выгодно было поддерживать. Именно в Пагане находили убежище неудачливые претенденты на араканский трон, и оттуда они выступали в новые походы в надежде этот трон себе занять, обещая Пагану в

награду за помощь и сочувствие свою вечную верность и, как правило, быстро забывая клятвы.

Горы Восточной Бирмы, населенные шанами, представляли источник опасности для Пагана. Анируда построил по реке Сальвин несколько крепостей. Однако эти крепости выполняли роль не более как «китайской стены». Они были действительны только до тех пор, пока Паган был силен и мог контролировать шанские племена. Как только Паган ослаб, никакие крепости не могли уже сдерживать шанских набегов, в результате которых к началу XIV века шанские князья, возможно, захватили и город Паган.

Оставался непокоренным север, те самые горы, с которых сто лет назад спустились бирманцы. Несомненно Анируда предпринимал походы в том направлении. На этот счет имеются археологические свидетельства, в первую очередь votive tablets Анируды. Первым паганским властителям удалось отодвинуть на север границы своего царства, но нельзя утверждать, что все достижения этих походов принадлежат Анируде. В течение IX—XII веков цари Пагана предпринимали все новые и новые походы, пытаясь подчинить горные княжества.

Хроники, описывая северные экспедиции, следуют привычному трафарету, объясняющему все и вся религиозностью Анируды. Вот версия «Хроники Стеклянного Дворца»: «Анората (Анируда) был преисполнен религиозного рвения, и он подумал: в стране Тароп королевства Гандала есть святой зуб. Если я попрошу святой зуб у владельца Таропа...» Он с сильной армией подступил к Таропу, но город взять не мог.

Анируда возвратился из северного похода без священного зуба, но все-таки граница была продвинута к северу и там были построены крепости. На обратном пути он привел к покорности нескольких шанских вождей, и один из них, вождь Мо, отдал ему в жены свою дочь, судьба которой впоследствии послужила сюжетом многих произведений бирманской литературы. Прекрасную шанку невзлюбили при дворе, и ей, гонимой и несчастной, пришлось уехать из столицы.

Тайское предание говорит даже о том, что Анируда завоевал государства Лопбури и Дваравати, и кхмерский король Удайдитьяварман II вынужден был вернуть себе власть над ними ценой признания власти бирманцев над остальными завоеванными ими землями.

В периоды между своими походами Анируда уделял большое внимание улучшению ирригационной системы, в основном создавая ее не вокруг Пагана, как можно было бы предположить, а в районах каруинов, в долине Чаусе, где и сохранилось большинство надписей, в которых упоминается об этой стороне деятельности Анируды. До сих пор многие из оросительных каналов, существующих в долине, местная традиция приписывает Анируде.

Начинания Анируды в улучшении ирригационной системы в «сердце» Бирмы, в долине Чаусе, продолжали другие паганские цари, и значение Чаусе с каждым годом росло.

При Анируде началось большое строительство в Пагане. Первые пагоды и храмы города воздвигались не только бирманскими, но и пленными монскими мастерами.

Восстание монов

Анируда умер в 1077 году. Возможно, еще при жизни его начались волнения на монском юге, но угрожающего для Пагана размера они достигли при преемнике Анируды, Ман Лулане, который, вступив на престол, принял титул Шри Баджабхарана — «Победитель, несущий молнию».

Вступив на трон, Ман Лулан был вынужден предпринять дальний поход на юг. Поход был успешным, Ман Лулан дошел до современного города Мергуи, значительно расширив к югу владения Паганского царства. Но стоило бирманским войскам уйти, и восстание монов вспыхнуло с новой силой и приняло такой размах, что само существование государства оказалось под угрозой. Это произошло, по утверждению

хроник, в 1083 году, то есть через шесть лет после смерти Анируды. Во главе монов встал Янмакан (Нга Раман, или «проклятый мон» бирманских хроник). Янмакан был близок к царствующему дому монов, ибо воспитывался и жил при паганском дворе, и хроники приписывают Ман Лулану, известному также под именем Солю, слова о своем враге: «Нга-Раман сын моего наставника, и он вскормлен со мной одной грудью». Возможно, что Янмакан был одним из монских принцев.

К началу восстания пленный монский царь Татона Макута и его ближайшие родственники, вернее всего, уже умерли. Из позднейших надписей следует, что единственный оставшийся в живых из прямых наследников Макуты, его внук, не присоединился к Янмакану, а бежал на гору Поупа, в район восточнее Пагана, где, возможно, были монские поселения, откуда намеревался поднять восстание самостоятельно. Однако, когда престол Пагана занял другой царь, он уговорил монского принца не восставать против бирманцев и в знак дружбы отдал свою дочь за сына принца.

Восстание Янмакана было весьма серьезным, и бирманские войска, предводительствуемые, очевидно, Ман Луланом и знатным бирманцем Тилуином Маном, потерпели жестокое поражение, в результате чего Тилуин Ман бежал в Чаусе (именно в Чаусе, а не в Паган), а Ман Лулан попал в плен, где и погиб.

В освещении хроник Ман Лулан — ничтожный предатель, жалкий человек, поражение которого предопределено тем, что он не любит своего «сводного брата» Тилуин Мана и целыми днями играет в кости. Хроники не знали или умалчивали о походе Ман Лулана на юг и превратили царя в злодейский антипод благородного и более удачливого Тилуин Мана, известного более под именем Чанзитты. Хроники приписывают поражение в войне исключительно глупости Ман Лулана и уверяют, что Тилуин Ман хотел спасти царя, выкрасть его из вражеского лагеря, но тот решил, что лучше уж ему остаться в плену у своего друга детства, нежели быть спасенным Тилуин Маном. Когда тот уносил его на спине из монского лагеря — дело было ночью и никто не заметил, что паганского царя похищают, — перепуганный Солю закричал «помогите». Стража всполошилась. Тилуин Ману пришлось бросить царя и спастись бегством. Но Солю глубоко ошибся, полагая, что моны пощадят его, — чтобы обезопасить себя от дальнейших попыток похищений, они его казнили.

В 1084 году моны захватили Паган², но дальнейшее их наступление было приостановлено, ибо каруины долины Чаусе избрали нового бирманского царя — Тилуин Мана, который и опирался на экономическую и военную мощь каруинов.

Идеал паганского царя, величайший государственный деятель Пагана — таким встает Тилуин Ман (Чанзитта) со страниц хроник и легенд. История его рождения и детства удивительно поэтична и стала основой для создания многих замечательных бирманских поэм и легенд.

По версии хроник Тилуин Ман — незаконный сын аракаыской принцессы, предназначенной в жены Анируде, и паганского вельможи, посланного Анирудой сопровождать свою невесту. Вельможа влюбился в принцессу, она ответила ему взаимностью. Узнав об этом, царь разгневался и приказал убить родившегося у них младенца. Но мать убежала с сыном в лес. Потом Тилуин Мана усыновил волшебный змей Нага. Когда мальчик подрос и вернулся в Паган, он победил всех паганских богатырей и отразил стрелой четыре стрелы, выпущенные в него с четырех разных сторон (эпизод, заимствованный из жизнеописания Будды-Готамы). Анируда взял Тилуин Мана на службу, сделал полководцем, и вместе со своими верными друзьями — богатырями — он совершил целый ряд подвигов.

² Разгром и разрушения были весьма значительны, и, вернее всего, бирманское население Пагана было угнано монами в рабство. Упоминание об этом встречается в надписи Швезигон, выбитой во время правления Тилуин Мана. Вот что там говорится: «Когда враги нападают на город Аримадданапур (Паган), царь уничтожает их. Когда людей, живущих в городе, берут пленниками и увозят вниз по реке, царь возвращает их и снова селит в городе».

После смерти Анируды Чанзитта снова удалился в ссылку, но в решительный момент был призван на мощь Ман Луланом. Как известно, Ман Лулана он спасти не смог, бежал в долину Чаусе, где и был провозглашен царем.

В версии хроник вызывает сомнение уже то, что принцесса из Аракана появилась при дворе Анируды в 50-х годах XI века, то есть как раз в то время, когда ее «сын» с товарищами-богатырями возглавлял армию Анируды в войне с монами, не говоря уже о других подобных хронологических и логических смещениях. Интересно и другое — оказывается, Тилуин Ман ни в одной из своих надписей не говорит, что он — сын араканской принцессы, что он связан с каким бы то ни было царским семейством. Тилуин Ман достаточно туманно заявлял, что он — родственник Солнца. Араканская принцесса впервые появляется в хрониках XVI — XVII веков. Не упоминает Тилуин Ман в своих надписях и об участии в походах Ани-руды, за исключением участия в разгроме монов в 1084 году, то есть уже после смерти Анируды.

«Тилуин Ман» значит — царь Тилуина. Один из каруинов Чаусе назывался Тхилаин, что при тогдашнем разном написании могло читаться и как Тилуин. Надпись, оставленная дочерью Тилуин Мана, гласит, что она владеет землями в Чаусе. Все это дает основание предполагать, что Тилуин Ман — представитель старой бирманской родо-племенной верхушки, владетель одного из каруинов и конфликт его с Анирудой, опозитизированный в легендах и хрониках, — отражение конфликтов старой и новой паганской аристократии. Итак, Тилуин Ман не родственник Анируде, ветвь которого кончается со смертью его сына Ман Чулана.

Тилуин Ман, вступив на вакантный паганский престол в 1084 году, собрал в Чаусе бирманское ополчение и выступил навстречу монам. Теперь уже моны находились в невыгодном положении. Они оторвались от своих городов, очутились среди враждебно настроенных Деревень. Бирманцы же защищали свои дома.

В решительном сражении Тилуин Ман нанес монам сокрушительное поражение. Вождь монов Янмакан погиб, и разбитые монские отряды в панике бежали на юг, преследуемые бирманцами. Юг Бирмы вновь вошел в состав Паганского царства.

Однако, разгромив монов, Тилуин Ман не стал продолжать политики своих предшественников. Наоборот, он понимал, что Пагану невыгодны постоянные войны с монами. И вот в конце XI века начался процесс «монизации» Пагана. Монские вельможи приглашались в столицу, монский язык стал основным языком надписей и документов, монская архитектура и искусство господствовали в Пагане, и при описании празднеств мы встречаем упоминание о монах-вельможах и священнослужителях, принимавших в них участие. Тилуин Ман достиг в стране мира в первую очередь путем соглашения с монами.

Годы расцвета

Правление Тилуин Мана, то есть конец XI — начало XII века — начало расцвета Паганского царства. К тому времени границы государства были в основном установлены и Тилуин Ман не вел крупных завоевательных войн. Основное внимание обращалось на внутреннее положение страны. Единственное исключение — война на юго-западе, где Тилуин Ман отразил нападение араканского царя, опоздавшего прийти на помощь монам и оказавшегося в одиночестве перед лицом грозных паганских армий.

В это время расширились внешние связи Пагана. Тилуин Ман посылал два посольства в Китай (в 1103 и 1106 годах). Паган стал господином сухопутного торгового пути из Индии в Китай, сменив на нем государство пью и Наньчжао. Тилуин Ман был заинтересован в хороших отношениях с северным соседом — это давало ему возможность крепче держать в руках северные горные племена. Он даже пошел на то, чтобы принести китайскому императору формальную дань.

Связи с Индией тоже продолжали укрепляться. Из надписей известно, что по инициативе Тилуин Мана и на средства Пагана и Аракана был проведен ремонт

буддийского храма в Боддхгайя в Индии, пришедшего в ветхость. Репутация Пагана как буддийского центра в Азии росла, и множество монахов из стран, где буддизм находился в упадке, эмигрировало в Паган. Хроники сообщают также, что Паган посетил один из принцев Чолов, однако о действительных целях этого визита ничего не известно. Правда, надписи утверждают, что Тилуин Ману удалось якобы склонить тамила к буддизму.

Широкая деятельность Тилуин Мана по укреплению государства нашла отражение в надписи, оставленной им в Проме. Надпись датируется 3 июля 1093 года и повествует о первых десяти годах царствования Тилуин Мана. В этой надписи он не упоминает о военных подвигах а перечисляет свои заслуги по строительству и развитию страны. Возведение пагоды Швезигон, сбор и переписка питак, посылка денег, людей и строительных материалов в Индию для восстановления Боддхгайи, подарки монахам, склонение к буддизму принца Чола, улучшение ирригационной системы, создание резервуаров и плотин, отчего увеличился сбор урожая и люди стали лучше жить... Кроме того, в надписи рассказывается о народных праздниках, которые поощрялись царем. Интересно, что Тилуин Ман учредил заповедники (пожалуй одно из самых ранних упоминаний такого рода), так как «любил зверей и птиц». Он приписывал себе создание озера Мракан у горы Туйин — большого, сохранившегося до наших дней водохранилища, и строительство каменной библиотеки на берегу этого озера.

Интересна надпись о постройке Тилуин Малом царского дворца, сооруженного целиком из дерева и не сохранившегося до наших дней. В этой надписи говорится, что моны занимали на празднике в честь окончания строительства дворца почетные места. Упоминаются также пью и их музыка.

При Тилуин Мане усилилось религиозное строительство в Пагане. Он был первым из царей-храмостроителей, и воздвигнутый при нем храм Ананда — первый из больших паганских храмов — считается одной из вершин бирманской архитектуры.

Другие надписи говорят о ремонте большой пагоды в стране монов (1098 год) и строительстве других пагод.

Тилуин Ман, крупный государственный деятель Бирмы и «идеальный царь» хроник и легенд, умер в 1112 году, оставив своим наследникам могучее государство. Период становления Пагана заканчивается. Задачей правителей Паганского царства становится сохранение достигнутого. При них продолжают развиваться культура и искусство Пагана, при них складывается окончательно паганское общество.

Смутное время

Главную опасность для существования Пагана представляли многонациональные окраины государства с сильными в них центробежными тенденциями. В Паганское царство входили и культурные, развитые города-государства монов и многочисленные горные племена, находившиеся на самых различных ступенях общественного развития. Государство держалось силой армии, какие бы мощные крепости ни строили паганские властители на его границах, какие бы жестокие походы они не предпринимали против непокорных, подавить стремления покоренных племен к независимости они не могли. Крепости и походы были действительны лишь до тех пор, пока Паган был силен. Но даже во время расцвета его опасность восстаний не исчезала ни на минуту.

Уже через год после смерти Тилуин Мана «банда разбойников», как пишут хроники, а вернее всего, отряд кого-нибудь из подвластных племен захватил и разграбил дворец Кансу I — преемника Тилуин Мана.

Узнав о смерти Тилуин Мана, восстали моны и северные племена. «Хроника Стеклянного дворца» пишет о первых годах правления Кансу I: «Бассейн, страна талаингов (монские города), был охвачен анархией. Нга Тит с острова Теттит отказался повиноваться. Нга Нгве поднял восстание на горе Хкеттин. Зеямин-гала, властитель теков, тоже восстал. Кала (индиец), назначенный управлять страной Цейлон (явное

преувеличение), отказался повиноваться. Тенассерим перестал платить дань, и Текинминкатор (король Южного Аракана) забыл о правде и благодарности...». Волнения не утихали почти все царствование Кансу I, из-за чего царю приходилось проводить много времени в походах и карательных экспедициях.

Государство, созданное менее ста лет назад, второй раз за время своего существования находилось на грани гибели. На счастье Кансу, собственно бирманские районы оставались спокойными, и родственники его не претендовали (по крайней мере мы не имеем таких данных) на трон. Бирманская знать была заинтересована в сохранении централизованной власти, однако при условии (конечно, оно вряд ли формулировалось открыто и категорично) уступок со стороны царя, уступок за счет монской знати, занимавшей в Пагане привилегированное положение.

Кансу сам возглавил армию, вышедшую на покорение Тенассерима. Следующим был разбит старый враг Пагана — араканский царь Тенинминкатор, но война в Аракане тянулась до 1118 года.

После подавления основных центров неповиновения Кансу направил посольство с дарами в Наньчжао. Затем, заручившись, видимо, обещанием нейтралитета со стороны могущественного северного соседа, предпринял поход против горного государства Гароп, владетель которого якобы был одним из счастливых обладателей зуба Будды. Поход этот, как и поход Анируды, окончился неудачей.

При Кансу исчезают или почти исчезают монские надписи, и, видимо, монский язык выходит из употребления. Постепенно сходит на нет монское влияние и в других областях жизни Пагана. Бирманская знать не желала делить власть с монскими вельможами. Во второй половине XII века появился первый в Бирме свод законов. Он не дошел до нас, но мы можем судить о нем по ссылкам в надписях. Была разработана система мер и весов. Развивался литературный язык, свидетельством чему является богатый и образный язык надписей.

В XII веке в Пагане велось широкое строительство храмов. Оно достигло такого размаха, что отрицательно сказывалось на общем экономическом положении страны. Например, громадная пагода Швегуджи была возведена в 1131 году в течение полугода, что потребовало напряжения сил всего государства.

Хроники много пишут о путешествиях Кансу, о храмах, заложенных им в различных частях Бирмы, однако в надписях XII века мы не находим упоминаний об этих путешествиях. Кансу царствовал долго, и конец его правления приходится на вторую половину XII века. Надписи тех лет не указывают года его смерти.

Период, последовавший за смертью Кансу, — один из самых темных в бирманской истории. Бирманские хроники тут вступают в полное противоречие с теми данными, которые можно получить из эпиграфики и иноземных хроник и надписей. Хроники дают имя Нарату, убившего Кансу I в 1167 году и царствовавшего до 1170 года. Затем имя его преемника — Наратейнки, продержавшегося на престоле также три года (1170—1173). И только в 1174 году на престол вступает Нарапатиситу (Кансу II) и период смуты заканчивается.

При описании правления Нарату и Наратейнки, особенно первого, бирманские хроники не жалеют черной краски. Он-де и убийца престарелого отца, которого задушил подушкой, он же и узурпатор, ибо трон получил в обход законного престолонаследника — старшего брата. Он же и убийца старшего брата — отравитель. Его преступления были так велики и невиданны, что глава буддийской церкви в возмущении покинул страну и отправился на Цейлон. Многие монахи бежали туда же от преследований. В стране воцарилось беззаконие. Наконец князь Патеикая (чужестранец?) убил отвратительного царя.

Надписи же повествуют совсем о другом. Да, Нарату, настоящее его имя — Имто Сьян, занимал паганский престол. Он начал строить храм Дхаммаянджи, который должен был стать крупнейшим храмом Пагана, но оставил его незавершенным. Из надписей

известно, что строительство храма было начато и прервано в 1165 году. Таким образом, хроники ошибаются, утверждая, что Кансу I дожил до 1167 года. Уже за два года до этого на престоле сидел другой царь.

Казалось бы, путаница почти неразрешимая, тем более что в бирманских надписях не встречается других упоминаний ни о Имто Сьяне, ни о кончине Кансу I. Но неожиданно на помощь здесь приходят летописи другого государства. Это — надписи и хроники Цейлона, относящиеся ко второй половине XII века.

В цейлонской надписи Деванагала говорится: «Человек по имени Бхуваннадита, царь Араманны, сказал: „Мы не будем заключать договора с островом Ланка“. И тогда Его Величество (цейлонский царь. — *И. М.*) скомандовал: „Погрузите людей на тысячи кораблей и пошлите их в поход на Араманну“. И Кит Нуварагал, подчиняясь этому приказанию, взял штурмом город Кусумья, и... через пять месяцев король Араманны направил послов со словами: „Мы заключим договор“».

Эта надпись датируется 1165 годом, когда внезапно прервалось строительство храма Дхаммаянджи в Пагане. Из надписи можно заключить, что в 1165 году перед самым началом муссона цейлонский царь Параккама Баху I (1153—1186) приказал начать военную кампанию против Араманны, то есть Раманадессы, страны монов, — этим именем цейлонцы продолжали называть Паганское государство. Для перевозки войск были использованы тысячи кораблей. Полководец Киттинагаригиры (Кит) взял штурмом Кусумья (Бассейн) — город в нижнем течении Иравади, после чего паганский царь запросил мира.

Обратимся теперь к цейлонской хронике Чулавамсе, которая подтверждает все, что сказано в надписи, и дополняет ее текст рядом интересных деталей.

Очевидно, отношения Цейлона с Паганом ухудшились уже в царствование Тилуин Мана, когда у последнего завязались отношения с южноиндийскими правителями Чолами (приезд принца в Паган), врагами Цейлона. В то же время, наверное, обнаружились противоречия между Паганом, стремящимся забрать в руки все побережье Тенассерима, и Цейлоном, которому со своей стороны был важен Тенассерим как пункт на торговом пути на Восток. Эти противоречия обострились к середине XII века, когда бирманские цари прервали торговые от ношения с Цейлоном.

По версии Чулавамсы, бирманский царь прекратил торговлю с Цейлоном слонами, резко подняв на них цены, и пресек традиционный обычай давать слона за корабль с грузом подарков с Цейлона. Цейлонские послы были арестованы на Тенассеримском побережье. Кораблям с Цейлона было запрещено заходить в бирманские порты. И, наконец, цейлонская принцесса была перехвачена на пути в Камбоджу. Царь Параккама Баху решил наказать бирманского царя и возложил это поручение на полководцев Аддикку и Китти. За пять месяцев был построен большой флот. На корабли погрузили годовой запас продовольствия и оружие, включая стрелы с железными наконечниками, эффективные в борьбе со слоновьей кавалерией. В снаряжение экспедиции входили даже лекарства от болезней, гнездящихся в болотах Нижней Бирмы, и средства от яда, которым бирманские солдаты смазывали наконечники стрел. В состав армии были включены и лекари.

Армия выглядела как «плавающий остров». Не все корабли добрались до Бирмы. Некоторые утонули в пути, другие отбились, а один пристал к Андаманским островам и захватил много пленных. Военачальник по имени Китти высадился в городе Бассейн и взял его. Аддика, другой полководец, направился с основным отрядом на север, к городу под названием Папхалама, и оттуда пошел дальше, к столице бирманцев Уккаму (Пагану), неожиданным штурмом взял его и убил царя... Затем под бой барабанов он провозгласил захват Бирмы и присоединение ее на вечные времена к Цейлону.

Трудно теперь выяснить, какая часть цейлонской хроники правдива и где преувеличения. Однако интересно, что бирманские хроники косвенно подтверждают показания цейлонской летописи, утверждая, что Имто Сьян погиб от рук иностранцев.

Итак в 1165 году цейлонские войска вторглись в Бирму и, по всей вероятности, паганский царь погиб от руки сингалезов. Если считать, что цейлонцы убили Имто Сьяна, то возникает вопрос, кто наследовал ему. Хроники вводят имя царя Наратейнки, который царствовал три года (1171—1174) и, кроме дворцовых интриг, ничем не прославился. Его убили по приказанию его брата Наратиситу, ставшего впоследствии царем под именем Кансу II.

Нет ни одной надписи, где бы говорилось о короле, царствовавшем между Имто Сьяном и Кансу II. Больше того, надпись, найденная на горе Тецо, дающая нам список ранних царей Бирмы, упоминая о Кансу I и Имто Сьяне, после него помещает непосредственно Кансу II. Хроники же не могут представить ни одного факта из жизни Наратейнки, на который можно было бы опереться для дальнейших поисков исчезнувшего царя. А может быть, с 1165 по 1174 год в Пагане не было никакого царя и там правил цейлонский наместник? Так полагает, например, бирманский историк Тан Тун. Но это уж очень маловероятно. Представьте себе, что цейлонцы в течение десяти лет правят в Пагане и держат в руках территорию, превышающую территорию самого Цейлона силами одного только экспедиционного корпуса, вдали от баз, в месяцах пути от дома морем, в окружении горных племен, имея под боком непокорные каруины долины Чаусе. Продержаться очень мало шансов. В то же время ни в одной паганской надписи, ни в одном цейлонском источнике не пишется о десятилетнем иноземном владычестве. Ни одного предмета не найдено в Пагане, который бы подтверждал такую оккупацию. Противоречит этому и сама цейлонская надпись Давагала. Какой смысл ей преуменьшать силы и возможности Цейлона? А ведь в ней достаточно ясно сказано, что «через пять месяцев бирманский царь прислал послов предложением заключить договор». Так кто же сделал это предложение и кто посылал послов?

Логичнее предположить, что бирманские хронисты, как всегда, отражая паганскую историю в общих чертах правильно, сдвигают во времени некоторые события. Вполне возможно, что в 1165 году был убит Кансу I, его преемник Имто Сьян вступил на престол за два года до срока, указанного в хрониках, и, возможно, не без помощи цейлонцев. Возможно и то, что именно при Имто Сьяне произошла неудачная война с Цейлоном. В любом случае Имто Сьян остался в народной памяти как весьма непопулярная фигура, и именно в его образе сконцентрировались отрицательные черты жестокого властителя. Ведь бирманские хроники, как и хроники многих других государств, — сплав исторического труда и фольклора с присущими тому и другому особенностями.

Период реформ

В 1174 году на престол вступил, убив Имто Сьяна, царь Кансу II, чье имя обычно связывают с реформами в буддийской церкви, которые он проводил с помощью цейлонских монахов.

Конец XII века не характеризовался крупными военными походами. Нет данных и о расширении Паганского государства. Времена экспансии уже прошли. В соседних землях сложились государства, способные противостоять завоеваниям.

Кансу II был предпоследним королем-храмостроителем. Крупнейший из созданных им храмов — Годопалин, — пожалуй, наиболее самобытен из всех построенных во времена Пагана. Храмы воздвигались за удивительно короткие сроки, объем работ был громаден требовал напряжения всех сил Паганской державы.

Кансу II имел несколько жен, и после его смерти возник вопрос о престолонаследии. Одержал верх здесь Натомья (1211—1231—?), Если верить хроникам, он был самым младшим из сыновей Кансу II и избрание его было predeterminedено свыше, ибо царский зонт наклонился в его сторону³. Хроники же уверяют, что Натомья жил в

³ Традиционное его имя Тхиломинло — «тот, на которого указал зонт».

мире и единении со своими четырьмя старшими братьями и ежедневные их собрания под названием Хлудо стали традиционным Высшим советом Бирмы, ее «Советом министров».

Надписи указывают на то, что Натомья не был младшим сыном и на самом деле его «старшие братья», сыновья сингальской принцессы, были моложе его. Никакого единения между братьями не существовало. Один из них, Пьямкхи, поднял против царя восстание, в котором приняли участие второй брат, Сингапикан, и младший сын Натомья, Клаква. Восстание было подавлено, и его участники, за исключением Клаквы, были казнены. Два других брата Натомья оставались ему верны, впоследствии их имена встречаются в составе комиссии, посланной Клаквой для расследования спора о принадлежности церковных земель.

При Натомья продолжался период относительной стабильности Пагана. Строились храмы и раздавались пожертвования церкви. Единственной крупной кампанией в этот период был поход на север, которым руководил военачальник Лаккана Лавей. Известно, что в 1228 году Натомья наградил этого военачальника за храбрость в «Таконской войне».

Северная граница Паганского царства была беспокойной. Обитавшие там племена упорно не желали признавать власти Пагана. Очевидно, в это время паганские Цари построили на севере пограничную крепость Конкан (Каунсин), первое упоминание о которой в надписи относится к 1236 году. Крепость эта стала основным укреплением северной границы, и туда назначались комендантами самые надежные вельможи. В 1236 году ее начальником был командир царских телохранителей.

В середине XIII века в Пагане происходит раскол в буддийской церкви. Расширяется деятельность так называемых «лесных братьев», о которых говорится в надписях как об общепризнанном и сильном течении в буддизме уже в 1225 году.

Создание этой секты, о чем подробнее будет рассказано в следующих главах, было реакцией мирян и части монашества на обогащение буддийской церкви, противоречащее философии буддизма. Вождь «лесных братьев» Махакассапа выступал в своих проповедях против обрядовых сложностей, против обогащения монастырей и т. д. Это не значит, что секта строго придерживалась проповедуемых ею правил. Вскоре она сама начала накапливать земли и рабов.

Паганские цари обычно не противодействовали «лесным братьям», несмотря на анафемы, которым предавала их официальная церковь. Оба направления в бирманском буддизме сосуществовали в течение двухсот лет.

В 1225 году случился пожар, спаливший дотла деревянный Паган. Пожары в Бирме испокон веку были страшным бедствием. Бирманские цари неоднократно издавали жесточайшие законы, направленные на предупреждение пожаров.

В начале XIII века монский монах Далла составил книгу законов — Дхаммасат, дошедшую до нас в цитатах в позднейших работах.

«Ничтожные цари»

Наследовал Натомья его старший сын Уккана (1231 (?) — 1235), потом престол занимал его младший брат Клаква (Часва), бывший бунтовщик (1235—1249), затем Уккана II (1249—1256), и в течение одного года царствовал малолетний Ман Ян (1256).

Период правления этих царей характеризовался важными сдвигами в жизни паганского общества. Составители хроник, полагающие, что с 1231 по 1256 год правили два царя — Часва и Узана, не тратят долгих слов на описание их деятельности. Также походя пишут о них некоторые современные историки. Например, Харви говорит следующее: «Тхиломинло передал престол своему сыну Часве, который учил наизусть Типитаку, читая ее по девять раз подряд, и писал мадригалы придворным дамам. Сын Часвы Узана любил вино и охоту. Он погиб при охоте на слонов». Холл еще более лаконичен: «Сыт Тхиломинло Часва унаследовал набожность отца и оставил управление государством в руках своего сына Узаны. Последний правил государством всего четыре

года и был убит на охоте». Холл же на основе хроник презрительно заявляет: «Затем (после Натомья) престол занимали ничтожные цари Часва и Узана. Проявились признаки вырождения династии».

Такое мнение о царях этого периода не удивительно, хотя и не совсем справедливо. Конечно, если разбирать историю Пагана с точки зрения завоевательных войн и строительства громадных храмов, то период 1231—1256 годов не представляет большого интереса. (Правда, храмостроительство, хоть и не в таком масштабе, как прежде продолжало вестись.) Однако и хроники и принявшие их версию историки ошибаются. Что же в самом деле происходило в Пагане в эти годы?

Основным источником, характеризующим действительное положение в Пагане в этот период, служат три надписи, а также эдикт Клаквы, поставленный им у нескольких деревень. К началу XIII века буддийская церковь в Бирме превратилась в могучую силу. В монастырях скапливались земельные фонды, большое количество рабочих рук и материальные ценности. Во время раздоров и войн монастыри оставались спокойными островами, хозяева которых ни на минуту не забывали об обогащении монастыря, не забывали постоянно округлять монастырские владения. «Иммунитет» монастырских земель ставил монашество в привилегированное положение по сравнению со светской знатью, связанной определенными обязательствами и повинностями с царской властью.

Кансу II (1174—1211) был последним паганским царем, совершавшим многочисленные и щедрые пожертвования монастырям и храмам. При преемниках Кансу I число царских дарений резко пошло на убыль, и к середине XIII века конфликт между царской властью и церковью вышел на поверхность.

Вступив на престол в 1235 году, Клаква начал проводить изъятие монастырских земель, пользуясь часто спорностью прав монастырей на нее или потерей, за давностью, документов на владение. Попытки Клаквы сразу встретили самое резкое противодействие церкви. В процессах, затеянных против церкви, царь потерпел поражение.

Клаква предпринимал и другие попытки укрепления царской власти. К 22 апреля 1249 года относится эдикт, который Клаква намеревался установить у каждой деревни, имевшей более пятидесяти дворов. По сей день обнаружено одиннадцать таких эдиктов. Эдикт направлен против воров и бандитов. Очевидно, в 1249 году бандитизм принял такие масштабы, что царь вынужден пойти на весьма решительные «агитационные» меры. В эдикте говорится о тех, кто «достигает богатства, разрушая деревни других людей, убивая их жен и детей». Явно здесь речь идет не только о простых ворах. Центральная власть в Пагане слабела.

Преемник Клаквы Уккана II (Узана) не прекращал политики предшественника в отношении церкви. До нас дошло описание процесса, относящегося к 1255 году. В нем царя обвиняли в захвате земли, принадлежащей лесному монастырю Крамту Ним. Процесс кончился не в пользу царя — вернее, он не был доведен до конца, и земли остались у монастыря, так как царь неожиданно погиб на охоте.

Последний царь Паганского государства Кансу III (Тарукплой, 1256—1287) пошел на компромисс с церковью и отменил указы своих предшественников. Его эдикт дошедший до нас, гласит помимо прочего: «Пусть земли церкви не входят в наши земли даже на толщину волоса. Но не будет греха, если наша земля войдет в число церковных земель». Таким образом, борьба против церковных феодалов окончилась поражением царей.

К XIII веку в Пагане церковь стала крупнейшим в стране земельным собственником, успешно сопротивлялась попыткам царей вернуть государству потерянные земли, что и послужило впоследствии одной из причин ослабления и упадка Паганского государства.

Битва на севере

Кансу III уже не мог спасти страну, раздираемую противоречивыми интересами знати и церкви, центробежными тенденциями монского юга и севера, населенного полувисимыми племенами. Завоевание Китая монголами и появление их войск у северных границ Пагана только ускорило неизбежную гибель.

Царствование свое Кансу III начал с карательных походов против восставших окраин. Восстания монов и шанских племен были подавлены, но это была лишь краткая отсрочка.

В 1271 году губернатор Юннани по приказу Хубилая прислал послов в Паган для того, чтобы вытребовать дань, которую номинально Паган платил Китаю еще с XI века. Послов даже не допустили на аудиенцию к царю Пагана, и они возвратились обратно, унеся с собой только выражение дружбы Пагана к Китаю, но никаких тому материальных подкреплений. В следующем году бирманцы разгромили одно из горных племен, которое считали вассалом, не обращая внимания на то, что оно объявило о своей верности монголам. Получив известие об этом, император Китая послал в 1273 году трех послов в Паган, дабы потребовать освобождения пленного вождя племени и вновь потребовать дани. Послы эти так и не вернулись в Китай. Как уверяют бирманские хроники, они были казнены паганским царем. Это заявление хроник вряд ли соответствует истине. Правила уважения к послам строго чтились в Пагане, и тот же Кансу III писал в надписи Мингалазеди: «Цари никогда не заключают послов в тюрьму». Вероятнее всего, послы были убиты разбойниками или горцами на пути домой, так как в китайских источниках сообщается, что 1275 году китайский офицер, посланный на поиски послов, вскоре вернулся, потому что дорога на Паган была перерезана «бунтовщиками». Да и сами китайские источники не упоминают о том, что послы были убиты в Пагане.

Тем временем пограничные конфликты продолжались. В 1277 году бирманский отряд напал еще на одно горное племя и был разбит. Но это еще не означало войны с Китаем. Основные военные действия развернулись только через шесть лет.

Паганское государство буквально разваливалось на глазах. Если верить хроникам, в 1281 году снова восстали моны в Мартабане, убили паганского губернатора и руководимые офицером паганской армии, моном по происхождению, Вареру, отделились от Пагана. В то же время поднялось восстание и в Пегу. Причем там во главе восставших оказался сам губернатор Пегу Тарабья (тоже, очевидно, мон).

Но Паган и на этот раз смог послать карательную экспедицию. В конце 1283 года царь Пагана наградил за смелость своего полководца Раджасанкрама «после подавления восстания в Танлуине и захвата Тала-мруи (крепость Далла)». Очевидно, восстание было настолько серьезным, что пришлось посылать на подавление его армию из Пагана, которая отвоевала попавшую в руки восставших важную крепость. И, несмотря на то что царь щедро наградил своего военачальника, есть основания сомневаться в том, что карательная экспедиция принесла желаемые плоды. Примерно в эти годы монский юг Бирмы окончательно отложился. Перестал подчиняться Аракан, и оттуда больше не поступала дань. Шанские князья не только не присылали войск, но и начинали сами беспокоить набегами окрестности Пагана. В такой обстановке роль монголов в разрушении Паганского государства оказалась минимальной.

В 1283 году небольшой монгольский отряд вторгся в пределы Бирмы. Описание этого похода мы встречаем у Марко Поло. Руководил военными действиями наместник Юннани Насреддин, имевший в своем распоряжении только 12 тысяч арабских всадников и отряд китайской пехоты, состоявшей, по сведениям Марко Поло, из дворцовой челяди. Монгольские войска спустились в долину Иравади, и здесь, в районе современного города Швебо, состоялась битва с бирманской армией.

В битве со стороны Пагана, по словам Марко Поло, участвовало более 60 тысяч воинов. Отчету о ней, сделанному в бирманских хрониках, поверить трудно. Это скорее легендарное эпическое произведение, нежели действительный отчет о сражении. Монголам, уверяют хроники, пришлось напрячь все силы своей империи, чтобы

разгромить паганскую армию. В этом отношении значительно более беспристрастным является описание боя, сделанное незаинтересованным наблюдателем Марко Поло.

В самом начале сражения монгольский отряд был деморализован несокрушимой, на первый взгляд, атакой боевых слонов. Но, пишет Марко Поло, «видят татары, что лошади испугались, попрытали коней в лесу, привязали к деревьям, потом взялись за луки, насадили стрелы да и стали стрелять в слонов. Стрелять они умеют ловко и слонов изранили жестоко... Израненные слоны повернули назад да и побежали на своих. Не посчастливилось царю и его ратникам. Не могли они тут остановиться и побежали что есть мочи, а татары за ними вслед».

Девятого декабря монголы заняли крепость Конкан, которая, видимо, еще оказывала в течение нескольких дней сопротивление. Тагаун — центр северной провинции — продержался еще месяц и пал в январе 1284 года. По получении известий об этом царь Пагана и его две покинули столицу и бежали на юг в Пром. Тем временем монголы оккупировали Северную Бирму и основали там новую провинцию, которую они называли Чень Мьен.

В 1285 году Кансу III решил заключить мир с монголами на предложенных ими условиях. И послал два посольства, возглавляемые монахами, одно из которых добралось до Пекина и получило аудиенцию у Хубилая. Описанию этого посольства посвящена дошедшая до нас надпись. Паганский посол признал от имени паганского царя власть Хубилая над Бирмой и просил не посылать монгольских армий, так как страна не сможет их кормить. Реакция Хубилая была вполне положительной и он согласился за присылку дани оставить Паган в покое. Однако независимо от решения Хубилая дни Паганского государства были сочтены.

Конец царства

Царь после короткого пребывания в Проме обосновался со двором в Южной Бирме. Там он получил известия о благополучном исходе миссии в Китай и решил вернуться в Паган. Но по дороге он был убит одним своих губернаторов. Немедленно в стране началась гражданская война, причем в борьбу за паганский трон вступили уже не только наследники Кансу III, но и шанские князья, владения которых придвинулись к самому Пагану.

Пользуясь неразберихой, губернатор Юннани послал армию для того, чтобы занять Паган, несмотря на то, что император не приказывал делать этого. В 1287 году в Паган вступили монгольские войска. С их помощью на троне утвердился Руйнансьян (1289—1297). Вероятно, он был одним из наследников Кансу III. Известно, что его сын Сингхапати ездил в Китай, чтобы получить инвеституру из рук Хубилая.

В 1297 году Руйнансьян был свергнут с престола и убит. Его сын также погиб от рук убийц. Последние паганские цари являлись царями только по названию, государства уже не существовало. Руйнансьян был марионеткой действительных правителей страны, называемых в хрониках «три шанских брата»⁴. Свержение с престола и убийство Руйнансьяна было делом их рук, ибо, надеясь на поддержку монгольских войск, царь Пагана начал оказывать «братьям» неповиновение. Тогда, свергнув Руйнансьяна, они посадили на престол другого претендента из паганской линии — Сохнита. Паганский престол еще пользовался определенным авторитетом в Бирме (как, например, багдадский халифат во времена крестовых походов). На него находилось много охотников.

В 1300 году к Пагану направился новый монгольский отряд. Вернее, экспедиция направлялась же к самому городу Пагану, а к Мьинсаингу — оплоту «братьев». Войска «братьев» не были способны противостоять монгольскому отряду в открытом бою и укрылись за стенами города. Осада продолжалась недолго. «Братья» предложили

⁴ Все три брата, если судить по надписям, были министрами Кансу III и владели каруинами. Поэтому, вернее всего, они были не шанами, а бирманскими аристократами.

монгольскому генералу взятку, чтобы тот покинул Бирму. Солдаты страдали от жаркого климата, от непривычной пищи, болезней. Монгольский генерал согласился принять «подарок» и отступил. Когда он вернулся домой, император приказал его казнить. Хубилай не любил генералов, принимавших подарки от врагов.

Этим эпизодом кончаются попытки монголов установить постоянный контроль над Паганом, хотя бы не непосредственный, а через послушных правителей. В 1303 году провинция Чень Мьен, образованная в Северной Бирме, была упразднена.

В Бирме наступил длительный период междоусобия и раскола. Паган понемногу был оставлен жителями. Еще через несколько десятков лет он стал мертвым городом. И только тысячи храмов и пагод Пагана напоминали среди запустения о его былом величии.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Царь и его подданные

Каруины и туики. Власть верховная. На царской службе. Армия. Социальная структура. Свобода не для каждого. Основа богатства. Строится храм. Пути торговые. Были ли деньги?

В предыдущих главах было рассказано о том, как возникли первые государства в Бирме, как пришли в Бирму племена мранма, предки современных бирманцев как росло, расширялось Паганское государство, как и почему оно погибло.

Но это еще далеко не все, что нужно знать о Пагане, чтобы представить, как могли возникнуть его храмы и пагоды. Настало время рассказать о том, как жило Паганское царство, кто правил им, какие отношения были между различными слоями паганского общества, как работали, каким богам поклонялись жители Пагана.

Глава, посвященная государственному и социальному устройству царства и его экономике, будет далеко не полной. Многие из того, что хотелось бы знать, еще известно. Хроники не обращали внимания на быт и общественный строй Пагана. Больше того, хронисты полагали, что с этой точки зрения в Паганском царстве было точно так же, как и в других современных царствах. Остаются надписи и данные археологических раскопок. Но и эти источники часто умалчивают о важных для нас сторонах жизни Пагана. Первые — потому, что их авторы были уверены, что Паганское царство простоит до конца света и потомки их будут отлично разбираться в тонкостях паганской действительности, а вторые еще не приняли должного размаха.

И все-таки уже известное достаточно существенно, чтобы можно было в общих чертах представить себе, каким было Паганское царство, как оно было устроено, как управлялось, на какие социальные категории разделялось его население, чем характеризовалось его сельское хозяйство, какие ремесла там были известны, какими товарами торговали паганские купцы...

Каруины и туики

Паганское государство было известно соседям под именем Тападеса (сухая, жаркая страна) или Тамбрадвипа (земля меди) (второе название встречается в надписи от 1285 года). Однако чаще всего Паганское государство называлось по имени его столицы — Пукамом или Аримадданапурой (по названию Пагана в религиозных текстах).

Сам город Паган никогда не называли столицей — «пран». Право называться столицей в Пагаиском государстве сохранялось за Промом, городом, расположенным в семи километрах от развалин столицы пью — Тарекитары. Пром быстро вырос в крупный город и порт на Иравади и, очевидно, по традиции, оставшейся со времен пью, сохранил за собой ранг столицы страны.

Паганское царство обладало весьма сложным административным устройством. Входявшие в него области были далеко не равнозначны и не равноправны. Паганское государство можно представить себе в виде ряда концентрических кругов.

Центром и экономической базой его были каруины. Одиннадцать из них находились в долине Чаусе, севернее Пагана. Восемь — неподалеку от этой долины, па берегах Иравади. Каруины принято называть «домом» бирманцев. Именно здесь поселились племена мранма, спустившись в долину Иравади в X веке. Первоначально каждый каруин был территорией одного рода бирманцев. Впоследствии они сохранили привилегированное положение в государстве. Все каруины обладали рядом общих черт. Это — районы интенсивного рисоводства. В них имелись развитые ирригационные системы, частично уже существовавшие к моменту прихода бирманцев, частично построенные бирманцами.

Несмотря на сравнительно незначительную территорию (немногим более тысячи квадратных километров) каруины сыграли решающую роль в развитии бирманской экономики и культуры. Особенно велика их роль была в XI веке, и не случайно, что Тилуин Ман, получивший поддержку каруинов, овладел всей Бирмой. Каруины были не только центром бирманского влияния, но и житницей страны. В истории Бирмы и после падения Пагана практически все объединительные походы вплоть до XVIII века исходили именно из долины Чаусе.

Население в каруинах было гуще, чем в других частях государства. По их землям протекают не пересыхающие летом речки, поля не страдают от засух. Кстати, во времена Пагана земля там стоила в двадцать раз дороже, чем в других районах.

Вокруг каруинов лежали области, называемые «туиками» (значение слова — «ограда» или «строение»). Туики представляли собой внешний по отношению к каруинам круг Паганского царства. Они были присоединены бирманцами в первой половине XI века.

Туики располагались обычно по берегам крупных рек, в основном в Средней Бирме. Население туиков было смешанным. В число туиков входил и Паган. Несколько туиков объединялось в «клий», или провинцию.

Земли, окружавшие туики и вошедшие в состав Паганского государства после 1044 года, называли «нуиннам» — завоеванная земля. Они были населены покоренными племенами и народами. В нуиннам входили монские города, а также порты дельты Иравади, через которые шла оживленная торговля с Индией и Цейлоном. Известно, что в те времена уже существовал порт Бассейн, где высадились войска с Цейлона во второй половине XII века, и порт Хенбуи, упоминание о котором есть в надписи Мьязеди.

Наконец, Паганское государство было окружено находившимися в вассальной зависимости горными племенами. Племена платили Пагану дань, и в горы под предлогом «успокоения» направлялись военные отряды «охотников за рабами».

В нуиннам и на границах стояли крепости и укрепленные города «мруи» (теперь это слово в бирманском языке превратилось в «мьо», что означает город или населенный пункт). Крепости были многочисленны, особенно вдоль восточной границы. Гарнизонную службу в них несли не только бирманские части, но и отряды, набираемые из горных племен.

Самой мелкой административной единицей в Паганском государстве были «рва» — деревни. Под этим термином понималась деревня и окружающие ее поля. В надписях упоминается более ста пятидесяти различных деревень. Разумеется, число их в Пагане было значительно большим. Рва обычно назывались по именам людей, по национальности ее обитателей («кала рва» — индийская деревня, «тинлуин рва» — монская деревня), по специальности ее жителей («пантхьян рва» — деревня каменщиков) и т. д. Бывали и деревни, населенные исключительно рабами, однако их число, очевидно, было невелико.

В городах наименьшей административной единицей был «арап» квартал. Например, в Пагане существовал «панпват арап» — квартал гончаров.

Власть верховная

Во главе Паганского государства стоял царь, власть которого была наследственной и, как утверждают надписи и хроники, абсолютной. Царь считался «воплощением Будды», «господином всех, хозяином всей воды земли» и т. д. Все сделки происходили только с согласия царя, наследника себе царь выбирал сам и т. д.

Интересно сравнить положение паганского царя с положением правителей в соседних странах. В Камбодже например, цари пользовались неограниченной властью: там царь не только господин всех и вся в государстве, он объединял в своем лице светскую и духовную власть и являлся воплощением Шивы.

Если мы обратимся к раннему средневековью Индии, то обнаружим там разделение власти на светскую и духовную, когда во главе государства обычно становился кшатрий, а брахманы зачастую не только обладали правом контроля над царем, но даже в ряде случаев могли смещать неугодного им правителя.

Положение царя в Паганском государстве было средним между абсолютной властью главы Камбоджи и ограниченным правлением индийских кшатриев. Несмотря на формальную абсолютность власти, паганский царь был вынужден считаться с родовой аристократией каруинов, с паганской знатью и с буддийским духовенством, особенно если учесть, что на практике монастыри в Пагане были во многом независимы от государства и эта независимость с ходом времени укреплялась. В то же время неизвестны случаи свержения с престола царя, неугодного буддийской верхушке.

Что касается обязанностей царя, то они официально заключались в первую очередь в заботе о земном благосостоянии своих подданных — из надписей видно, что царь, перечисляя свои обязанности, сводит их в основном к охране жителей и их имущества от набегов врага, а также к вершению правосудия.

Правитель Пагана обладал правом назначать себе наследника. Однако не всегда переход власти к следующему царю происходил гладко. У царей было множество жен и наложниц и, естественно, множество детей, десятки претендентов на престол, тайно или явно оспаривающих выбор наследника. История паганской династии представляется сплошным клубком убийств и узурпации, редко кто из царей мирно вступал на престол, и далеко не все умирали естественной смертью — точнее, из четырнадцати известных царей Пагана лишь о двух можно сказать наверняка, что они не были убиты, и только в пяти случаях престол перешел к преемнику без междоусобной войны. Но все-таки чаще всего наследовал старший сын, хотя царь имел право передать власть другому человеку, как случилось, например, с Тилуин Маном, который передал престол Кансу I, не являвшемуся его сыном.

На царской службе

Государственный аппарат Паганского царства сложился в основном к концу XI века, в период правления Тилуин Мана. На самой вершине административной лестницы стоял царь. Вслед за ним, ступенькой ниже, находились министры — «амат». Название это произошло, видимо, от санскритского слова «аматья» — именно так назывались в Индии первых веков министры и крупнейшие сановники государства. В царствование Натомья (XII век) мы встречаем упоминание о своего рода «Совете министров» из пяти человек, которые делили между собой обязанности главного министра (махасман), верховного главнокомандующего, верховного судьи, министра финансов и главного регистратора. Одновременно эти министры были и наместниками ключевых провинций. Например, махасман в царствование Клаквы (1235—1249) был наместником Северной Бирмы.

Министры могли приходиться родственниками царю. Один такой случай зарегистрирован в надписи царицы Со, где она говорит: «Мой муж — великий царь, сын мой — великий царь и внук мой — великий царь... Отец мой — министр Сулафирак, младший брат царицы Уи Чокпаи». Но подобный случай — исключение. В подавляющем большинстве министры и их родственники не были в родстве с правящим домом.

Очевидно, обязанности министров не были строго ограничены. Даже такая должность, как главнокомандующий, закреплялась за одним из них только на время военных действий. Судейские обязанности выполняли все министры. Каждый из них имел в своем распоряжении секретарей.

Труднее разобраться в функциях и взаимоотношениях других чиновников и должностных лиц, упоминающихся в надписях. Сами надписи дают мало материала, который мог бы помочь. Сравнение с более поздними названиями чиновников в той же Бирме не помогает, ибо с крушением Пагана рухнула вся административная система, а при новой, заменившей ее, употреблялись совсем другие определения для административных должностей.

Надписи обычно упоминают о тех или иных чиновниках и должностных лицах в качестве свидетелей сделок или участников этих сделок. Но для составителя надписи само собой разумелось, чем занимался тот или иной чиновник, современный же исследователь оказывается в трудном положении. Все-таки, если свести воедино все, что известно о паганских чиновниках, можно сделать некоторые выводы.

Чаще всего встречается название чиновника — «сукри». Это слово может употребляться отдельно и в сочетании со словом «рва» — деревня. «Рва-сукри» был ответствен за сбор налогов в своей деревне и на землях вокруг. Известно сочетание «туик-сукри», то есть сукри, управляющий или ведающий туиком, и, наконец, в одном случае царица называет себя «клий-сукри» — то есть сукри провинции. Кроме того, мы встречаем сукри и на менее ответственных постах, например «ки-сукри» — управляющий житницей, «туин-сукри» — межевой чиновник и т. д.

Вернее всего, сукри — административная должность в Паганском государстве, обозначающая «правитель» или «управитель» и относящаяся к различным степеням власти, от губернатора провинции до старосты деревни, начальника житницы и т. д.

Должность сукри в отдельных случаях могла передаваться по наследству. Сукри, особенно рва-сукри в каруинах, — обычно очень важная персона. Почти каждый из них в добавление к имени имеет ряд титулов, указывающих на образованность и знатность. Сукри могли быть и женщины, которые пользовались в Пагане почти такими же правами, как мужчины, и занимали порой весьма высокие административные должности.

В надписях часто встречается упоминание о двух других категориях чиновников — калан и сампьян (или сампьян). Это были в основном крупные чиновники, и Они располагались на государственной лестнице чуть ниже министров. В отличие от сукри калан и сампьян не управляли какой-либо территорией.

Калан и сампьян зачастую выполняли функции судей. В одной надписи говорится о том, что царь посылает трех сампьян для разбора дела и те выносят свой вердикт. В другой — сампьян направлен для выполнения царского приказа о проверке решения суда.

Звания сампьян и калан употреблялись не только по отношению к бирманским чиновникам. Гарнизонную службу в Паганском царстве часто несли представители покоренных племен, и среди них мы встречаем те же должности. В одной из надписей говорится: «Сокро, несущие гарнизонную службу в Чиптоне, утверждали, что эта земля их. Тогда два министра, Сатуранкапуил и Асалапхарак, взяли всех калан и сампьян сокро, которые стояли гарнизоном в Чиптоне, и пришли в монастырь...»

В каруинах были также чиновники, называемые «кумтхам» и «кумкей». Это чиновники весьма высокого разряда, имеющие длинные титулы. Они порой родственники министров или даже царской семьи, о чем сообщают в своих надписях. Нигде за

пределами каруинов такие звания не встречаются. Не исключена возможность, что кумтхам и кумкей — представители знати каруинов.

В Пагане было хорошо развито судопроизводство и существовал аппарат судейских чиновников. Судьи делились на специалистов по гражданским и уголовным делам. Обязанности судей были довольно широки, и возможно, что они также выступали свидетелями при переходе земель из рук в руки и установлении межевых столбов. Однако часто разбором дел (особенно гражданских) занимались чиновники «общего профиля» — сампьян, калан и сукри.

В судах были и чиновники низшего класса — писцы, регистраторы и т. д. В ряде случаев дела рассматривал не один судья, а несколько — три, четыре, до шести судей. Среди судей встречались монахи. Были судьи-женщины.

В надписях есть упоминания и о финансовых чиновниках. Обязанности их довольно разнообразны. Если в одной надписи они выплачивают от имени министров деньги за купленную землю, то в другой — финансовый чиновник приезжает с приказом взыскать плату за землю в Проме. К концу Паганского периода, с развитием частной земельной собственности, появляется множество различных чиновников, связанных с установлением межевых столбов, имена которых встречаются в надписях или сделках по продаже или пожертвованию земли.

Помимо сукри, собиравших налоги в своих рва и туиках, существовали специальные налоговые чиновники. Упоминания о них в надписях очень редки и случайны, ведь по своей специфике надписи не имели дела с уплатой налогов.

В заключение рассказа о чиновниках Пагана можно вкратце остановиться на царском окружении, на чиновниках царского двора и придворных. При паганском дворе существовало понятие «внутренний круг». Он включал в себя придворную знать. Попасть в него, очевидно, было пределом мечтаний. Одна из дарительниц с большой гордостью объявляет в надписи о своей принадлежности к нему.

При дворе находилось множество придворных дам, которые делились на различные разряды и были «прикреплены» в зависимости от звания к царю, царице или их родственникам. Известны некоторые другие приборные должности, а именно веерничие (яптосан), писари (сатокхи), а также музыканты, астрологи и т. д.

Об армии Пагана известно немного. Значение ее особенно велико было в первый период, период захватов и войн. В надписях того времени большое место занимают дары военачальников церкви. Однако надписи раннего периода весьма немногочисленны и сухи. Кроме списка рабов и пожертвований, они не дают никаких сведений. Тогда же, когда надписи стали длиннее и подробнее роль армии уменьшилась и имена военачальников из надписей почти пропадают. Однако известно, что в период войны паганский царь назначал главнокомандующего из числа министров или своих родственников и после окончания кампании полководцы возвращались к своим прямым обязанностям. Кадровыми в армии были офицеры. Армия делилась на пехоту, конницу и слоновую кавалерию, которая базировалась в земле Каду. О роли слонов в паганской армии мы знаем из рассказа Марко Поло.

Страна была окружена сторожевыми крепостями. Например в первой половине XIII века была построена на северной границе крепость Конкан. Известна Тала-мруи — крепость на юге страны, один из пунктов контроля над монами. Существовали и многие другие крепости. Интересно, что из описания крепостей можно судить о политике паганского правительства. Например, известно что в крепости Чиптон (к северо-востоку от Чаусе) стоячи гарнизоном солдаты из племени сокро, покоренного бирманцами. Само же племя продолжало жить на юге страны. Бирманцы использовали покоренные племена друг против друга, тем самым обеспечивая верность гарнизонов. Гарнизон крепости Чиптон стоял в крепости долго. Солдаты обзаводились землей, скотом и даже вели процесс с местным монастырем за обладание землей, о чем поведали потомкам в надписи.

Социальная структура

Паганским государством правил царь, опирающийся на развитый государственный аппарат, который состоял из его родственников, многочисленных светских и духовных вельмож, «внутреннего круга», а также чиновников. В число свободных подданных Пагана входили как чиновники, так и купцы, ростовщики, многочисленная армия монашества различных толков, ремесленники и, наконец, свободные земледельцы «асан». Низший слой паганского средневекового общества состоял из «чван». В трудах по истории Пагана слово «чван» переводится без оговорок как «раб». Однако это не всегда было так. Положение различных типов чван было настолько разным, что не всех их можно безоговорочно считать рабами.

Деление общества на две основные группы — свободных и лично зависимых — не вполне совпадало с делением его на эксплуататоров и эксплуатируемых. Положение свободного крестьянина или ремесленника зачастую немногим отличалось от положения чван.

Социальные категории паганского общества были довольно четко определены, и крестьянин почти никогда не становился чиновником или министром, а чван весьма редко мог откупиться и стать вольным. Но все-таки структура общества не была стабильной. Общество было еще сравнительно молодым, и права свободных крестьян и ремесленников формально не ограничивались официальными запретами или религиозным законодательством. Считалось, что все свободные равны перед законом, а чван, внося за свое освобождение установленную сумму, становился равноправным гражданином паганского общества.

В Паганском государстве еще сохранились пережитки родо-племенных отношений. Они выражались в том, что в Пагане существовало так называемое обычное право — решения судей диктовались чаще обычаями племени мранма, чем кодексами, разработанными учеными законниками. Обычное право поддерживалось наличием в центре паганской державы каруинов, в которых родо-племенные законы тщательно оберегались и поддерживались старой знатью.

Постепенно эта знать смешивалась с вельможами Пагана — и создавалась аристократия Паганского царства, верхушка общества.

Но паганское общество просуществовало сравнительно недолго и притом все время находилось в движении. За двести пятьдесят лет бирманцы прошли путь от родо-племенных союзов каруинов до сложного иерархического государства, и, разумеется, Паган 1044 года мало чем походил на Паган конца XIII века.

Трудно, да и нет смысла рассказывать здесь о всех изменениях, которые происходили в жизни Пагана в течение этих лет. Поэтому мы расскажем о паганском обществе периода его расцвета.

Давайте же спустимся по ступенькам социальной лестницы Пагана — от царя до раба, чтобы иметь представление о взаимоотношениях его жителей.

К сожалению, нельзя с уверенностью говорить о том, где и когда сформировалась паганская аристократия. К тому времени, когда в Пагане появляются весьма обширные надписи, авторы которых «высекают в камне» свои чувства и, если так можно выразиться, основы мировоззрения, оказывается, что в Пагане уже существует аристократия и не только существует, но и обладает четко выраженным самосознанием.

Паганская аристократия не упускала случая подчеркнуть свою знатность. Например, одна из знатных дам пишет в надписи: «Я жена господина Гангасу, женщина высокого происхождения, не имею никаких изъянов в семи поколениях моих предков как со стороны матери, так и со стороны отца». Эта надпись относится ко второй половине Паганского периода, однако в ней есть явный намек на то, что паганская аристократия зародилась еще до основания Паганского государства, ибо она говорит о семи поколениях знатных предков.

Головку аристократии составляли бесчисленные родственники царя. У правителя Пагана было обычно несколько жен и множество наложниц. Среди жен существовала четкая градация. Главной из цариц считалась «тонпхлан сан», царица Южного дворца. За ней шла Царица Северного дворца, затем царица Изумрудного озера, царица Бамбука и т. д.

Царицы и их родственники, царские наложницы и родня царя (оставшаяся в живых после очередной вспышки борьбы за престол), министры и родственники министров, высшие чиновники и верхушка буддийской церкви — вот сравнительно малочисленная группа людей, правивших страной.

К аристократии и бюрократической верхушке примыкали средние и мелкие чиновники — судьи, сборщики налогов, межевые чиновники, а также кадровое офицерство. Многие находились, по-видимому, на содержании казны, другие получали за свою службу землю.

Когда мы говорим об эксплуататорских слоях паганского общества, нельзя забывать торговцев, банкиров (тагаджи) и ростовщиков (понса). Имена их встречаются в основном во второй половине Паганского периода когда торговцы становятся настолько богаты и могущественны, что позволяют себе дарить монастырям земли, рабов и скот, причем в масштабах дарений оставляют позади самого царя.

Банкиры и ростовщики были людьми незнатными, рядом с их именами в надписях не встретишь титулов, указывающих на благородное происхождение или ученость. Некоторые из них, судя по именам, не бирманцы, а индийцы, кхмеры, моны.

Люди же, которые создавали богатства Пагана, работали в его мастерских, рудниках, на полях, почти не оставили надписей. У них не было возможности дарить земли или строить пагоды. Но о них, в первую очередь о ремесленниках Паганского царства, часто говорится в надписях, оставленных аристократами и банкирами. Когда министр строит пагоду, он пишет в надписи, сколько он заплатил каменщику или резчику по дереву, сколько отдал ювелиру и скульптору, чем кормил водоносов и кровельщиков. Эти надписи — богатый источник сведений о низших слоях паганского общества.

Количество профессий, упомянутых в надписях, очень велико. К ремесленникам относились и каменщики, и каменотесы, и ювелиры, и литейщики, и чеканщики, и плотники, и многие другие. Ремесленники в Пагане жили в специальных кварталах. Был квартал ювелиров, квартал литейщиков, квартал кузнецов. Не исключено, что ремесленники объединялись в профессиональные цехи.

Упомянуты в надписях и профессии, связанные с обслуживанием паганской верхушки, — это врачи, музыканты, художники, повара, парикмахеры и т. д.

Эти категории свободных получали за свой труд вознаграждение чаще всего натурой — рисом, тканями и, в редких случаях, серебром.

Основным слоем свободного населения Пагана были вольные земледельцы — «асан». Надписи упоминают о них крайне редко. Земледельцы не имели возможности сделать дара церкви и редко вступали в процессы и тяжбы. Обычно в ходе процесса деревню представляли сукри. Помимо части урожая, которую асан должны были сдавать в казну, их использовали на различных работах, в первую очередь на строительстве больших храмов и пагод. Очевидно, в паганской деревне существовала сельская община, потому что в надписях о сделках, в которых принимали участие крестьяне, говорится, что такая-то земля «принадлежит асан деревни такой-то». То есть деревня выступает как единое целое.

Свобода не для каждого

Чван, или несвободные, делились на две категории. Первая — чван, принадлежавшие церкви, за которыми в хрониках укрепилось название «пагодные рабы». Оттуда оно перекочевало в работы историков. Вторая категория чван — несвободные,

находившиеся во владении частных лиц. Они были заняты в основном в домашнем хозяйстве.

Главным источником поступления чван были: захват военнопленных, грабительские избеги на окрестные горные племена, долговое рабство и покупка рабов, в основном из Индии. Пагодные чван выходили как из этих разрядов (через дарение церкви), так и путем дачи в пагодные чван свободных людей.

Между прочим, последний обычай представляет собой одну из интереснейших черт паганского социального строя. Обратимся к хроникам и надписям.

...Царь монов Макута после поражения в войне с Анирудой был привезен в Паган и провел там несколько лет на положении почетного пленника. Родственники Макуты, а также часть монской знати тоже жили в Пагане.

Макута построил внушительный храм и посвятил его церкви, подарил церкви поля и множество чван, соорудил три громадные статуи Будды и даже продал свои рубины для того, чтобы завершить строительство храма.

Внезапно царь Анируда, как гласят хроники, «чтобы лишить Мануху (Макуту) волшебной силы, приказал накормить его с блюда, посвященного пагоде. Мануха съел и тотчас пропало светящееся колесо над головой — символ царской власти». Другими словами, Макута был посвящен пагоде, что лишало его свободы и возможности вернуть престол.

Существует достоверное упоминание в эпитафике том, что паганский царь отдал в пагодные чван своего сына. Надпись около пагоды Лемьетна в Пагане гласит, что знатная женщина Уи Лья Куив из благочестия посвятила в пагодные рабы себя и своего сына.

Не правда ли, странный обычай? Пленный царь, принц, знатная дама становятся рабами пагод, причем последнем случае по собственной воле. Очевидно, становясь пагодным рабом, человек, хоть и лишался формально свободы, не всегда лишался всех прав.

Вот еще одна надпись: в ней говорится о пожертвовании тридцати четырех чван и пяти пеев⁵ земли махатерой Чаусе⁶ одному из монастырей. Подобная сделка должна была получить одобрение царя. Махатера обратился к царю за благословением дара. «Великий царь, говорится далее в надписи, — был рад и сказал: „Трех родственников махатеры я тоже присоединю к этому дару“. И он, войдя в царский дворец, посвятил этих трех в чван, окропив их святой водой. И затем царь сказал: "Рахана сына ювелира, который сделал для меня серьги, я тоже желаю спасти от греха". Царь, окропив святой водой всех четырех, присоединил их к дару».

Итак из надписи следует, что трех родственников высокого сановника церкви и сына человека, сделавшего царю серьги (можно, конечно, думать, что серьги были нехороши и царь затаил зло на несчастного ювелира), царь собственноручно посвятил в пагодные рабы. Очевидно, среди пагодных чван необходимо различать чван-рабов и людей, уходящих из мира, но не становящихся при этом ни монахами, ни рабами.

Пагодные рабы занимались в монастырях всеми делами, которые за пределами монастырей выполняли свободные. Они пахали землю, обслуживали монахов — кормили, одевали их, развлекали. А если учесть, что монастырей в Пагане было несколько сот, что они владели значительной частью земель государства, причем в самых плодородных районах, то создается уникальная картина средневекового общества, где существует «государство в государстве», опирающееся на труд несвободных. Но и за пределами монастырей чван было немало. Об объеме светского рабовладения можно судить до какой-то степени из надписи Швезигон, в которой царь Тилуин Ман говорит: «Пусть те, у кого еще нет своих чван, будут обладать множеством чван». Отсюда можно предположить: обладание чван было весьма обычным явлением.

⁵ 1 пей = 1,75 акра.

⁶ Махатера — высокий сан в буддийской иерархии Пагана.

В отчетах о строительстве пагод и храмов мы ни разу не встречаем упоминаний о чван, хотя в каждом отчете подробно учтено жалование строителям, скульпторам, малярам и т. д. Нет свидетельств в пользу того, что труд чван использовался при общественных работах или при работах крупного масштаба. И если в светской сфере чван использовались чаще в домашнем хозяйстве, в списках чван пагод встречаются дубли почти всех профессий, которые существовали среди свободных людей.

Большинство чван, встречающихся в надписях, судя по их именам, — бирманцы. Особенно велико их число в списках посвящений пагодам и монастырям. Например, в 1198 году Кансу II посвятил церкви сразу пятьсот рабов мранма (бирманцев) и пятьсот рабов кала (индийцев).

Бирманцы, вернее всего, попадали в рабство, запутавшись в долгах. Нам известно о некоем На Тине, который разорился в 1227 году и со всей семьей стал чван министра Анатасу. Существовал еще один источник поступления рабов-бирманцев. Во время смены правителей в Пагане обычно возникала вспышка междоусобной войны. После установления порядка предводителей заговора казнили, а рядовых исполнителей отдавали в чван.

Имена чван, купленных в Индии, отражают их происхождение, ибо среди имен встречаются как индоевропейские, так и тамильские. Некоторые имена указывают на то, что раб — уроженец острова Цейлон, кхмер или таи.

Другая крупная этническая группа среди чван — моны. Почти во всех надписях можно встретить имена монскими префиксами или указание на то, что тот или иной раб — тинлуин (мон). Процент монских чван надписях сохранялся приблизительно одинаковым за все время существования Паганского государства.

Что касается пью (тиркул), то чван этой национальности встречаются только в ранних списках рабов. Впоследствии число их резко уменьшается и сходит на нет. Часты упоминания среди рабов представителей окружающих племен, таких, как сак, канту и со.

Если говорить о специализации чван, то чаще всего; при посвящении, например монастырю, даритель писал, чем они будут заниматься. Обычно обязанности стандартны: «Все эти чван дарятся мной, дабы они могли обмывать руки и ступни монахов, доставать из колодца и приносить для них воду, готовить рис, подаренный верующими, чистить монастырь и убирать мусор».

Реже, обычно при больших посвящениях, монастырю передавались рабы самых различных специальностей. Среди них были земледельцы, пастухи, садовники, повара, рыбаки и даже охотники. Затем следовала категория ремесленников: плотники, каменщики, кузнецы, гончары, ткачи и т. д. И, наконец, в монастырях были чван-музыканты, в том числе барабанщики, цимбалисты, а также певцы и танцоры обоего пола.

Частные чван делились на слуг, носильщиков паланкинов, цирюльников, водоносов и т. д.

Существовала специальная категория «чван-то», что означало «рабы двора», непосредственная собственность царя. «Хроника Стеклянного дворца» сообщает, что во «внутреннем дворце было триста рабынь, работающих по хозяйству».

Чван являлся полной собственностью хозяина. Чван можно было передать по наследству, продать, купить. Цены на чван были обычны для средневекового Востока и не очень менялись в течение двухсот лет. Известен случай, когда тридцать чван были отданы за коня и шестьдесят шесть чван кала (индийцев) — за слона. Также один чван обменивался на лодку. Это значит, что паганское общество не испытывало нехватки в чван и процент их по отношению к свободному населению был довольно высок.

Чван имел право выкупить себя. Известно несколько случаев, когда чван откупались от хозяев.

Иногда чван наделяли землей. Принцесса Асо Лат, посвящая пагоде чван, дает им в кормление 1000 пеев земли. В другой надписи говорится о том, что каждый чван, будь он уборщиком, водоносом или музыкантом, получит по одному пеоу земли.

Семью рабов при продаже, очевидно, не делили. По крайней мере об этом в надписях не сообщается. Зато часты в них упоминания такого рода: «Рабами пагоды Лум Квот будут: На Квом Мран, жена его И Тун, старший брат, младший брат На Ку..., младший брат На Пха Ин, жена его И Лхок, дочь его И Сих». Или: «Все эти чван со своими семьями и родственниками».

Дети рабов становились рабами, и даже существовало слово «сапок», которое значило «раб, сын раба».

Владелец чван мог отпустить их на волю. Любопытная надпись, датированная 1270 годом, гласит: «Я не посвящаю чван церкви или монахам, я не оставляю их своему мужу, ребенку или родственникам. Пусть они служат мне, пока я жива. Когда я умру, пусть идут туда, где вода чистая и трава мягкая» (другими словами, на все четыре стороны).

Чван мог с согласия хозяина поступить в монахи. Поэтому среди чван встречаются раханы — монахи, и бикунни — монахини. Однако, покидая монастырь, чван возвращался в первоначальное положение.

Среди чван был довольно высок процент грамотных. Приписка «сатат» после имени, значащая «грамотный», встречается примерно после каждого десятого имени.

Все сказанное о чван не значит, что они мирились с подневольным положением. Вот что пишет бирманский историк То Сейн Ко: «Большинство каменных надписей со списками рабов разбиты пагодными рабами, которые желали уничтожить документы о своем происхождении. В некоторых случаях имя аккуратно выскоблено».

Списки рабов, выбитые на камнях, были довольно стойкими и надежными документами. Они не гнили, не рассыпались со временем, и хозяин всегда мог подтвердить документально, что чван принадлежит именно ему. Да и не только сам чван, но и жена его и дети.

И рабы бежали. Бежали, соскоблив тайком свое имя с каменного регистра, надеясь, что их не догонят. За ними снаряжали погоню, чаще всего их ловили, а иногда, даже избежав погони, пагодные рабы попадались через неделю снова. Именно через неделю. Дело в том, что во времена Пагана, да и в течение нескольких столетий после падения царства (пагодное рабство оказалось стойким и просуществовало в течение шестисот лет после Пагана) в Бирме бытовало суеверие, губившее беглых рабов. Заключалось оно вот в чем: рабы могли и должны съесть подношения, которые делали пагоде или монастырю верующие, — бананы, рис, овощи. И считало что, если раб в течение недели не притронется к пагодной пище, он заболит проказой. Когда истекала неделя со дня побега, раб забирался в какую-нибудь пагоду или монастырь и искал там дары верующих. Тут его и ловили, так как монахи отлично знали, кому может понадобится такая пища.

Основа богатства

Средневековая Бирма была страной сельскохозяйственной. Основой ее богатства и благополучия, как и сегодня, был рис.

Когда просматриваешь надписи Пагана, видишь, что каждая вторая так или иначе связана с рисом — то ли это сообщение о том, сколько корзин риса было выплачено строителям храма, то ли отчет о процессе, кому принадлежит то или иное рисовое поле, то ли перечень даров монастырю, среди которых почти обязательно встречается рис.

Рис был и основной пищей бирманцев, и эквивалентом денег, и главной статьей торговли. Не удивительно, что о рисе мы знаем больше, чем о всех других сельскохозяйственных культурах царства, вместе взятых.

Существовало несколько сортов риса. Например, «конкри», или большой рис, созревающий в декабре, «коклян», или малый рис, жатва которого падала на октябрь. Соответственно делились и поля, предназначенные для того или иного риса. Обычно

бирманцы снимали только один урожай в год. Это важно отметить, потому что сегодня в Бирме и других тропических странах стараются собрать ежегодно минимум два урожая.

Невысок был по нынешним меркам и урожай с гектара. Это можно подсчитать, обратившись к тем же надписям. Например, одна из них говорит, что с 3793 пеев земли монастырь ежегодно собирает 12 тысяч корзин риса. Значит, с акра собирали две-три корзины, или три-четыре центнера риса с гектара. Даже самые плодородные земли давали не больше восьми-десяти центнеров, это уже было своеобразным рекордом в Паганском царстве.

Главными рисоводческими районами всегда были каруины долины Чаусе. Там было много каналов и водохранилищ и поля не испытывали недостатка воды. Рис разводили также и в других местах долины Иравади, на юге, у монских городов.

В окрестностях Пагана риса было немного. Уж очень засушлив там климат и мало воды. Притоки Иравади в сухой сезон пересыхают. Только в наши дни неподалеку от Пагана сооружаются большие ирригационные системы. До этого же в тех краях разводились сезам, масличные пальмы, перец и другие культуры, которые хорошо переносят засуху.

Выращивались также овощи, бобовые, сезам и сахарный тростник. Китайские летописцы VIII века рассказывают, что на землях пью рос сахарный тростник в руку толщиной. Бирманцы любили огурцы — о них часто говорится в надписях — и сладкий картофель.

Наконец, в Пагане было много садов, расположенных по берегам рек или вокруг водохранилищ. Любимым фруктом в Пагане были плоды манго, и рощи могучих манговых деревьев были неотъемлемой принадлежностью любого города или деревни. Уже во времена Пагана бирманцы знали несколько сортов бананов, а также дуриана, папайи и мангустина. В качестве приправ употреблялись перец, чеснок и некоторые малоизвестные в Европе травы и растения.

О пшенице в надписях не говорится, но ячмень был отлично известен в Пагане. Под него отводили земли на холмах. Там же чаще всего выращивали масличные и арековые пальмы. Из сока последних гнали вино. На юге у океана росли рощи кокосовых пальм. Из числа культур, которые мы теперь называем техническими, бирманцы выращивали хлопок.

Землю обрабатывали сохой. Ее тянула пара быков или буйволов. Плуга бирманцы в Пагане, очевидно, не знали. По крайней мере в надписях о нем не говорится. Раз были буйволы и быки, значит было животноводство. Чаще всего быки использовались как средство транспорта и как тягловая сила. На них пахали, их запрягали в повозки. Кроме того, быков откармливали на мясо. Ни одна сделка, ни один дар не обходились без того, чтобы не зарезать быка, и стоимость пира — обязательная статья расходов по сделкам, судебным процессам и дарениям.

Любили в Пагане и молочные продукты. В надписях иногда говорится о пяти молочных блюдах, подаваемых к столу, — это свежее молоко, кислое молоко, сливки, масло и молочная рисовая каша.

Стада молочных коров были весьма велики. Из других домашних и прирученных животных чаще всего встречаются упоминания о лошадях и слонах. Лошадей в сельском хозяйстве почти не использовали — уж очень они дороги были. Профессор Люс подсчитал, что в надписях быки упоминаются более ста раз, в основном как тягловый скот, слоны — пятьдесят и как тягловая сила (на слонах даже иногда пахали) и как средство транспорта, в том числе военного, буйволы — двадцать и, наконец, лошади только пятнадцать раз. Лошадей ценили часто выше, чем слонов, и уж в десятки раз дороже, чем быков. За одну хорошую лошадь давали сто леев земли, тогда как слона можно было получить и за пятьдесят пеев. Бык же стоил всего-навсего шестнадцать корзин риса.

Как в прибрежных районах, так и в дельте Иравади и на реках было развито рыболовство. С юга в Паган привозили рыбный паштет — любимое кушанье бирманцев. Были рыбацкие деревни и на Иравади, и в списках чван нередко встречается как обозначение специальности — «рыбак».

В горах Пагана было много шахт, в которых добывали олово, драгоценные камни, в долине Иравади в глубоких узких колодцах черпали нефть первые бирманские нефтяники, в лесах шаны и карены рубили тиковые деревья, охотники приносили из джунглей дичь, слоновую кость, целебные рога носорогов...

Строится храм

Множество профессий было рождено в Пагане в связи с грандиозным размахом строительства. Храмы, монастыри, дворцы возводились десятками, сотнями, и сооружение каждого из них требовало и специалистов-строителей и художников различного рода. Нужны были рабочие, которые готовили строительные материалы, обжигали кирпич, жгли известь, добывали в карьере глину и песок, рубили лес и свозили все это в столицу. Те же, кто платил за строительство храма или монастыря, боялись, что их благочестие останется незамеченным богами или потомками, и потому они перечисляли в надписях, высеченных на камнях у монастырей и храмов, каждое ведро молока, каждую крупинку серебра, потраченные на оплату рабочих, их пропитание и одежду. Эти надписи теперь — бесценное пособие для историков, по ним можно достоверно судить о том, какие профессии были в Пагане, сколько получал скульптор или каменщик и даже что ели рабочие. Можно подсчитать, сколько кирпича или дерева пошло на сооружение храма, сколько подвод с песком и известью прибыло на строительную площадку, сколько времени продолжались работы и т. д.

Если не углубляться в детали, то вкратце о том, как проходило строительство, можно сказать следующее:

Вельможа, решивший подарить церкви монастырь или пагоду, нанимал несколько «артелей» — артель каменщиков, артель плотников... Вернее всего, такие артели представляли собой целые деревни, мужчины которых из поколения в поколение уходили на заработки в город. Когда в паганских надписях перечисляются деревни, часто встречаются названия вроде: «Деревня каменщиков», «Деревня плотников».

Рабочие на строительстве получали жилье, питание, одежду. Расплачивались с ними чаще всего натурой: рисом или материей. Только художники, скульпторы и другие квалифицированные мастера вознаграждались слитками серебра. Староста артели получал дополнительно подарок по окончании строительства — слона, дорогую одежду и т. д.

Так как рабочие трудились артелью, то и жалование они получали сразу на артель. В надписях так и пишется: «Дано каменщикам десять кусков ткани, сто корзин риса...» А уж староста, очевидно, делил заработанное между артельщиками.

После окончания строительства, как и после окончания любой сделки в Пагане, положено было устроить пир. Резали быка, варили много риса и выпивали немало вина... Расходы на такой пир дарители тоже всегда упоминают в надписях.

Но построить монастырь — еще не все. Следовало передать его монахам «идейно» оборудованным. Поэтому дарители нанимали писцов, и те переписывали длинные и сложные буддийские священные рукописи — питаки. Переписка порой стоила ненамного меньше, чем само строительство, и занимала долгое время.

Нет упоминаний о том, кому сколько уплачено, только у храмов, которые строились по приказанию царей. Вернее всего, такие храмы и пагоды воздвигались на основе трудовой повинности, и в их сооружении принимало участие множество людей. Ведь крупнейшие из храмов Пагана, как нам известно из надписей, были возведены за удивительно короткие сроки — в год, в полгода.

Пути торговые

Паганское государство протянулось с севера на юг на полторы тысячи километров, в него входили самые различные народы, отличавшиеся как по языку, обычаям, так и по уровню экономического развития. Но почти до самого конца Паганского периода, до второй половины XIII века, оно было объединено довольно сильной центральной властью. Губернаторы провинций обязаны были следить за тем, чтобы на дорогах страны путешественники чувствовали себя в безопасности, — и по рекам, по дорогам царства следовали многочисленные купеческие караваны. С севера, с гор везли в Паган драгоценные камни, золото, лес, с юга — олово, рыбу, ткани, центральные долины были поставщиками риса, сахара, масла... Торговые пути скрещивались в Пагане, разбегались во все концы государства и продолжались за его пределами — ведь Паган торговал со многими азиатскими странами.

Внешняя торговля шла через порты дельты Иравади, а также, по всей вероятности, по реке Чиндвин, в устье которой находился большой торговый город Камсин, и далее через перевалы Ассама и Манипура. Экспорт Пагана включал слонов, драгоценные камни, перец, ткани и т. д. Нет ни единого упоминания об экспорте риса. Вернее всего, его потребление ограничивалось внутренним рынком.

Торговля по морю велась на морских судах, которые в надписях называются «санпхо» и «кбан». Эти слова монского происхождения. Наверное, экипажи морских кораблей были тоже монскими, ведь паганские порты лежали в монских районах и жители их испокон веков были связаны с морем.

Разумеется, в Паганском царстве было много иностранных купцов. В самой столице существовали общины индийских, цейлонских, кхмерских торговцев — они строили там свои склады, храмы, дома, основывали конторы в монских городах, где не прекращалась оживленная торговая деятельность.

Особенно много торговцев жило в Пагане в XII—XIII веках. Чуть ли не каждая вторая надпись XIII составлена купцом, который дарит церкви рабов, строил монастыри, жертвует им рисовые поля и сады. Интересно, что ни один из купцов не говорит о своем знатном происхождении. Да и по именам их можно судить, что к паганской знати они не имели отношения. Они предпочитают называть себя «богатыми людьми», «банкирами», т. е. ростовщиками.

Ростовщичество превратилось к XII веку в бич Паганского государства. Ростовщики участвовали в многочисленных сделках, беря землю в залог, продавая ее в случае неуплаты долга, брали сказочные проценты и зачастую захватывали должников в рабство.

Были ли деньги?

В Паганском царстве велось громадное строительство, в нем было множество купцов, тысячи рабочих трудились на кирпичных заводах, в шахтах, на приисках, на лесоразработках. Сотни надписей рассказывают о продаже земли, рабов, садов, о спорах из-за наследства или неправильно поставленного межевого столба.

И в то же время в Пагане нет денег...

Это кажется странным. Ведь монетное обращение существовало еще в государстве пью и среди монов. Монеты пью можно увидеть в любом бирманском музее! Деньги были отлично известны в это время и в Индии, и в Китае, и в ряде государств Юго-Восточной Азии. И все-таки до сих пор не найдено ни одной паганской монеты.

Система натурального обмена не могла удовлетворить паганских купцов, и вырабатывались некоторые эквиваленты денег. Чаще всего эквивалентом служили рис или земля, с которой можно собрать столько-то корзин риса. Нередко в качестве денег фигурирует серебро и медь, их при сделках взвешивали.

Подсчитано, что чаще всего расчеты производились в единицах серебра, тикалах (кляп). Вес тикала равен примерно шести-семи граммам. Профессор Люс переводит слово «кляп» как «нечто сплющенное между двумя поверхностями». Если бы мы были уверены, что это именно так, то можно было бы говорить о кляпах как о своеобразных монетах. Но, насколько известно, археологи не нашли до сих пор ни одной такой «денежной единицы». Десять кляп составляли «буих», а сто — «пису». Иногда в надписях встречается упоминание о золоте и о меди. Серебро относилось по ценности к золоту как 1 : 12, а за один кляп золота давали 3,5 пису меди.

Иногда в надписях, в которых счет идет на кляпы, не говорится, кляп чего имеется в виду. Но нетрудно установить, что во всех этих случаях речь идет о серебре.

Рассказанное в этой главе позволяет утверждать, что Паган был большим, весьма сложным по устройству и экономике средневековым государством с разработанной системой управления, с развитыми ремеслами и торговлей. Именно это позволяет объяснить, как были построены его великолепные храмы. Остается нерешенным второй вопрос — почему они были построены? Что заставило бирманских царей отдавать столько сил строительству культовых сооружений? На этот вопрос можно ответить, только обратившись к идеологической основе Паганского царства, ознакомившись с тем, что представляла собой господствовавшая в стране религия.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Религия — буддизм

Буддизм приходит в Бирму. Плохи ли ари? Монастыри и монахи. Монастырские университеты. Рождение литературы. Скульпторы и художники.

Буддизм приходит в Бирму

Когда мы говорим о Пагане, то должны помнить, что буддизм, сложившийся именно в те годы в Бирме, просуществовал до сегодняшнего дня, не очень сильно изменившись, и сегодня он — господствующая религия в Бирме, где подавляющее большинство населения — буддисты.

Буддизм зародился две с половиной тысячи лет назад в Индии и, как большинство реформаторских религиозных течений, был вначале демократическим течением, религией обездоленных и бедных. Буддизм был реакцией на усложненную, непонятную подавляющему большинству населения Индии брахманскую религию, делящую людей на четко разграниченные варны, устанавливающую непробиваемые барьеры между различными сословиями.

Буддизм с самого начала признавал равенство всех перед небом, ранние проповедники его говорили на понятном языке, призывали к простоте, к примирению, уверяли, что независимо от того, нищий ты или царь, то можешь достичь вечного блаженства, если будешь чист в помыслах и поступках. Буддизм никогда не был революционером. Он звал к пассивности, заставлял верить карму — судьбу, в предопределенность будущего, учил отрешению от мирского, от желаний и страстей.

Два с половиной тысячелетия назад он охватил Индию, как пожар. Шествие его было победоносным и быстрым. Прошло несколько десятилетий после смерти Готамы — первого проповедника буддизма, и вот буддизм уже добрался до границ страны, перевалил через них. Цари и князья осознают силу буддизма, принимают его, корабли купцов развозят новое учение по всей Азии. Вот оно укореняется на Цейлоне, в Тибете, проникает в Китай, Японию, наконец, приходит в Бирму.

Хроники да и некоторые современные бирманские ученые (а большинство из них — буддисты) предпочитают утверждать, что буддизм пришел в Бирму еще при жизни

Готамы-будды. Существует легенда, которая кочует из книги в книгу, из хроники в хронику, о том, что два бирманских купца, Тапусса и Бхалика, привезли его тогда из Индии и он сразу в Бирме укоренился. Говорят хроники и о том, что сам Готама-будда не раз бывал в Бирме и лично распространял свое учение.

Еще большей популярностью пользуется другая легенда, рассказывающая, что в 235 году до нашей эры в Бирму прибыли по поручению индийского буддийского царя Ашоки два миссионера, Сона и Уттара, и они обратили в буддизм население страны.

Ашока и в самом деле посылал буддийские миссии в страны Востока. Но в надписях, оставленных им на этот счет, ни о какой Бирме не говорится. Ни в одном документе того времени как место, куда посылалась буддийская миссия, она не значится.

Впрочем, если бы даже такая миссия существовала, то ее деятельность и не могла оставить никакого следа в истории Бирмы хотя бы потому, что в III веке до нашей эры в Бирме не было еще ни бирманцев, ни монов, ни пью — ни одного из крупных народов, населявших ее впоследствии. Племена, жившие тогда на территории Бирмы, жили еще в бронзовом веке. К тому времени, когда в Бирме были созданы первые государства, буддизм в Индии перестает быть господствующей религией. Дробясь и приспосабливаясь к обстановке тех стран, куда ему удавалось проникнуть, впитывая в себя особенности местных верований и порой смешиваясь и сосуществуя с индуизмом, буддизм продолжает существовать и приобретать популярность за пределами Индии.

Многочисленные статуэтки, исполненные в стиле Гуптов и найденные при раскопках монских городов, позволяют утверждать, что проникновение буддизма в Бирму относится к первым векам нашей эры. Но с полной уверенностью можно говорить о широком распространении в Бирме буддизма начиная с V—VI веков. Именно этим временем ученые датируют золотые листы с надписями на языке пали, обнаруженные в столице пью — Тарекитаре. Пали стал тогда принятым языком священных текстов Хинаяны, и эти листы, как и другие находки в государстве пью, доказывают, что именно буддизм Хинаяна был в стране господствующей религией.

Буддистами были и моны, но в их городах буддизм сосуществовал с другими религиями, принесенными из Индии, и только позже он занял там господствующее положение.

В Тибете, Западном Китае и государстве Наньчжао — то есть в местах, по которым проходил путь миграции бирманцев, был распространен буддизм Махаяна. Разумеется, бирманцы были с ним знакомы.

Что же говорят бирманские хроники о судьбе религии после того, как в III веке до нашей эры Сона и Уттара обратили в буддизм обитателей Бирмы?

Плохи ли ари?

Хроники рассказывают о положении религии в допаганской Бирме следующее: к тому времени, когда на престол в Пагане вступил Анируда, буддизм в Бирме находился в полном упадке (когда это произошло — неизвестно). Виной тому ари — «лжесвятые», распутники и идолопоклонники. Всего их в Бирме насчитывалось 60 тысяч, и ими руководили тридцать главарей. Ари одевались в синие одежды. Анируда, добыв в Татоне священные книги, расправился с ари.

Многие ученые согласились с версией хроник. Буддизм в Бирме до прихода Анируды в Татон называют «дегенеративной религией» (Дюрузель), «тантрической сектой, практиковавшей в высшей степени аморальные обряды» (У Лу Пе Вин) и т. д. Итак, оказывается, усилия миссионеров Соны и Уттары пропали даром. От «чистого» буддизма и следа не осталось.

Обратимся же к действительности. Буддийское государство пью существовало до IX века. В то же время буддизм исповедовали жители монских городов. Говорить о полном исчезновении буддизма не приходится. Когда бирманцы пришли в долину

Иравади, они переняли у пью и монов не только основы их культуры, но и, разумеется, буддизм. Не исключено, что и среди самих мранма буддизм был также распространен, хотя и неизвестно, в какой форме.

В то же время ни в одной из ранних надписей Пагана нет ни слова ни о каких ари, не упоминаются тантрические церемонии и празднества, не говорится о борьбе с еретиками и уничтожении 60 тысяч монахов. Надписи упорно молчат о религиозных разногласиях в конце XI — начале XII века.

Завоевание монских государств усилило позиции монских монахов, дав им в руки богатую религиозную литературу. Но это не значит, что сторонники Хинаяны пользовались каким-нибудь особым расположением правителей. Буддизм в Пагане был не «чист» — он был перемешан с другими религиями, но ни жителей Пагана, ни царей его, ни даже самих буддийских монахов это не смущало.

Надпись об освящении дворца Тилуин Мана (конец XI века) дает возможность воссоздать картину религиозных церемоний в Пагане и сделать выводы об их характере. Основную роль в церемонии играли даже не буддийские монахи, а брахманы и астрологи. Монахи только освящали строительную площадку, читая там Паритту — ритуальную молитву буддистов. Перед началом крупного строительства возносилась молитва Вишну. Также приносились жертвы Индре. Большим уважением пользовалось шиваистское божество Гавампати — покровитель Татона. Больше того, изображение Гавампат помещалось рядом с изображением Будды. Объяснить подобное соседство нетрудно, если вспомнить, что Татон и другие монские города оказывали большое влияние на развитие культуры и идеологии Пагана, особенно на первых порах. Именно монахи принесли в Паган культ Гавампати. Параллельно с буддизмом Хинаяна и индуизмом первые паганские цари отдавали дань и культу змея Нага (эту «ересь» хроники приписывают ари). Надпись об освящении дворца давно известна исследователям. Однако, даже упоминая о ритуалах, многие историки предпочитают, как правило, не делать никаких выводов. Они обращаются к другой надписи Тилуин Мана, к надписи Швезигон, где царь, давая обещания своим подданным, говорит: «Пусть каждый, кто был еретиком, исправится». Эта надпись выдается за свидетельство преданности Тилуин Мана Хинаяне. Но достаточно посмотреть на следующую строфу ее, как видишь ясное объяснение подобного заявления царя, который близок с брахманами и поддерживает культ Нага: «Все брахманы, сведущие в ведах, пусть выполняют законы брахманов». Понятно, что для бирманцев паганских времен «еретический» не значило «небуддийский», а означало только расхождение с установками своей религии, будь она буддийской, брахманистской или какой бы то ни было другой. Если в Пагане и жили проповедники тантрических сект буддизма, то они тоже спокойно процветали там, так как выполняли требования своей религии. Сам царь Тилуин Ман считал себя воплощением Будды, и не вызывает никакого сомнения, что он относил себя к буддистам южного толка.

Религии свободно сосуществовали в Пагане и впоследствии, когда буддизм укрепил свои позиции.

К середине XII века буддийские монастыри уже обладали большими богатствами, огромным числом рабов и земельными угодьями. Монастыри переставали пользоваться авторитетом у той части монашества, которая желала возродить принципы, что проповедовал сам Будда, — бедность, воздержание и т. д. Среди монашества начались расколы.

Паганское государство было одним из основных центров буддизма в Азии. В Пагане функционировало несколько буддийских университетов, здесь находили убежище беглецы из стран, где буддизм был в упадке, бирманские короли посылали специальные миссии для ремонта и восстановления буддийских святынь в Индии (ремонт Бодхгаи) и т. д. Буддизм в Пагане становился многонациональным. Среди прибывших в страну монахов насчитывалось большое число аскетов, покинувших свои страны в поисках «настоящей веры».

Аскеты и ревнители «буквы» религии объединялись с недовольными внутри самого Пагана и уходили в леса для того, чтобы жить в бедности. Вряд ли официальная Церковь предпринимала какие-нибудь решительные меры против таких аскетов, ибо аскетизм не противоречит доктринам буддизма. На пали существует специальный термин «арранака» — «лесные братья», монахи-аскеты. Так называли и аскетов в Бирме (в бирманских текстах это слово встречается в сокращенной форме «аран»). Нетрудно представить себе дальнейшую эволюцию «лесных братьев» в Пагане. Какая-то часть населения, привлеченная проповедями аскетов, начинала приносить аскетам дары, и наступал момент, когда аскет получал землю и рабов для постройки монастыря. Уже в надписях XII века говорится о том, что «лесным братьям» — «аран» — делаются дары рабами, землей, рисом и т.д. «Аран» переставали удовлетворяться жизнью в лесу. Они даже построили большой монастырь рядом с самим Паганом. Делали им большие подношения и правители Пагана.

Количество «аран» возрастало, и в первой половине XIII века они уже были организованы и имели верховного главу. В надписях XIII века часто встречается упоминание о «тхере» — руководителе «аран», некоем Махакассапе. Впервые это имя встречается в 1225 году. Он — настоятель большого монастыря «лесных братьев» в Мьинбу. В 1223 году он организует лесной монастырь в пригороде Пагана, в Мьинанту, в 1236 году — в Пваза. В 1242 году мы встречаем его имя с титулом махатхера Чаусе. Махакассапа и его «аран» не только получали землю в дар, но и покупками округляли свои владения.

Естественно предположить, не есть ли «аран» те самые «ари» бирманских хроник, с которыми якобы боролся и победил их Анируда. Одним из первых, а может, и первым, кто выдвинул такое предположение, был бирманский историк Пе Маун Тин. В своей работе «Буддизм в надписях Пагана» он высказывает следующую мысль: «Если „аран“ были монахами „ари“, тогда мы присутствуем при интересном случае, когда „ари“ выдают себя за буддийских монахов, исполняя буддийскую обряды».

Ошибка Пе Маун Тина заключается в том, что «аран» (кстати, в некоторых хрониках «ари» называются «аран» тоже) и не надо было выдавать себя за буддистов. Они были ими на самом деле.

А вот что пишет профессор Тан Тун: «Может быть, возможно связать „аран“, „лесных людей“, скупавших земли, чтобы усилить свои позиции, употреблявших вино и евших мясо, с „аранами“ или „ари“, о которых так плохо говорят хроники. Бирма была не единственной страной, где в XIII—XIV веках были монахи „аран“. Надписи... говорят о существовании таких монахов в Сиаме (Сукотай)».

Почему же хроники так плохо относятся к ари? Причина заключается в том, что борьба ортодоксальной буддийской церкви с «аран» разгоралась в полную силу уже после Пагана, особенно в XV—XVI веках. К этому времени и относятся эдикты бирманских царей, которые поддерживали ортодоксальную церковь. Однако интересно отметить, что сведения об «аран» не полностью исчезают в XVI веке. Они существовали до XVIII века. В XVII веке бирманский царь включил в свою армию, которая отправлялась в поход на юг, отряд монахов «аран».

Монастыри и монахи

Структура буддийской церкви в Пагане, как и в других буддийских странах, определялась в основном спецификой буддийского вероучения. Надо помнить о том, что в буддизме в отличие от христианства нет священников, то есть специального разряда людей, которые обязаны проповедовать слово божье, совершать обряды, женить, крестить, хоронить верующих, следить за их поведением. В христианской религии верующие регулярно собираются в церквях, чтобы присутствовать при богослужении, монастыри же не принимают активного участия в «работе с населением».

В буддизме «священников» нет. Там все их обязанности выполняют монахи. Они, когда надо, читают на празднествах молитвы, совершают обряды. Нет в буддизме и церквей. К храмам, пагодам верующие приходят не на богослужение, а для размышлений или молитвы в одиночестве.

Когда в паганские времена надо было освятить строение, прочитать молитву, похоронить мертвого — вызывали монахов и за участие в церемонии платили им рисом, одеждой, драгоценностями. Иногда буддийские обряды производились в самих монастырях, в специальных помещениях.

У буддизма есть еще одно важное различие с другими религиями, в первую очередь с христианской. Уйти в монахи у христиан — значит навсегда порвать с миром, отрешиться от всего земного. Предпринять такой шаг может далеко не каждый. И никогда монахи в Европе не составляли большого процента населения.

Буддийский монастырь всегда можно покинуть, снова сменить одежду, жениться, заняться мирскими делами. В Паганском царстве за человеком, побывавшем в монастыре, сохранялся титул «скухамин» — мудрый ити «тхvak» — побывавший в монахах. Постригались в монахи и те, кто хотел получить образование, постригались часто и люди, не желавшие уходить на войну. Поэтому бирманские цари периодически старались уменьшить число монахов — им нужны были солдаты, а над монахами они были не властны. Впоследствии, очевидно уже после гибели Пагана, в Бирме распространился обычай, по которому каждый мужчина обязан был хотя бы несколько дней в своей жизни провести в монастыре.

В Пагане в монастырь мог поступить каждый свободный, если он достиг двадцати лет, здоров и не имеет видимых изъянов. В монастырь могли поступать и женщины, некоторые из них дослуживались до звания «ученой», «достопочтенной». Иногда, если разрешал хозяин, в монастырь мог поступить и чван (если он покидал монастырь, то возвращался в рабство).

Монахов в Пагане было очень много. Количество их исчислялось десятками и даже сотнями тысяч. Уже при освящении дворца Тилуин Мана в конце XI века на церемонии присутствовало 4108 монахов. А это, разумеется, только малая часть всего монашества. А если учесть, что буддийский монах не имеет права трудиться и обязан жить только добровольными подаяниями верующих, а в Паганский период также трудом пагодных рабов, то понятно станет, какой большой процент здоровых мужчин не участвовал в жизни государства.

Монастырей в Пагане было множество, каждый блюл свои интересы, и не всегда они выступали как организованная церковь. Возможно даже, что церковь в Пагане и не представляла собой никакой оформленной системы.

Если мы знаем, что Шин Арахан, монский монах, пришедший ко двору Анируды и проживший в Пагане Долгую жизнь, считался духовным главой всех паганских буддистов, то кто был его преемником, неизвестно. После смерти Шин Арахана, как говорят хроники, царь назначил на его место другого монаха. Но ни в одной из сотен паганских надписей нет упоминания о главе церкви. Если бы такой человек существовал, то наверняка его имя встретилось бы в надписях в связи с каким-нибудь процессом, церемонией, даром. Ведь мы по несколько раз сталкиваемся с именами крупных деятелей буддизма в Пагане — настоятелями монастырей, руководителями сект и т. д.

Пожалуй, наиболее уважаемыми монахами в Пагане были раджагуру (гуру царей) — наставники правителя государства. Но у царя могло быть несколько гуру помимо них — манчрья, что переводится тоже как «учитель царя». Иногда в надписи встречаются имена и гуру и манчрья сразу.

Кроме гуру в Пагане всегда было несколько монахов, к именам которых прибавляли слово «тхера» или «махатхера». Тхера — это настоятель монастыря, старший среди монахов. «Махатхера» ученые переводят обычно как епископ или архиепископ,

хотя такой перевод весьма условен. Это скорее обозначение для монаха, пользующегося большим влиянием среди своих братьев.

Махатхерой называли и предводителя «аран» Махакассапу, а также его современника, некоего Винендхуира (очевидно, исковерканное индийское «винаядхара» — знаток Винаи, книги канона пали, имеющей отношение к правилам поведения и жизни монашества). Мы знаем из надписей, что Винендхуир — известный тхера, один из вождей ортодоксальных монахов, связанный в своей деятельности с Цейлоном. Время его жизни приблизительно совпадает с временем жизни Махакассапы, вернее всего, они стояли во главе двух основных направлений в буддийской церкви. Но ни Винендхуир, ни Махакассапа не имели никакого специального титула, отличающего их от остальных махатхера и тхера, которые в то же самое время жили в Пагане. Очевидно, иерархия буддийской церкви в Пагане не была еще подробно разработана. Возможно также, что каждый монастырь был самостоятельной единицей и объединялись они авторитетом того или иного церковного деятеля.

Но уже сам монастырь представлял собой стройную организацию. Во главе его стоял «тхера» или «санкри». Иногда его называют «сангха тхера», то есть «старейший над сангхой», над монахами. Основная часть монахов называлась «рахан» — «находящиеся на пути к истине». Ступенькой ниже стояли «тапаса» — послушники (это слово в паганские времена могло иметь также значение «подмастерье»).

Кроме монахов в монастыре жили мирские люди, которые должны были помогать монахам, особенно в тех случаях, когда это касалось деятельности за стенами монастыря. Они представляли монастыри на процессах или действовали как агенты при покупках.

Монастырские университеты

Паган был известен как центр образования во всей Азии. Туда приезжали учиться из Индии, с Цейлона, из стран Юго-Восточной Азии. В самом же Пагане образование и науки концентрировались в монастырях. Подобное явление можно было наблюдать в любой средневековой стране. В те времена никто и не мыслил себе другой возможности учиться и учить. В монастырских школах дети постигали грамоту, а обучавшие их монахи и были первыми бирманскими учеными. До самого последнего времени подавляющее большинство бирманских детей получало образование в монастырских школах. Поскольку монастырей было очень много, большой процент мужчин и женщин Паганского царства так или иначе сталкивался с монастырями или в качестве монаха, или в качестве обслуживающего персонала. Даже среди чван насчитывается примерно десять процентов грамотных, а среди свободных этот процент был куда выше.

Молодые люди, поступающие в монастырскую школу, назывались «касан». Известно несколько монастырей «касан-туик», то есть монастырей-школ или монастырей-университетов. И если в некоторых монастырях было всего по двадцати-тридцати учеников, то сохранились руины «касан-туиков» с двадцатью и больше строениями, предназначенными для студентов. В таких монастырях одновременно жили и учились несколько сот «касан».

Каждый свободный бирманец старался отдать детей в монастырскую школу — грамотность и ученость высоко ценились в Паганском царстве. Родители учеников, а иногда и сами ученики, если они были взрослыми и самостоятельными людьми, вручали монастырю дары, и дары эти обычно превышали расходы на содержание и обучение «студентов». Завершив образование, «студенты» чаще всего покидали монастырь и возвращались домой.

Известно, что в монастырских школах касан писали на пальмовых листах карандашами из мыльного камня. Иногда писали и на бумаге, как привозной, так и изготовлявшейся в Пагане. В каждом классе стояла черная доска, и дотошные дарители,

перечисляя свои расходы на монастыри, не забывают указать, сколько палочек мела они пожертвовали для классных комнат.

К сожалению, не сохранилось ни одной рукописи на пальмовом листе, ни одного клочка бумаги. Погибли не только студенческие тетрадки, но и куда более важные для науки труды бирманских ученых и писателей паганского времени. И все-таки из надписей известно, какие предметы преподавались в монастырских школах.

Грамоту учили как по буддийским священным текстам, которые заучивали наизусть, так и по специальным учебникам, букварям, грамматикам. Но учебников было очень мало — ведь переписка каждого стоила больших денег. Ученики должны были хорошо разбираться в тонкостях буддийского вероучения, в буддийской схоластике. По названиям книг, пожертвованных монастырям богатыми бирманцами, можно видеть, что ученики заучивали помимо питак, основных буддийских трудов, также Махавамсу, Анагатавамсу и другие весьма сложные комментарии к буддийскому канону и исторические сочинения. Очень часто в надписях встречается упоминание о книге Винайя — монастырском уставе.

Из светских наук в монастырях изучались начала медицины, математики, астрономии и особенно предтеча астрономии — астрология. Каждый бирманец, родившись, получал гороскоп с указанием благоприятного сочетания звезд, счастливых и несчастных дней и т. д. Он не расставался с ним всю жизнь. Астрологами были в первую очередь монахи.

Помимо наук касан занимались музыкой и пением.

Уже в XI—XII веках в монастырях были написаны первые бирманские хроники, которые, как и все другие труды, запечатленные на пальмовых листах, погибли. Но хроники все время дописывались и переписывались в монастырях. И потому-то в хрониках, что дошли до нас, содержится столько достоверных сведений о жизни Пагана, вплоть до точных дат правления паганских царей. В монастырях же были созданы первые бирманские кодексы, определявшие степень наказания за то или иное преступление, указывавшие, как разрешать споры о владении землей и рабами.

Но больше всего в монастырях было написано философских произведений, комментариев к питакам, схоластических трудов, и некоторые из них, многократно переписанные и изменявшиеся, дошли до наших дней. Несомненно, что именно в монастырях зарождалась и бирманская литература.

Рождение литературы

В первые годы Паганского царства надписи составлялись на языке пали или на монском языке, имевшем к тому времени развитую письменность.

Первым документом, написанным на бирманском языке и дошедшим до нас, можно считать уже упоминавшуюся четырехязычную надпись Мьязеди, или надпись Раджкумара, сына Тилуин Мана, датируемую годом смерти Тилуин Мана (1113). Четыре языка, выбранные Раджкумаром — монский, пью, пели и бирманский, говорят о том, что именно эти языки были основными в древнем Пагане в начале XII века. Из них язык пали — язык религиозных текстов и надписей; язык пью, народа, к которому бирманцы продолжают относиться с уважением, — язык предшественников бирманцев в Пагане; монский — язык Южной Бирмы; бирманский — язык, входивший в силу. То, что наряду с тремя древними языками, имеющими письменность, употреблялся и бирманский, говорит о том, что нормы бирманской письменности уже были разработаны до такой степени, что с ее помощью можно было составить длинную надпись, что к тому времени бирманская письменность уже имела определенные традиции и опыт.

В период между 1113 и 1173 годами известны шесть надписей на бирманском языке. После этого число их резко возрастает, и вскоре они становятся преобладающими в Пагане, вытесняя в XIII веке надписи на всех других языках.

В надписях начала XII века встречается по несколько написаний одного и того же слова — еще не сложилось закрепленное правилами правописание и писец передает звучание слова так, как он считает подходящим. Слова пишутся то слитно, то раздельно. Даже самые обычные слова имеют по несколько вариантов. Например, слово «дом» пишется как «им», «имм», или «ним» (звучание весьма приблизительное, потому что в русском написании невозможно точно передать тона бирманского языка); «награда» — «чу», «чуо»; «закон» — «тарья», «такрья». Да и каждая буква в разных надписях изображается по-разному. Чтение надписей очень усложняется подобным разнописанием.

К XIII веку вырабатываются правила письма. Начинает развиваться бирманский литературный язык.

Первые паганские надписи очень лаконичны и сухи. Они сообщают только факты без какой-либо эмоциональной окраски. В этом отношении бирманские надписи далеко уступают надписям на монском языке. Вот пример бирманской надписи начала Паганского периода. Знатная бирманка Уи Кло Сан пишет о своем даре монастырю:

«Я построила монастырь и пожертвовала два набора монашеской одежды, дерево желаний и корову. Пока я существую в этой цепи жизни, я не хочу несчастья, равного аду. Пусть будут выполнены мои желания. Я желаю нирваны в конце цепи моих жизней. Пусть все, кто работает на строительстве, разделят со мной заслугу. Мои средства малы. Мои желания велики».

Предложения в этой надписи, типичной для ранне-бирманских памятников, весьма коротки, конкретны и лишены выразительности.

Однако проходит менее ста лет — и стиль надписей Пагана изменяется. К XIII веку на бирманский язык уже переведены почти все основные буддийские труды, для передачи сложного философского и теологического содержания которых требуется богатая лексика. В многочисленных монастырях-университетах обучаются молодые бирманцы и, естественно, знакомятся с богатствами буддийской литературы, которая включает в себя помимо чисто философских работ такие народные, литературные по своему духу произведения, как буддийские притчи — джатаки (тоже к тому времени переведенные на бирманский язык).

Надписи расширяют свою тематику. В них мы уже встречаем отчеты о судебных процессах, религиозные тексты, царские эдикты или описания несчастий, которые ожидают того, кто посмеет потревожить межевые столбы. Надписи уже не ограничиваются простым перечислением дарений. В них находится место и для отвлеченных рассуждений. Вот надпись жены некоего Ганга-су (середина XIII века):

«Если кто из моих родственников или из родственников царя, из чужих или монахов, мужчин или женщин, украдет или нарушит неприкосновенность хотя бы одного чван или пея земли из тех чван и земли, что я пожертвовала,— пусть пропадет его слава и сократятся дни его жизни. Пусть упадет на него гнев царя. Пусть подвергнется он опасности от огня и воды, нападению слона, коня, змеи, леопарда, тигра, пусть поразит его болезнь, от которой не знают средств врачи, пусть внезапно умрет он, выплевывая сгустки крови. Пусть топор молнии разрубит его».

Стиль полностью изменился. Надпись богата метафорами, гиперболами, предложения длинны, сложны и отточенны. Так идет процесс зарождения литературы. Уже можно говорить о бирманском литературном языке.

Среди надписей конца Паганского периода встречаются произведения, которые явно относятся к разряду поэтических. Вот что пишет госпожа Амана (1266 год):

«Я желаю покинуть это тело, угнетенное бесконечными страданиями:
страданием рождения,
страданием старости и смерти,
страданием разлуки с теми, кого мы любим,
страданием жизни с теми кого мы не любим,
страданием желания иметь что-либо и невозможностью это иметь».

В этой надписи уже угадываются те вершины поэзии, которые будут достигнуты в Бирме в XV—XVII веках.

К сожалению, основным материалом для письма в Пагане были, как уже говорилось, пальмовые листья, которые не сохранились до наших дней. Кто знает — сколько литературных памятников паганского времени потеряны для человечества в пожарах и войнах.

Скульпторы и художники

Еще больше, чем литература, в Паганском царстве было поставлено на службу религии искусство. Статуи воздвигались только в храмах и у пагод, живописцы расписывали фресками храмовые залы. Даже украшения дворцов и жилых домов были по своим сюжетам связаны с буддизмом.

И вот, работая в узких рамках религиозных сюжетов и канонов, паганские художники и скульпторы создавал замечательные произведения искусства, вкладывали религиозную оболочку свое видение мира, традиции и родного искусства.

Когда сравниваешь сегодня скульптуру и живописец Пагана, видишь, как по-разному сложилась в Пагане судьба этих двух видов искусства.

Скульптур в Пагане великое множество. Бесконечные статуи будд, от миниатюрных, размером с палец, до громадных исполинов. Помимо статуй будд всюду встречаются изображения чинте — сказочных львов-хранителей пагод и храмов, барельефы с изображением сцен и джатак, votивные таблички с вылепленными на них фигурками святых... Когда-то, до появления в Пагане европейцев, скульптур здесь было значительно больше.

И все-таки скульптура не занимает в Пагане важного места. В храмах ей отведена явно вспомогательная роль, и почти всегда наличие или отсутствие статуи Будды в храме никак не влияет на облик храма, на замысел архитектора.

Попробуйте представить себе столицу древних кхмеров — Ангкор без его статуй и башен-портретов. Попробуйте представить индийские храмы без рядов барельефов и скульптур, попробуйте представить индонезийскую святыню Боробудур, лишенной ее бесконечных барельефов — это невозможно. Там везде скульптура стала неотъемлемой и иногда важнейшей частью зданий. Паганские же храмы отлично обходятся без статуй. Ведь в конце концов статуя Будды прячется внутри храма, в полутемном зале, а барельефы кажутся только декоративными полосками над фризом строения. Сейчас трудно искать причины, но так уж случилось, что архитектура паганского храма, лаконичная и ясная, не нуждалась в дополнительных деталях.

Если существовала самобытная школа паганской архитектуры, паганской живописи, то паганской школы скульптуры не было создано. Для того чтобы понять это, следует обратиться к самой сущности буддийской скульптуры.

Еще до появления буддизма в Бирме буддийские каноны предусматривали точно установленные нормы и положения, в которых Будду можно изображать. В зависимости от того, сидит Будда или лежит, в зависимости от того, как сложены его руки и ноги, статуя изображала символически то или иное душевное состояние божества. Законы были тверды, и нарушать их было никак нельзя. Существовали и образцы, которым следовало подражать и следовало копировать. Эти образцы привозились из Индии, с Цейлона, в большом количестве они найдены археологами в монских портовых городах. Индийские статуэтки доставлялись и в Паган, и скульпторы, чтобы не нарушить законов, должны были их копировать. Поэтому в средневековых буддийских государствах Юго-Восточной и Южной Азии, в первую очередь в Бирме и на Цейлоне, монументальная скульптура не получила такого развития, как в странах, где в то время господствовал индуизм, например в Ангкоре, Чаще всего бирманская скульптура — ремесленное

подражание индийским и монским статуям и статуэткам. И изображения будд отличаются друг от друга так мало, что не всегда можно уловить детали различия.

Однако среди паганских мастеров были такие, которые, не нарушая, казалось бы, буквы канонов, достигали интереснейших эффектов. Стоит сравнить вытянутые, как бы реющие в воздухе, десятиметровые статуи храма Ананда и приземистые, задавленные слишком близко сошедшимися стенами статуи будд в храме пленного монского царя Макуты.

Говоря о паганской скульптуре, нельзя не сказать о двух статуях в человеческий рост, стоящих в одном из красивейших храмов города — в Ананде. Эти статуи совершенно нетипичны для Пагана и для буддийского искусства вообще, потому что изображают они не Будду, а реально существовавших исторических лиц — царя Тилуин Мана и первосвященника Шина Арахана. Статуи говорят о том, как талантливы были паганские скульпторы, как много они могли бы создать, если бы были вольны это сделать. Портреты царя и монаха удивительны по живости и мастерству исполнения.

Но такие случаи — исключения. Подавляющее большинство статуй Пагана неинтересны.

Творческая фантазия паганских скульпторов находила свое выражение в малых формах, то есть в небольших статуэтках и барельефах, на которые не распространялись иконографические каноны. Особенно интересны поэтому небольшие барельефы, изображающие сцены из джатак — буддийских притч о перевоплощениях Будды.

В своих предыдущих существованиях Будда перевоплощался в различных людей — ив царей, и в вельмож, и в крестьян, и в ремесленников. Он принимал облик разных животных. В сущности каждая джатака первоначально была народной сказкой или басней, и паганские мастера хорошо это чувствовали.

Паганские художники селят персонажей джатак в знакомые им дома и дворцы, сажают в знакомые повозки, одевают в знакомые одежды. Барельефы — иллюстрации к джатакам — становятся маленькой энциклопедией жизни Пагана, сделанной талантливо, часто весело и всегда лаконично. Здесь скульпторы выступают как самостоятельные художники — никто не может заставить их следовать канонам, и они дают волю своей фантазии и в то же время неизбежно отображают в барельефах живую, окружающую их действительность. Но такие барельефы составляют, к сожалению, лишь малую часть паганской скульптуры. Они невелики и украшают собой только фризы некоторых храмов и пагод. Да и то многие разрушились или украдены за последние сто лет.

Паганские скульпторы многого достигли в создании орнаментов. Тут уж они шли от народного искусства. И храмы Пагана, покрытые резьбой по штукатурке, кажутся затянутыми тонкими кружевами, не нарушая: ми простоты их линий, но придающими храмам непередаваемое очарование.

Художники Пагана не были так ограничены в сюжетах и темах, как скульпторы. Поэтому живопись Пагана достигла большого совершенства и разнообразия.

Сохранилась только малая часть живописного наследия бирманского средневековья, а именно фрески. Для того чтобы познакомиться с ними, достаточно зайти в любой небольшой храм Пагана. Гладкие стены внутреннего зала и сводчатый потолок почти наверняка покрыты фресками.

Паганский храм, особенно храм позднего периода, представляет собой удивительное по красочности зрелище. Все стены его и потолок — один большой ковер, в котором орнаментальные сюжеты чередуются со сценами из джатак и изображениями Будды (в одной надписи говорится о том, что на стенах храма изображены 14619 будд). Краски фресок, зачастую не потускневшие от времени, яркие, замечательно сочетаются, и сами фрески выполнены мастерски, в реалистической и смелой манере. Сюжеты и манера исполнения фресок Паганского периода оказали большое влияние на дальнейшее развитие бирманской живописи. На протяжении всей бирманской истории они служили образцами

для художников. И в настоящее время учащиеся бирманских художественных школ учатся на образцах, созданных их далекими предками.

Фрески, так же как и барельефы, рассказывают о жизни Паганского царства, изображают жителей Пагана, их праздники, повседневные дела. Здесь не только люди, но и обитатели бирманских лесов — слоны, тигры, птицы, обезьяны... Художник не связан строгими канонами, и часто один и тот же религиозный сюжет трактуется в различных храмах по-разному. Художники Пагана старались отразить и события, происходившие в стране. Например, в пещерном храме на окраине Пагана сохранились фрески, изображающие китайских солдат и офицеров, пришедших сюда в составе монгольского отряда, разгромившего Паганское царство.

Возможно, художники Пагана иллюстрировали также книги, как это делали их потомки в позднейшие времена. Но, увы, ни одной книги не сохранилось.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Храмы и пагоды

Город. «Большой» храм Ананда. Еще о «больших» храмах. «Малые» храмы Пагана. Трагедия царя Манухи. Эволюция храмов. Рассказ о пагодах. Не только храмы и пагоды. Путь к вершинам. Авторы — бирманцы.

Город

Так уж получилось — и удивляться этому нечего, — что, когда сегодня говорят о Пагане, имеют в виду его храмы; когда турист приезжает в Бирму, попадает в Паган, он любуется его храмами. И не случайно эта книга названа «5000 храмов на берегу Иравади». Ведь именно таким предстает Паган нашему современнику.

Храмы Пагана — квинтэссенция паганской культуры. Все достижения паганской экономики, все силы строителей, все искусство мастеров, художников, скульпторов — все это воплотилось в храмах. Все, о чем вы прочитали в этой книге, в той или иной мере связано с храмами Пагана. Пью и моны — учителя бирманцев в строительстве, живописи, скульптуре — и не мечтали о вершинах, достигнутых учениками. Почти каждый житель Паганского государства был связан с созданием храмов — крестьяне обжигали кирпичи, готовили известь, валили деревья, свозили на волах в столицу сырье для строительства, каменщики складывали стены и арки, скульпторы вырубали из мрамора статуи. В горных коях старатели добывали драгоценные камни для украшения статуй, живописцы покрывали фресками стены. И храмы, построенные с такими усилиями, с напряжением всех сил царства стоят и сегодня, поражая нас своим могуществом и красотой, заставляя восхищаться талантом и трудолюбием создавшего их народа.

Итак, храмов 5000. Цифра эта весьма приблизительна. Как пишет официальный путеводитель по Пагану, «...в древнем Пагане храмы, пагоды и монастыри насчитывались мириадами — сегодня же их приблизительно пять тысяч». Мириад — в наши дни понятие довольно условное, но и пятью тысячами подобных сооружений не может похвастаться никакая другая азиатская страна, и во всем мире вряд ли найдется древний город таких масштабов. Остатки его занимают сегодня треугольник площадью примерно в пятьдесят квадратных километров. Он расположен на излучине Иравади — река огибает город с двух сторон, с третьей стороны к Пагану подступают невысокие холмы.

В IX веке, до возникновения Паганского царства, Паган был небольшим городом, и в 849 году, если верить хроникам, один из князей обнес его стеной. Остатки стены сохранились в Пагане, и городские ворота «сарабха», входившие в состав укреплений этой стены, — одно из древнейших сооружений, существующих в Пагане. Вокруг Пагана в IX—X веках лежали деревни и небольшие неукрепленные городки.

В середине XI века, после покорения монских городов и создания Паганского царства, город начал бурно расти. В процессе роста он перевалил через обветшалые городские стены и поглотил окружающие города и деревни. Новые районы Пагана, центры которых можно угадать по скоплениям храмов и пагод, сохранили названия этих деревень и городов.

Старые стены — валы, увенчанные бревенчатым частоколом, — потеряли свое оборонное значение, но разбирать их не стали. Центр города к XII веку переместился из «старого города», потому что скученность построек, в том числе пагод, в пределах стен мешала возводить громадные дворцы и храмы. Новых же стен власти Пагана решили не строить. Сооружение их потребовало бы огромного расхода средств, а эффект от них был бы незначителен — Паган находился в самом центре могучей державы и в течение долгих лет жители его могли не опасаться нападений извне. В те же времена, когда такая опасность в связи с ослаблением царства появилась, строительство многокилометрового кольца стег было не по силам умиравшему государству.

В расположении пагод и храмов Пагана невозможно уловить какую бы то ни было систему — город развивался без плана, новые районы, вливаясь в город, приносили еще большую путаницу в рисунок улиц и площадей. Когда требовалось построить новый храм или пагоду, сносили группу домов или разыскивали незастроенный; участок — благо и во времена расцвета Пагана кварталы домов перемежались с рисовыми полями и садами.

Подавляющее большинство построек было деревянным, и, за исключением культовых сооружений, известно только одно гражданское, вернее полугражданское, здание, построенное из кирпича и сохранившееся до наших дней, — это библиотека, предназначенная для хранения захваченных в монских городах буддийских рукописей. Деревянными были царские дворцы, причем в Пагане их было несколько — каждый царь старался построить для себя новый. Впоследствии в Бирме обычай строить новый дворец распространится и на саму столицу. Очень часто цари строили столицу на новом месте. На Иравади сохранилось несколько таких столиц, наиболее известные из них — Ава, Амарапура, Сагаин и Мандалай.

Каждый царь Паганского периода строил или старался построить большой храм, который бы олицетворял могущество его власти, был как бы памятником его царствования.

«Большой» храм Ананда

Деление паганских храмов на «большие» и «малые» весьма условно и не совсем правильно с архитектурной точки зрения. В специальных исследованиях, например в статьях проработавшего несколько лет в Бирме советского архитектора С. Ожегова, храмы, независимо от их размеров, разделены на типы в соответствии с их планом. Однако в этой книге будет сохранено деление храмов на «большие» и «малые», которое впервые было введено Люсом и с тех пор часто встречается в исторической литературе.

Цари Пагана не оставили после себя гробниц или мавзолеев, до сих пор неизвестно, где и как они похоронены. Откровенное возвеличивание себя противоречило концепциям буддизма паганского времени. Но тщеславие царей находило выход в косвенном прославлении своих дел — в сооружении храмов.

Если при первом царе, Анируде, строительство «большого» храма было еще не под силу молодому государству, то уже Тилуин Ман смог создать себе памятник, перекликающийся в какой-то степени с египетскими пирамидами, — первый из «больших» храмов — храм Ананда, один из самых замечательных памятников архитектуры Юго-Восточной Азии. Храм был освящен в 1091 году, и это значит, что уже через пятьдесят лет после вступления на престол царя Анируды бирманские мастера вместе с архитекторами монов и пью создали паганскую школу зодчества.

Ананда не имеет прототипа во всем мире. Единственными братьями его являются другие храмы, построенные в том же Пагане.

Он стоит отдельно от других здания — кажется, они расступились, чтобы не мешать человеку увидеть Ананду.

Здание — правильный квадрат со стороной в 80 метров. В середине каждой стены от высокого десятиметрового дверного проема на несколько десятков метров вытянулся «язык» — крытая галерея. Таким образом, если посмотреть на храм сверху, он покажется огромным крестом. Почти лишенные украшений стены с двумя рядами окон, поднимающиеся на высоту 12 метров, переходят в ряд уменьшающихся крыш, которые завершаются «сикхарой», заимствованным из индийской архитектуры элементом, похожим на четырехгранную суживающуюся башню. Сикхара обычно увенчана тонкой высокой пагодкой. Общая высота здания 60 метров — Ананда выше двадцатиэтажного дома. Храм светел, открыт, спокоен и легок.

Вы входите в одну из галерей. В галерее полутемно. Свет проникает только через дверь и небольшие оконца. В каменной галерее всегда прохладно, тихо, и босые ноги (в любом храме обязательно снимать обувь) почти неслышно ступают по древним плитам. Когда идешь по галерее, охватывает чувство сопричастности к чему-то таинственному, торжественному...

Храм любой религии призван подавлять человека, подготавливать его к общению с божеством, внушать трепет. Достигается это в разных храмах, церквях, мечетях, соборах по-разному, но эффект примерно одинаков. Возьмем готический собор. Он обязательно грандиозен, вытянут вверх, к небу. Человек выглядит козявкой у входа в него, человек мизерен и внутри — обнаженные конструкции здания уходят ввысь, и, даже набитый народом, собор кажется пустынным. Или средневековый индийский храм: снаружи он — гора, башня, обильно украшенная скульптурными деталями, статуями, узорами. Он тяжеловесен, он давит своей мощью. Внутри «горы» — пещера. Именно пещерой, тесноватой и полутемной, кажется индийский храм. Гора впустила в себя человека, но она может и не выпустить его, раздавить.

Но если готические храмы или индийские не производят противоречивого впечатления — внутри они такие же, как снаружи, то «большие» храмы Пагана своим внешним видом совсем не подготавливают к тому, что увидишь, войдя внутрь.

...Галерея подводит к входу в храм. Вперед, дальше, к сердцу храма ведет темный коридор, узкий и высокий, смыкающийся аркой над головой. Такие же коридоры пересекают его, обегая храм вдоль стен. Они еще более узки и высоки и кажутся щелями, пробитыми в толще стен. Уже не верится, что снаружи, в нескольких шагах, за стеной, светит ослепительное тропическое солнце, покачиваются верхушки пальм и бормочут птицы в листве манговых деревьев. Храм вобрал в свое чрево маленького человека и не собирается выпускать его наружу.

Но последуем по коридору дальше. Главное — впереди. Там, в конце пути, в полутьме что-то поблескивает. Еще несколько шагов — и вы оказываетесь у ног громадной позолоченной статуи Будды. Десятиметровый великан возвышается на трехметровом постаменте и сквозь опущенные веки внимательно и спокойно глядит на маленьких людей у своих ног. Восьмисотлетняя улыбка замерла на его губах. Лицо статуи освещено — в стене пробиты окошки — как раз напротив лица. Окошек снизу не видно, только луч света, проникающий сквозь них, выхватывает из темноты губы и глаза Будды.

Если внимательно присмотреться, то в неверном свете свечей, поставленных паломниками, увидишь в нишах по обе стороны Будды две коленопреклоненные статуи в человеческий рост — это единственные в своем роде портретные скульптуры Паганского периода. Строитель храма — царь Тилуин Ман, молодой еще человек в причудливой короне, с полными губами и большими, чуть раскосыми глазами, и его первосвященник Шин Арахан, суровый худой старик.

Направо и налево идет темный узкий коридор, оббегающий центральный столб, вернее куб, спиной к которому и стоят статуи Будды. Храм абсолютно симметричен, в нем четыре входа, четыре коридора, сходящихся к центру, четыре десятиметровые статуи.

В Ананде много других скульптур. Они находятся в нишах, вырубленных в стенах концентрических коридоров. Статуи и скульптурные группы невелики, да их н| трудно разглядеть в вечной полутьме.

Теперь можно покинуть храм и не спеша обойти его вокруг, разглядеть внимательно на свету. Храмы Пагана в основе своей представляют куб со сравнительно гладкими стенами, только на углах украшенными пилонами с резьбой по штукатурке.

Когда-то все они были покрыты светло-желтой штукатуркой, но теперь те из них, что подновлялись и перекрашивались старательными, но не очень разбирающимися в искусстве паломниками, побелены известкой, потому искусство резьбы по штукатурке лучше изучать на тех менее известных храмах, что избегли благочестивого внимания верующих.

Первое, что бросается в глаза, когда смотришь на паганский храм,— это порталы его, так называемые пламенные порталы. Они украшают и двери и окна всех храмов, и, несмотря на общие черты, каждый из них чем-то отличен от других.

Пламенный портал трудно описать. Он — основное украшение входа в храм и, пожалуй, всего храма. Отдаленно он напоминает крышу сказочного русского теремка — будто на дверь надели треугольную шляпу размером больше, чем дверь.

Происхождение пламенных порталов объясняется самыми различными причинами. Одни ученые уверяют, что пожары, уничтожавшие деревянные строения, языки пламени, вырывавшиеся из окон и дверей, натолкнули какого-то строителя на мысль создать именно такие порталы. Есть мнение, что когда-то двери и окна храмов украшались пальмовыми ветвями и своеобразные порталы произошли именно от этих украшений. Наконец, некоторые исследователи полагают, что в основе портала лежит изображение сказочного дракона — Нага, голова которого иногда угадывается в украшении. Так или иначе пламенные порталы встречаются в Пагане каждом шагу и придают храмам своеобразный вид.

Второй чертой, характерной для Ананды и многих других храмов и пагод, являются сказочные львы — чинте. Иногда они возвышаются перед входом в здание, иногда украшают его террасы, как в Ананде. Задачей чинте было охранять храм или пагоду от злых сил. Их воздвигают в Бирме и по сей день.

Нельзя не упомянуть и сикхары с пагодкой. Ими увенчаны все храмы. Сикхара, как уже говорилось, пришла из Индии, но значительно уменьшилась и в размерах и в значении. Если в Индии сикхара чаще всего занимает по объему большую часть храма и именно она, сужающаяся кверху башня, и придает индийскому храму тяжеловесность, сходство с горой, то в Пагане сикхара — не больше чем декоративный элемент, часть завершения храма.

Храм Ананда украшен еще и многочисленными терракотовыми плитками, облитыми голубой глазурью. На плитках изображены сцены из буддийских притч — джатак. Плитки встречаются не только на Ананде, но и на многих других храмах и пагодах.

Еще о «больших» храмах

Построив свой большой храм в 1091 году и освятив его, о чем была воздвигнута надпись у стены Ананды, Ман больше подобных храмов не строил. Второй храм-исполин был сооружен его преемником Кансу I в середине следующего, XII века. Это время совпадает с периодом расцвета Паганского государства, и храм этот — Татбинью, — может, и уступает Ананде по совершенству архитектурных пропорций, но превосходит его, да и все другие паганские храмы, по размеру. Высота его — семьдесят метров.

Несмотря на кажущуюся общность деталей — те же пламенные порталы, те же гладкие стены, те же сужающиеся кверху террасы, украшенные пагодками и увенчанные сикхарой и пагодкой на вершине, — храм Татбинью резко отличается от Ананды. Если Ананда широко распростерла по земле свои крылья-галереи и лишь башня сикхары взмывает к небу, то Татбинью поражает своей массивностью, телесностью.

В основании его лежит не куб, как в Ананде, а более плоский вытянутый параллелепипед, над ним три уменьшающиеся террасы, поддерживающие большой гладкий куб следующего этажа, также увенчанный тремя террасами. Таким образом, получается практически два храма — один на другом.

В Татбинью нет центрального столба. Для того чтобы увидеть Будду, надо подняться по лестницам второй этаж (а высота каждого этажа — более десяти метров), где в большом зале статуя стоит у стены. Зал куда лучше освещен, чем залы Ананды. Два ряда окон пропускают достаточно света, чтобы разглядеть и зал статую. Из верхнего зала можно выйти на широкую террасу и обойти по ней весь храм. Можно по лестнице, пробитой в толще стены, подняться выше статуи Будды на самую верхнюю террасу, и с шестидесятиметровой высоты увидеть и весь Паган, и холмы за рекой, и далекие поля вдоль Иравади.

У подножия храма построен маленький храмик — по преданию, на строительство его пошел каждый десяти тысячный кирпич, уложенный в стены Татбинью.

Когда смотришь на произведения искусства, невольно становишься субъективным. Искусство и существует именно в силу этой субъективности наших восприятий, что, к сожалению, иногда приводит к ложной мысли том, что любой человек может судить о ценности той или иной вещи, творчестве того или иного художника. Каждый, кто побывает в Пагане, неизбежно выберет, незаметно для себя, самый любимый храм, самый, на его взгляд, совершенный памятник зодчества. Для автора этой книги самым любимым стал третий из «больших» храмов Пагана — Годопалин.

Годопалин не самый высокий из храмов — он уступает метров на пять Татбинью, не самый известный — Ананда имеет куда больше поклонников. Но, на мой взгляд, Годопалин — воплощение именно паганского духа в архитектуре, средоточие всех достижений бирманского средневекового зодчества.

Храм Годопалин был построен Кансу II на рубеже XIII века. Стоит он неподалеку от реки, и посетители Пагана обычно карабкаются по узким переходам на его вершину, для того чтобы проводить солнце, садящееся за холмы на другом берегу и освещающее на закате мертвый город теплыми, разноцветными лучами.

Формально Годопалин похож на Татбинью. Те два основных объема, разделенные тремя рядами уменьшающихся террас, тот же главный зал на втором этаже в котором хранится статуя Будды. Но впечатление совсем иное — Годопалин весь вытянут вверх, легок и сказочен. Все детали его, оставаясь в принципе похожими на детали Татбинью, более пышны и легки, все они подчеркивают его стройность. Удивителен талант паганских зодчих — построить рядом два храма, такие похожие и такие различные по духу. Можно с полной уверенностью сказать, что архитектор Годопалина был безгранично талантливым человеком, обладавшим завидной способностью одухотворять камень, создавать красоту в самом совершенном ее звучании. Мы не знаем, какие из храмов еще придумал и спроектировал этот человек и было ли его имя известно хотя бы его современникам, но если бы оно случайно прорвалось сквозь века, то в ряду великих архитекторов безусловно встал бы и творец Годопалина.

Кансу II, правивший в течение долгого времени, оказался единственным из царей Пагана, при котором было построено два «больших» храма. Второй из них, менее известный, да и менее интересный, чем Годопалин, — Суламани, сохранился хуже, чем другие «большие» храмы. Он находится довольно далеко от центра города, и к нему не ведут исхоженные паломниками тропы.

Автор храма Суламани, очевидно, поставил себе целью создать сооружение монументальное, величественное. Для этого он уменьшил высоту этажей за счет увеличения террас. Храм стал похожим на пирамиду вроде раннеегипетских ступенчатых пирамид. В нем отсутствует легкость Годопалина, благородство Ананды, мощь Татбинью.

В интерьере храма зодчий постарался совместить центральную колонну с четырьмя статуями будд, смотрящих на четыре стороны света, с залом второго этажа, куда надо взбираться по узким лестницам.

Обычно в больших храмах не было фресок. Суламани — исключение. Когда-то его залы были покрыты ценными фресками, но, к сожалению, лет сто пятьдесят назад монахи, жившие в монастыре неподалеку, решили подновить фрески и записали их ремесленными картинками.

Последним по времени из храмов Пагана был храм Тхиломинло. Он построен в 1211 году при царе Натомья. Этому храму повезло. Его ни разу не реставрировали верующие, и потому на нем сохранились остатки штукатурки, покрытой тонкой резьбой. Сохранились и ряды глазурованных плиток с ценными барельефами. Тхиломинло отличается от других храмов тем, что план его первого этажа, похожий на план Ананды, повторяется и на втором этаже. Так что в храме находятся восемь больших статуй будд. Очевидно, в свое время Тхиломинло был самым нарядным и обильно украшенным из всех «больших» храмов. Двойные пламенные порталы, резные фризы, голубые ленты плиток придавали ему нарядный и торжественный вид.

В тех местах, где штукатурка отстала от стен, можно изучать искусство паганских каменщиков — кладка стен настолько точна и тщательна, что ни один кирпич за семьсот лет не сдвинулся с места. Кажется, стены были сложены только вчера.

В нем тоже в свое время находились фрески. Не такие богатые, как в храме Суламани, но достаточно интересные. Правда, они почти исчезли, и только редкие следы их остались на стенах. Зато стены обильно изукрашены надписями — гороскопами. В течение семисот лет буддисты рисовали свои гороскопы на стенах залов Тхиломинло, надеясь, что здесь они лучше сохраняются, чем где бы то ни было.

Есть в Пагане и еще один «большой» храм. Он — единственный недостроенный из «больших» храмов. Хроники приписывают его создание Имто Сьяну. Он был убит иностранцами, и строительство храма было прервано. Как вы помните, этими иностранцами были, очевидно, цейлонские армии, которые, вполне возможно, захватывали Паган во второй половине XII века.

В современном виде Дхаммаянджи больше всего похож на храм Суламани, хотя автор его явно хотел создать храм по образцу Ананды. Он тоже крестообразен в плане, так же, как Ананда, он кажется одноэтажным — над стенами первого этажа начинаются уменьшающиеся террасы, которые должны были переходить постепенно в сикхару. Дхаммаянджи даже больше, чем Суламани, похож на пирамиду. Он тяжел и, в общем, некрасив. По неясным соображениям строители храма заложили кирпичом внутренние коридоры, и поэтому доступ в сердце храма навсегда закрыт.

И все-таки, несмотря на то что Дхаммаянджи был недостроен, качество работ, точность конструктивных расчетов таковы, что и с ним время справиться не смогло.

За последние пятьдесят лет существования Паганского государства не было построено ни одного «большого» храма. Вернее всего, царям Пагана это было уже не под силу. Ведь строительство каждого такого исполина требовало напряжения всех сил страны, а последние цари уже не были такими богатыми и всемогущими государями, как их предшественники. Но и шесть гигантов, стоящих на берегу Иравади, придают силуэту Паган неповторимое величие. И каждый, кто сюда попадает, испытывает, как и первые путешественники, чувство изумления, преклонения перед мастерами, создавшими эти храмы.

«Малые» храмы Пагана

Если «больших» храмов шесть, то «малые» насчитываются десятками. Эти храмы строились не только монахами, но и частными лицами и религиозными общинами.

Размер храма — не единственная черта, отличающая, например, Ананду от Нагайона или Шwegуджи. Разница заключается также и в назначении их и в значимости.

Если «большой» храм был символом царской власти, прижизненным памятником государю, произведением уникальным, призванным стать украшением не только столицы, но и всей страны, то роль «малого» храма куда скромнее.

В дни праздников царь и его двор участвовали в торжественных церемониях около одного из «больших» храмов, чаще всего у «своего» храма, «малые» же храмы оставались жителям города.

Ввиду меньшей «официозности» разнообразней и причудливей была архитектура «малых» храмов. Они были одноэтажными. Для них, как и для «больших» характерны пламенные порталы, резные фризы, террасы наверху, сикхара с пагодой на вершине. Через главный вход чаще всего попадаешь в центральный зал, у стены которого стоит статуя Будды. Стены зала обычно покрыты фресками, особенно в тех храмах, что построены во второй половине Паганского периода. Самые известные из них — храмы Тхекьямуни, Кубьяукджи, Шwegуджи, Нагайон, Абеядана, Тхамбула, Лемьетна и Пяятхонзу.

Храм Тхекьямуни, пожалуй, наиболее типичный из «малых» храмов. Он очень похож на «большие» храмы и в то же время не повторяет их. Размеры его порталов и сикхары такие же, как у «большого» храма, а «тело» значительно уступает по величине. Архитекторы отлично понимали, что храм не сможет поражать своими размерами, и обратили особое внимание на украшение Тхекьямуни, на богатство деталей.

Совсем по-другому смотрится храм Кубьяукджи, славящийся своими фресками. Именно в нем орудовал Томанн, вырубавший фрески из стен. До сих пор в храме сохранились обрывки наклеенных на стены немецких газет конца прошлого века. Бирманцы сознательно оставили их здесь — они не хотят забывать о грабителях Пагана и не хотят, чтобы забывали те, кто приезжает Паганом любоваться.

Создавая этот храм, архитекторы не ставили себе задачи построить сооружение, напоминающее «большие» храмы. Поэтому в нем нет террас, нет и сикхары. Вернее, сикхара есть, но она не похожа на сикхары остальных храмов Пагана, а воспроизводит известный индийский храм Боддхгайя, копия которого была сооружена в Пагане после того, как паганские мастера реставрировали находящийся в Индии оригинал. Сикхара напоминает вытянутую и обрубленную пирамидку, пагодки по углам крыши тоже четырехугольные, и потому храм кажется строгим ничуть суховатым...

Когда пишешь о маленьком храме Шwegуджи, хочется употребить эпитет «элегантный». Он стоит на высокой кирпичной платформе и составляет с ней архитектурно единое целое. Этот храм удивительно соразмерен и оттого легок и изящен. Интересно отметить, что такого же мнения были и обитатели Пагана — у входа в храм сохранилась надпись, которая восхваляет этот храм за благородство облика и совершенство.

Очень красив и храм Нагайон. Храм, сравнительно простой по украшениям, далеко вперед вытянул крытую галерею и оттого стал похож на корабль. В отличие от Кубьяукджи в Нагайоне все углы сглажены — линии его плавны и гармоничны. Он, несмотря на скромные размеры, кажется величественным.

Очень своеобразен храм Пяятхонзу. Это даже один храм, а три храмика-близнеца, стоящие бок о бок и обращенные в одну сторону порталами. Они соединены двумя параллельными коридорами и богато украшены фресками. Однако фрески западного храма недописаны. Что-то помешало художникам довести работу до конца. Можно предположить, что «чем-то» была гибель государства, потому что ученые датируют этот храм самым концом XIII века, то есть последними годами существования Пагана.

Фрески храма Пяатхонзу по содержанию не отвечают требованиям буддизма теравады. Они явно соответствуют северным махаянистским формам буддизма. Существование таких фресок в самом конце Паганского периода говорит о том, что буддизм никогда не «чистым» в Пагане.

А уж к совсем другой религии, к индуизму, относится «малый» храм Натхлаунчаун. Несомненно его строили паганские мастера, и хотя он сохранился хуже других храмов, в нем можно узнать основные черты паганского стиля. В то же время некоторые детали его не встречаются больше нигде в Пагане — это, например, ниши в наружных стенах, в которых стоят скульптуры божеств индуистского пантеона. Внутри, вокруг обычного в паганских храмах центрального столба, находятся статуи Вишну.

Почти все храмы Пагана относятся к паганской школе каменного зодчества. Но и среди них есть исключения. Исключения можно перечислить по пальцам, но они существуют и как таковые всегда привлекают особое внимание.

Трагедия царя Манухи

В первую очередь к «непаганским» храмам относится храм Манухи (или Макуты), последнего царя Татона, монского государя, взятого в плен Анирудой. Легенда, которая нашла потом подтверждение в надписях, гласит, что храм этот был построен Макутой на деньги, вырученные от продажи уникального рубина.

Храм Манухи — один из самых ранних храмов Пагана. Он построен монами для своего царя, и по его архитектуре можно видеть, что принесли с собой в Паган пленные монские зодчие.

Храм очень прост, почти лишен украшений. Он двухэтажный, второй этаж здания уступает первому по площади. Единственное, что позволили себе строители, — это пламенный портал и ряды пагодок на крыше здания. Ни причудливой резьбы фриз, ни сикхары, ни террас...

Еще необычнее храм внутри. Входящий ничем не подготовлен к зрелищу, которое ему предстанет. Весь центральный объем здания, на оба этажа, до самой крыши занимает исполинская статуя Будды. Статуе тесно в помещении, она касается стен спиной, головой, локтями — кажется, она старается оттолкнуть их от себя, вырваться наружу. Человек вынужден, для того чтобы пройти в следующий зал, протискиваться между стеной и ступней статуи, и он невольно начинает опасаться, не двинет ли колосс ногой, не раздавит ли его, маленького, ничтожного пришельца, о кирпичи стены.

В боковых, более низких залах тоже статуи будд. И так же тесно им, так же давят их стены и потолок. Хочется уйти из этого, мрачного мира плененных гигантов.

С задней стороны храма во всю длину трех залов протянулся низкий и длинный четвертый зал. Статуя в нем лежит, касаясь головой и ногами стен. Еще один пленный бог, но этот уже сдался. И хотя по положению Будды можно понять, что он, согласно буддийскому учению, достиг нирваны — то есть высшего абсолютного блаженства, поверить в блаженство замурованного Будды очень трудно. И загадочная улыбка его совсем уж не вяжется с низким потолком зала. «Храм этот, — пишет бирманский археолог У Лю Пе Вин, — является аллегорическим воплощением физического неудобства и горя плененного монского царя».

Теперь, конечно, невозможно проверить, сознательно ли монский царь приказал построить именно такой храм, сознательно ли приказал поместить будд в таких неудобных, напряженных позах или храм возводился вокруг уже готовых статуй, строители сэкономили кирпич и потому не оставили свободного места. Но в любом случае эффект получился необычным, странным и даже пугающим.

Миниатюрный храм Мималаун-чаун, стоящий в центре города на высокой, выше него самого, платформе, тоже не похож на другие паганские храмы, но по другой причине. Его строители — те же самые бирманские архитекторы, что создали и Нагайон и

Ананду. Но источником их вдохновения послужили на этот раз не каменные храмы, а деревянные строения Пагана. Получился храм с трехъярусной крышей, линии которой повторяют линии деревянных кровель. В результате храм отличается какой-то игрушечной, детской красотой. Такому храму место скорее не среди его солидных братьев, а в волшебной сказке.

И, наконец, третий необычный храм Пагана — это уже упоминавшаяся копия индийского Бодгаи, так называемая пагода Махабодхи. Он был построен в первой половине XIII века по чертежам индийского храма. Строители старались предельно точно передать форму и пропорции священного для буддистов индийского храма, но это не во всем удалось им. И пагодки, которыми украшены углы храма, и детали фриза, и главная, венчающая все сооружение пагода — чисто паганские. К сожалению, этот храм нельзя отнести к лучшим строениям в Пагане. Подражательство, даже осуществляемое лучшими мастерами, лишает их инициативы — не смея оторваться от обязательного образца, они теряют чувство пропорции и ритма здания. Пагода Махабодхи — один из ранних образцов эклектики, печальный пример того, как пагубна в архитектуре несамостоятельность. Одновременно этот храм опровергает утверждения тех историков, которые считают, что паганская архитектура — копия индийской. Единственный храм, являющийся в самом деле копией индийского, — явно чужеродное тело в городе.

Эволюция храмов

Существуют значительные различия между храмами, построенными в первые годы существования Паганского государства и в конце XIII века. Это связано с общим процессом становления бирманской национальной культуры, с кристаллизацией национальных форм.

Ранние храмы, такие, как Патотамья, Нагайон, Абейдана и др., принято в литературе называть монскими храмами. Однако, называя их так, современные исследователи, например профессор Люс, осознают всю условность этого термина. В лекции «Трипитака в старой Бирме», которую Люс читал в 1962 году в Международном университете изучения буддизма, он говорил о ранних паганских храмах: «Для удобства я буду называть их монскими, хотя это может вызвать недоуменный вопрос, потому что ничего подобного не было создано в Раманнадесе. Если вы предпочтете называть их храмами пью, возможно, вы будете более правы. Они отличаются от позднейших бирманских храмов, и старые надписи как внутри, так и рядом с ними исполнены на пали или на монском языке».

Характерной чертой ранних паганских храмов является темный внутренний зал, небольшие, заложенные кирпичной решеткой окна. Коридор, идущий вдоль стен, также слабо освещен. Платформы, на которых построены храмы, низки, и помещения почти не подняты над землей. Уже в Ананде мы замечаем отступления от этого типа. Окна увеличились, и с них сняты кирпичные решетки, однако общее впечатление от интерьера продолжает оставаться мрачным. В ранних бирманских храмах стены порой расписаны фресками, но эти фрески плохо освещены и почти не видны.

В середине XII века наступает реакция против монского влияния не только в архитектуре, но и в других областях культуры, пропадают понемногу монские надписи и их сменяют надписи бирманские. В это же время создаются первые храмы позднепаганского типа. Одним из первых был храм Швегуджи в Пагане. Ему присущи характерные черты поздних храмов.

Швегуджи и последовавшие за ним храмы XIII века построены на высоких платформах, так что в храм надо подниматься по лестнице. Окна стали больше, и больше света проникает внутрь и освещает фрески. По форме храмы становятся более пирамидальными — архитекторы; подчеркивают стремление вверх. Однако контраст между светлым и легким внешним видом и интерьером, призванным подавлять человека,

остается, хотя надо признать, что позднейшие бирманские храмы производят в делем более свободное, легкое впечатление, чем их предшественники.

Рассказ о пагодах

Больше всего в Пагане пагод. Их тысячи, и они исключительно разнообразны. От метровых крошек до великанов, ростом с Ананду, от новеньких, кирпичик к кирпичику, до груд кирпича, в которых с трудом можно угадать первоначальную форму пагод. От известных на всю Бирму Мингалазеди, Бопая и Швезигона до таких, что не только сейчас, но и никогда имен не имели и были для обитателей квартала, где были построены, «нашей пагодой».

Мы привыкли со словом «пагода» связывать китайское сооружение, увенчанное множеством крыш, изящную башенку, внутри которой стоят в загадочной полутьме статуи и курятся благовония.

Бирманская пагода зародилась в Индии. Вернее всего, происходит она от могильного кургана, именно на него и похожи больше всего самые древние из индийских пагод, ступ. Из Индии, усложняясь по форме, обрастая религиозной символикой, буддийские пагоды проникли на юг — на Цейлон, на север — в Тибет. В Бирме пагода претерпевает дальнейшие изменения формы. Она вытягивается кверху, становится похожей на колокол. Такие пагоды строились в столице пью — Тарекитаре. «Колокол» покоился на постаменте, и сверху его венчал невысокий шпиль.

Во времена Пагана пагода еще больше усложняется. Постамент превращается в ступенчатую террасу, а «колокол» становится похожим на детскую пирамидку, сложенную из колец. Каждое кольцо было не только декоративным элементом, но и обладало определенным значением. Пагода состоит из точно установленного числа элементов, и каждый символизирует то или иное религиозное понятие. Поэтому, как бы внешне ни отличались бирманские пагоды друг от друга, в них всегда можно найти и определить эти элементы. Но сравнительные размеры, форма элементов сильно разнятся в различных пагодах. Это правило не всегда распространяется на маленькие пагодки, на строительство которых шел воз кирпичей, и делал их не архитектор, а каменщик, построивший за свой век не один десяток совершенно одинаковых пагодок.

Итак, пагода в Бирме — это правильно организованная груда кирпича. Более всего такая пагода схожа с египетской пирамидой, ибо в ней нет внутренних помещений. В пагоду нет входа, внутри помещается только камера с замурованными религиозными святынями.

Пагоды Пагана, как и храмы, можно разделить условно на два основных типа — на «большие» и «малые». «Больших» пагод, как и «больших» храмов, единицы. Каждая из них связана с именем определенного царя, строительство ее было общегосударственным делом.

Крупнейшие пагоды Пагана — Швезигон, Мингалазеди и Швезандо — сильно отличаются друг от друга и от всех остальных пагод. Они стоят на высоких террасах. К Швезигону ведут три уменьшающиеся террасы, и все сооружение несколько напоминает паганский храм, у которого срезали нижний этаж, а сикхару заменили «колоколом» пагоды. В Швезандо таких террас пять, пагода выглядит как ступенчатая пирамида, и для того, чтобы дойти до «колокола», надо долго взбираться по ее склонам, подниматься по высоким ступеням лестниц, ведущих с террасы на террасу.

«Большие» пагоды строились и в начале и в самом конце Паганского периода. Первый царь — Анируда — не построил ни одного «большого» храма, но две из «больших» пагод — Швезигон и Швезандо — связаны с его именем. Очевидно, это можно объяснить тем, что во время правления Анируды бирманские архитекторы еще не накопили достаточного опыта строительства храмов, еще не сложились традиции такого строительства, тогда как пагоду, даже весьма внушительных размеров, они построить

могли. Изрядным опытом строительства пагод обладали также зодчие пью и монов: единственное, что сохранилось в их городах, — это громадные, хоть и уступающие паганским в совершенстве, пагоды.

Третья из «больших» пагод Пагана — Мингалазеди — была сооружена за несколько лет до падения государства. Последние цари уже не могли построить храма — сложная и трудная работа такого рода была не под силу слабым государям. Но стремление к созданию грандиозных сооружений жило, и лучшим выходом было сооружение «большой» пагоды, что и было сделано в 1284 году.

В пагоде Мингалазеди чувствуются традиции храмового строительства. Сам «колокол» является только малой частью сооружения, а террасы, пагодки на террасах, лестницы — все взято из храмовой архитектуры.

После падения Пагана храмов в Бирме не строили. Подобное строительство могло быть предпринято только в сильном централизованном государстве, Бирма же после Пагана в течение нескольких столетий была разделена на ряд государств и княжеств, ни одно из которых не могло сравниться с Паганской империей. К тому времени, когда через пятьсот лет было достигнуто объединение страны, традиции храмового строительства были забыты. Со времен Пагана и до наших дней в Бирме сооружаются только пагоды, некоторые из них, например Шведагон в Рангуне или Швемадо в Пегу, достигают колоссальных размеров — ничего подобного нет ни в одной буддийской стране. И в пагодах, строящихся по сей день, сохраняются формы и пропорции, впервые найденные паганскими строителями.

Пагоды такого типа, как в Бирме, строились и строятся и в других странах Юго-Восточной и Южной Азии, в первую очередь на Цейлоне и в Таиланде. Самая известная пагода — ступа Боробудур, сооруженный жителями древней Явы.

Боробудур имеет общие черты с бирманскими пагодами не только по размеру, но и во внешнем облике. Как и в Пагане, «колокол» Боробудура находится не на земле, а вознесен на многометровую высоту несколькими террасами. Горизонтальные плоскости четырехугольных террас придают всему сооружению монументальность, величественность пирамиды, а «колокол» ступы служит логическим завершением этой пирамиды.

Однако между Боробудуром и паганскими пагодами существуют принципиальные различия. Чешский путешественник Норберт Фрид пишет: «Первое впечатление от Боробудура хаотично, негостеприимно и даже неприятно. Его называли мне грудой камней... Строители Боробудура придавали сооружению приятный вид не для глаз простого народа, а для того, кто посмотрит на него сверху — для божества».

Швезандо и подобные ей «большие» пагоды Пагана значительно проще в архитектурном отношении. Строитель предпочитал думать о впечатлении, производимом на человека, а не на небожителей.

По своей известности пагоды Пагана не могут соперничать с Боробудуром. Слава создана ему многочисленными скульптурами и барельефами, украшающими его террасы. Скульптурных украшений, за исключением терракотовых плиток со сценами из джатак, паганские пагоды не несут.

«Большая» паганская пагода производит цельное приятное впечатление оттого, что ее создатели воспринимали пагоду как архитектурную форму, а не как своеобразное повторение могильного кургана.

«Малые» пагоды Пагана многообразны и по форме, и по размерам. Они не предназначались для больших церемоний или шествий. В каждой можно проследить особенности ее происхождения. Порой «малые» пагоды строились по цейлонским образцам, особенно в период борьбы между религиозными группировками в Пагане. Примером может служить пагода Сапада, названная так по имени монаха, который во второй половине XII в совершил на Цейлон паломничество. Сохранился ряд «малых» пагод, сооруженных по тибетским, непальским, североиндийским, южноиндийским

образцам. Глядя на «малую» пагоду, не всегда скажешь, что она построена именно в Пагане, — точно такие же встречаются и в других странах. Ведь форму такого небольшого и подчиненного строгим религиозным канонам сооружения нетрудно запомнить и воспроизвести. Каждая, даже самая маленькая иностранная община в Пагане — а таких было достаточно — могла построить пагодку, такую же, как стоит на родине, любой паломник мог запомнить пагодку дальней страны.

«Малые» пагоды чем-то сродни скульптуре, скульптуре религиозной, и очень часто они остаются за пределами искусства, являются ремесленными поделками, и тогда, когда копируют пагоды других стран и когда копируют, что также нередко, известные «большие» пагоды. Даже сегодня в Бирме каждая вторая «малая» пагодка — а их десятки тысяч — копия Шведагона или Швемадо. После падения Пагана наблюдается постепенное сближение типов — «малой» и «большой» пагод. Террасы «больших» пагод уменьшаются, сходят на нет, а «колокол» увеличивается, однако форма его остается в принципе такой же, как и в «больших» пагодах. Вместе с процессом сближения форм исчезают пагоды-копии индийские, цейлонские, тибетские. Пагоды Шведагон и Швемадо, крупнейшие из существующих в Бирме, надстраивались и изменялись в течение сотен лет в результате стали типичными примерами такого слияния.

А те маленькие пагодки, что украшают в Бирме вершины холмов, стоят у каждой деревни, похожи друг на друга, как близнецы, и, хотя подражают большим пагодам, потеряли и их величие и благородство линий.

Не только храмы и пагоды

Храмы и пагоды, естественно, составляли только малую часть зданий в Пагане. Дворцы, монастыри, общественные сооружения, жилые дома... Какими же они были?

Выяснение этого вопроса легче всего начать с монастырей. Они были близки к «малым» храмам, если возводились в камне, и напоминали дворцовые помещения, если строились из дерева.

Монастырей в Пагане было много, но от деревянных ничего не осталось, а кирпичные, как правило, превратились в руины — когда их строили, то не так много обращали внимания на прочность, как при строительстве храмов.

Из-за того что монастыри не сохранились в своем первоначальном виде, их почти не изучали. Первая и практически единственная работа, посвященная монастырям Пагана, вышла в 1920 году. Автор статьи Бракстон Синклер рассматривает только каменные монастыри и вводит сложное и весьма искусственное деление на семь типов в зависимости от плана и размеров. Чаще всего эти различия не принципиальны.

Большинство монастырей (монастырь представлял собой комплекс различных строений, включая склады, навесы для отдыха паломников и т. д., но нас сейчас интересует только главное здание с монастырской молельней, кельями и центральным залом) представляли собой одно- или двухэтажные сооружения, в строительстве которых широко использовались достижения паганского зодчества, а именно арки и сводчатые перекрытия. В центре главного здания находился зал или открытый дворик, куда и выходили двери келий.

В самых маленьких и бедных монастырях отдельных келий не было, жильем служили общие комнаты первого и второго этажей, а по фасаду здания шла большая крытая галерея, где происходили моления.

Большие монастыри были не только местом обитания монахов, но также и учебными заведениями, куда съезжались «студенты» из других буддистских стран. При таких монастырях сооружались отдельные учебные здания.

Архитектура каменных монастырей, называемых «кала-клон», имела много точек соприкосновения с храмовой архитектурой Пагана, особенно с оформлением «малых»

храмов. Те же порталы и наличники, та же трактовка фриза, та же фресковая живопись во внутренних помещениях, в том числе и в кельях.

Вот как описывает келью Синклер: «Кельи обычно однотипны, восемь на десять футов, со сводчатым потолком стрельчатого сечения. Келья снабжена окном, которое часто заложено кирпичной решеткой. Дверь деревянная. При внимательном рассмотрении в стене обнаружены гнезда, куда вставлялись балки, образующие антресоли. Без сомнения, это была спальня монаха. В нее он поднимался по бамбуковой лестнице. Все стены оштукатурены...»

О гражданской архитектуре Пагана мы располагаем незначительными данными. Тем не менее можно кое-что о ней узнать, пользуясь косвенными свидетельствами. Общественные здания, связанные по назначению с религией, — это единственный дошедший до нас тип гражданской архитектуры Пагана. Они строились из кирпича. Такие здания можно перечестать по пальцам, но, несмотря на это, они служат одним из важнейших ключей к изучению гражданской архитектуры.

Эти здания — зал посвящений («упали тейн»), библиотека и некоторые другие строения. Характерной чертой их является то, что они воспроизводят в камне деревянную архитектуру своего времени. Они интересны и тем, что обнаруживают явную близость к современной архитектуре бирманских монастырей. Это удлиненные здания, покрытые двухскатной крышей с богато украшенным коньком и карнизом.

Но, может быть, они являются исключением? Может быть, эти здания и миниатюрный храм Мимилаун Чаун не имеют ничего общего с паганскими дворцами и домами?

Для того чтобы выяснить, что представляли собой дворцы и жилища Пагана, следует обратиться к двум доступным нам источникам, а именно к изображению зданий на храмовых барельефах, иллюстрирующих джатаки, на фресках в храмах Пагана и, наконец, к зданиям позднейших периодов истории Бирмы, изображения которых до нас дошли.

Иллюстрируя сцены из сказаний о перевоплощениях Будды, паганские художники и скульпторы, без всякого сомнения, изображали на барельефах знакомые им современные здания. Подобное отношение к исторической живописи характерно и для художников других стран и времен (художники средневековой Европы одевали персонажей Священного писания в знакомые им одежды и селили в готические замки).

Дворцы и дома, изображенные на фресках и барельефах Пагана, оказываются сходными не только с залом посвящений, библиотекой и храмом Мимилаун Чаун — каменными строениями Пагана, в которых отразилась техника деревянных строений, но и с позднейшими зданиями Бирмы. Особенно ярко это сходство проявляется в изображениях небогатых жилых домов на табличках в храме Ананды. Они кажутся скопированными с современных провинциальных домов.

Схожесть жилых и гражданских строений Пагана с позднейшими постройками Бирмы не удивительна. Архитектура жилого дома, тесно связанная с климатическими условиями, до предела рациональная и вырабатываемая не преходящими вкусами эпохи, а вековым творчеством народа, меньше всего подвержена изменениям. И сегодня в бирманских деревнях крестьяне строят дома такие же, как и те, в которых жили их предки тысячу лет назад.

Путь к вершинам

Этот вопрос возник у первого же иностранца, увидевшего Паган, его задавали и путешественники, и ученые, и художники, и искусствоведы: «Кто придумал Паган?» Другими словами — почему, казалось бы, на пустом месте, возникает великолепный город с большими храмами, с тысячами пагод?

То, что для бирманцев не представлялось загадкой, в чем бирманцы видели дело рук своих предков, остальному миру казалось тайной. Истоки паганского зодчества существуют в самой Бирме, но они не так очевидны, как храмы Пагана, а потому долгое время оставались вне поля зрения.

Исследователи бирманской истории, особенно историки XIX и начала XX века, считали источником культуры и цивилизации Бирмы Индию. Дело представлялось таким образом, что носителями культуры в Бирме на протяжении всего средневековья были выходцы из Индии, которые и учили уму-разуму отсталых бирманцев. Английские историки подчеркивали неоднократно, что Паган был вершиной развития бирманского государства, а впоследствии, с исчезновением индийского влияния, история Бирмы пошла по нисходящей линии. В конце нее наблюдается второе пришествие иноземцев, несущих с собой культуру. На этот раз ими оказываются англичане.

И в современных исторических работах мысль о том, что источник паганской культуры — Индия, продолжает бытовать. Чтобы не быть голословным, можно процитировать некоторые высказывания на этот счет. Например, выдающийся бирманский историк То Сейн Ко пишет: «Южноиндийское влияние сильно выражено в храмах Годопалин и Татбинью... Прототипы Годопалина и Татбинью — храмы Мамалапурама дравидской Индии, построенные в VII веке». К нему присоединяется известный историк, один из основателей изучения бирманской эпиграфики, Дюрузель: «Нет никакого сомнения, что Ананда и другие храмы Пагана того же стиля — имитация пещерных храмов Индии». И, наконец, совсем недавно бирманский историк У Лу Пе Вин заявляет: «Архитектурные типы Пагана можно классифицировать следующим образом: храм по североиндийскому образцу — Ананда, храм по среднеиндийскому образцу — Махабоди, храм по южноиндийскому образцу — Годопалин, Суламини».

Подобные высказывания противоречат друг другу, в частности, ученые приводят различные архитектурные примеры и прототипы, но все они сходятся на одном — бирманская архитектура полностью заимствована у Индии.

В стремлении привязать любой ценой бирманскую архитектуру к архитектуре индийской некоторые английские ученые доходят до курьезов. Люс, один из немногих историков, признающих самобытность паганской архитектуры, рассказывает: «Харви и Хавелл обращаются к храму Боддхгайя в Индии, в котором присутствует арка, типичная для паганских строений, как к примеру заимствований зодчими Пагана от индийцев. Казалось бы, с первого взгляда пример разительный. Арка, столь нетипичная для индийского зодчества, тем не менее существует в одном из наиболее известных храмов Индии». Отсюда делается вывод, что бирманские храмы были построены индийскими зодчими. «Стоит обратиться к эпиграфике, — продолжает Люс, — как со всей очевидностью обнаруживается, что храм Боддхгайя был построен именно бирманскими зодчими, точнее, реставрирован паганскими архитекторами, присланными специально с этой целью из Пагана. Известно даже, что руководил работами бирманский монах Ванаваси и помогал ему Путасин Ман. Арки восстановленного бирманцами храма абсолютно точно указывают адрес их авторов — город Паган».

В стремлении обязательно привязать бирманскую культуру к индийской, преуменьшить самостоятельность культуры Пагана, Харви и Хавелл неожиданно для себя обнаруживают редкий, правда, но интересный случай влияния паганского зодчества на архитектуру Индии.

Проблема происхождения бирманских храмов очень сложна. Решение ее требует доказательств. Естественно обратиться к тем индийским храмам, которые наиболее часто упоминаются как прямые прототипы храмов Пагана, оригиналы, с которых якобы скопированы паганские храмы. Это индийские храмы эпохи Гуптов и в первую очередь храмы Мамалапурама (кстати, нетипичные для храмостроения индийского средневековья).

Сходство вырубленных в скале храмов Мамалапурама с паганскими храмами настолько поверхностно, что считать их прототипами паганских можно только при большом желании и с таким же успехом, как можно считать их прототипами храмов древнего Новгорода.

Возьмем несколько черт, характерных для паганского храма, и постараемся проследить их в архитектуре Мамалапурама. Паганский храм характеризуется часто симметричным планом, в нем повсеместно употреблена арка как основной конструктивный элемент, за исключением центральной опоры, в храме больше нет колонн, храм почти лишен скульптурного оформления, в нем обязательны пламенные порталы, храм многоэтажен, и коридоры верхних этажей выходят на уменьшающиеся квадратные террасы, увенчивающие куб первого этажа.

Только две из перечисленных особенностей паганского храма, а именно уменьшающиеся террасы (совершенно другой формы и назначения) и кубическая форма первого этажа, можно найти в храмах Мамалапурама. В мамалапурамских храмах начисто отсутствует арка, тяжесть конструкции несут колонны первого этажа, фасады украшены многочисленными скульптурами, само здание тяжело и перегружено деталями, а вместо легкой, стремительной сикхары и шпиля над ней храм венчает громоздкий купол. Квадрат нижнего этажа храма; окружен со всех сторон верандой, а в углах квадратные кельи для статуй божеств и аскетов. Внешний край веранды огражден скульптурными колоннами с капителями.

Еще меньше общего у паганских храмов с индийскими храмами IX—X веков, например с храмом Каджурахо и подобными ему сооружениями «башенного типа», основная масса которых приходится на тяжелую сикхару.

Большим сходством с храмами Пагана обладает маленький храм Лад Хан в Михолли (Южная Индия), однако он воздвигнут в V веке, то есть за полтысячелетия до возникновения Паганского государства, и вряд ли мог оказать прямое влияние на паганских строителей. Лад Хан не похож на другие индийские храмы. Кстати, в нем, так же как и в других индийских храмах, нет арки.

Итак, в Индии храмов, с которых могли бы быть скопированы паганские здания, по-видимому, нет. Индийцам была незнакома или почти незнакома арка. Она появилась в Индии только с мусульманской архитектурой. Индийские храмы, как бы прекрасны они ни были, построены технически более примитивно, чем храмы Пагана. И уже это полностью опровергает мысль о копировании индийских образцов. Да и сам принцип архитектуры, в которой главное — легкость, четкость здания, коренным образом отличается от принципов чаще всего несколько тяжеловесной средневековой индийской архитектуры.

Однако нельзя полностью отрицать индийское влияние на формирование бирманской архитектуры, хотя оно пришло в Паган уже творчески переработанное «посредниками» — монахами, пью и другими народами.

Следующим логическим шагом в отыскании истоков паганской архитектуры будет обратиться к Китаю, родине бирманцев. В китайском храмовом зодчестве можно обнаружить здания первых веков нашей эры, которые ближе к паганским храмам (вернее, к храмам пью), чем индийские образцы. Правда, таких зданий немного и они относятся к первым векам нашей эры, но при большом желании можно вывести всю паганскую архитектуру из архитектуры китайской и сделать это не менее убедительно, чем делают сторонники индийского влияния. И в Китае и в соседних с ним странах отыщутся древние храмы, схожие с паганскими как в плане, так и до какой-то степени во внешнем облике.

Конечно, делать на таком основании выводы о китайском происхождении паганской архитектуры наивно. Важно другое: здания, похожие на паганские, можно отыскать не только в Индии, но говорить на основе этого о прототипах и копировании вряд ли возможно.

В принципе неправильно проследить истоки зодчества к великим культурам, созданным народами других этнических групп, в других исторических условиях и в другой географической обстановке. В конце концов паганские храмы внешне похожи на русские средневековые храмы.

Куда логичнее обратиться к самой Бирме, к народам, населявшим ее до бирманцев, к странам Юго-Восточной Азии, культура которых развивалась по путям, схожим с путями развития Бирмы. Культуры пью, монов Раманнадесы, монов Дваравати, тьямов Тьямпы, кхмеров Камбоджи, Фуннани находились на стыке индийской и китайской цивилизации, испытывали в какой-то степени влияние обеих, но не копировали достижения великих соседей, а на основе народных традиций создавали собственные самобытные и замечательные цивилизации.

Города пью, а особенно монов Раманнадесы, изучены еще далеко не достаточно, но крупные археологические работы велись в близком по населению и географическому положению государстве монов в долине Менама — в Дваравати. Это государство было создано раньше, чем государство бирманских монов, и несомненно оказало большое влияние на развитие Раманнадесы.

Уже остатки храмов Дваравати обнаруживают удивительное сходство некоторых деталей с деталями паганских храмов. К сожалению, храмы Дваравати разрушены, как и храмы монских городов Бирмы, но сохранившиеся лестницы и главный вход в храм Ват Пра Патон (Дваравати) разительно напоминают соответствующие детали Ананды и Годопалина.

Несколько дальше к востоку возникло в первых веках нашей эры государство Тьямпа.

При изучении храмов Тьямпы обнаруживается не только сходство в деталях, но, что очень важно, в самом духе архитектуры, в восприятии храмовой конструкции. Это государство было основано ранее IV века, но существовало и во времена Пагана, так что концепции зодчих Тьямпы вполне могли оказывать влияние не только на строительство и архитектуру Камбоджи и Фуннани, но и на архитектуру Дваравати и соответственно на архитектуру монов Раманнадесы. Тьямские купцы торговали с Индией, и перевалочными пунктами часто служили монские порты. Это способствовало ранним (возможно, уже с VII—VIII веков) связям монов с тьямами.

Стоит сравнить любой из храмов Пагана с храмом Хоа Лай (IX век) в Тьямпе или пагодой в По Нагаре (XI век), и становится несомненным существование общих черт в паганском и тьямпском зодчестве.

В храмах и пагодах Тьямпы мы видим не только те же, что и в Пагане, принципы возведения стен и их оформления, но и пламенные порталы (храм Ми-Сон IX — начала X века) в их первоначальной, упрощенной форме, зарождение арки и многочисленные другие детали сходства.

Даже на Яве, в окрестности Боробудура, в храмах Чанди Каласан и Чанди Менду мы обнаружим определенную традицию (гладкие стены, строение платформы, организацию интерьера), более близкую к Пагану, нежели индийские храмы.

Существовал еще один фактор, могущий повлиять на развитие паганского зодчества, а именно архитектура кхмеров Камбоджи IX—XI веков. Нельзя игнорировать связи, существовавшие между Бирмой и Ангорским государством, особенно между государствами монов Бирмы и кхмерами. В архитектуре столицы кхмеров Ангкора также немало черт, роднящих ее с паганской. Далее, если обратиться к большим пагодам, то мы обнаружим, что и они тяготеют скорее к востоку, нежели к западу. Террасы боковых башен ангорских храмов очень близки по типу к террасам паганских пагод, причем тайская пагода, происшедшая от этих башен и развивавшаяся независимо, имеет с бирманской пагодой много общего.

Кстати, то, что ускользнуло от внимания бирманских и английских исследователей, было отмечено Анандой Кумарасвами, историком индийского искусства: «Мингалазади и

Швезандо, — писал он, — стоят на террасных пирамидах с угловыми башенками и центральной лестницей с каждой стороны, что вызывает в памяти камбоджийские террасные пранги и более древний Боробудур».

Авторы — бирманцы

Итак, архитектуре Пагана были присущи черты, в свое время известные в зодчестве Тьямпы, Дваравати, Индии, Китая, Камбоджи и в меньшей степени — черты индонезийского и цейлонского зодчества и т. д. Существовали черты, типичные только для бирманской архитектуры, например революционное для Азии повсеместное употребление арки, придавшее паганским храмам удивительную прочность.

Но архитектура Пагана не была подражанием. Она развивалась самостоятельно, по своим законам, и даже черты, роднящие ее с зодчеством соседних народов, получили в ней новое воплощение, были творчески переработаны и зазвучали уже по-бирмански.

Сделав вывод о том, что паганское зодчество впитало в себя достижения архитектур соседних народов, мы должны показать, какими путями проходило это влияние.

Все храмы и строения, которые мы использовали как эталоны для сравнения, старше паганских храмов на сотни лет. К тому времени, когда в Пагане началось строительство храмов, в Индии были уже забыты традиции Мамалапурама.

Недостающим звеном в эволюции бирманской архитектуры были допаганские государства на территории Бирмы, государства монов и пью. Именно существование двух государств, деливших между собой большую часть бирманской территории, различные пути, которыми шла история этих государств, и обусловили сложность происхождения паганской культуры.

До нас дошло мало памятников архитектуры пью и монов, но даже то, что сохранилось, плюс археологические раскопки, проведенные в Тарекитаре и Пейктано, проливает определенный свет на историю архитектуры этих государств.

Пью приходят в Бирму в первых веках нашей эры, и первые датированные их памятники относятся к V—VI векам. Контролируя основную транспортную артерию Бирмы — Иравади, пью поддерживали тесные связи как с Китаем, так и с Индией.

Пью не строили больших храмовых сооружений, могущих поспорить по величине с паганскими исполинами, хотя пагоды в Хмозе достигали внушительных размеров и сродни по форме некоторым из паганских. Храмы пью были невелики, но один из дошедших до наших дней, Лемьетна, повторяет в плане Ананду, а другой храм, Бе-бе, представляет собой внутри квадратное помещение с возвышением у одной из стен, что напоминает и некоторые индийские храмы и «малые» храмы Пагана.

Храмы пью уже были кирпичными. Этот строительный материал позволял употреблять арку как важный конструктивный элемент. Правда, арка была еще не так развита и многообразна, как в Пагане.

Государство монов Татона и Дельты несомненно испытывало большое влияние индийской культуры. Свидетельством тому, в частности, многочисленность предметов индийского происхождения, обнаруженных при раскопках в Татоне и Пегу. Но моны подвергались не только индийскому влиянию. Их государство граничило с Анкором, а в IX—X веках Раманнадеса вела ряд войн с кхмерами и даже временно находилась под властью кхмерских царей. Монские города поддерживали связи с Дваравати, а также с Тьямпой и Явой.

Храмы монов свидетельствуют о высоком уровне строительных работ и архитектурных знаниях монских строителей. В монском государстве мы впервые встречаем стрельчатую арку, не употребляемую ни в Индии, ни в Камбодже в то время. Вот что пишет Стюарт о раскопках храма в Пегу, датированного VIII веком: «Высота храма — 8 футов, размеры — 15 на 18 футов. Интересной особенностью его является сводчатое

перекрытие. Все четыре стены сходятся в одной точке. Кирпичи аккуратно сформованы, раствор тоже хорош, и, если, бы не искатели сокровищ, пробившие дыру в крыше, здание сохранилось бы в хорошем состоянии». Он же на основании раскопок делает вывод: «Что касается стрельчатой арки, которая не встречается в Индии, нам кажется весьма вероятным, что Анората узнал о ней в Татоне».

Цари Пагана превратили его в столицу большого, многоплеменного государства. В Пагане, особенно в первые десятилетия, бок о бок с бирманскими строителями работали монские архитекторы, зодчие пью. Города этих народов вошли в состав Паганского государства. Достижения культуры монов и пью стали школой, где воспитывались будущие строители «больших» храмов Пагана, причем эти строители уже имели к тому времени определенный навык и опыт, о чем говорят и стены Пагана и некоторые пагоды, построенные до его возникновения.

Архитектура первого бирманского государства не была механическим объединением архитектур покоренных народов и тем более не была копией индийских или китайских образцов. Памятники Пагана оставили позади многие достижения предшественников, включая и те храмы, с которых они якобы скопированы. Их «оригиналов» не найти — таких не существует, как не существует «оригиналов» пирамиды Хеопса, римского Колизея, храма на Нерли или Эйфелевой башни.

Рассказ о Пагане закончен.

Паган создавался руками многих поколений бирманцев и других народов, которые жили или живут в Бирме. Храмы и пагоды этого государства, стоящие на берегу Иравади, вызвали интерес к его истории, а изучение истории позволило вернуться к храмам. Но вернуться уже не простым зрителем. Когда знаешь, когда, кем и почему были возведены эти здания, видишь в них многое, мимо чего прошел бы раньше равнодушным.

На кирпичач — груды их лежат между храмами Пагана — можно различить маленькие клейма. Каждое соответствует названию деревни, где кирпичи обжигались. В ямах, вскрытых археологами, видны остатки извести. Присмотришься к рисунку, вырезанному на штукатурке храма, и заметишь, что где-то линия узора искривилась — у художника дрогнула рука...

За всем видны люди, которые вложили в создание города свой труд. И надписи, стоящие у храмов, заговорив, поведали нам об этих людях — о том, как они работали, что ели, во что верили.

Если читателя этой книги судьба занесет когда-нибудь в далекий мертвый город, пусть он вспомнит о людях — о художниках и каменщиках, возчиках и скульпторах... Вспомнит о тех ученых, историках и археологах» бирманских летописцах и работниках музеев, которые открыли Паган и, хотя бы частично, вернули его к жизни.